

Василий Корнеев

ОТ МОСКВЫ
ДО КЕНИГСБЕРГА,

ОТ ОПОЛЧЕНИЯ
ДО ГВАРДИИ

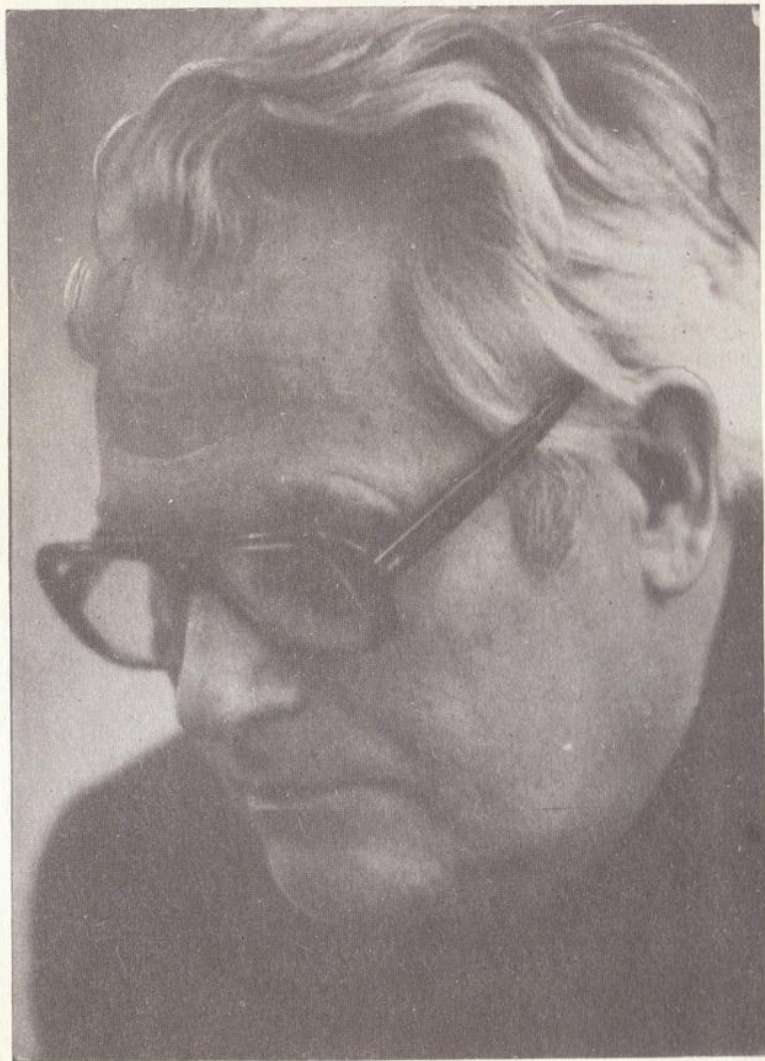
Омск — 1993

**БОЕВОЙ ПУТЬ
11-й ГВАРДЕЙСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ГОРОДКОВОЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА КРАСНОЗНАМЁННОЙ ОРДЕНА СУВОРОВА
ДИВИЗИИ (ГСОЛКОСА)**

Василий Корнеев

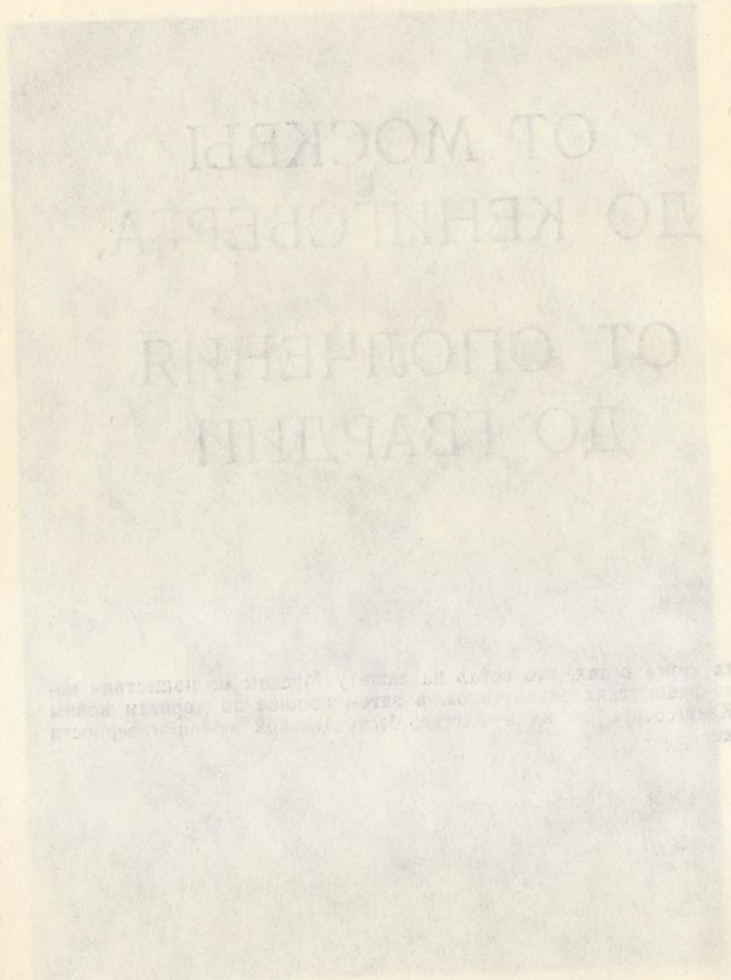
Автор Василий Корнеев

ОТ МОСКВЫ
ДО КЕНИГСБЕРГА,
ОТ ОПОЛЧЕНИЯ
ДО ГВАРДИИ

Эта книга о тех, кто встал на защиту Москвы от нашествия немецко-фашистских захватчиков, а затем прошел по дорогам войны до Кенигсберга, об их мужестве, беспредельной любви и верности Родине.

Василий Корнеев

1988

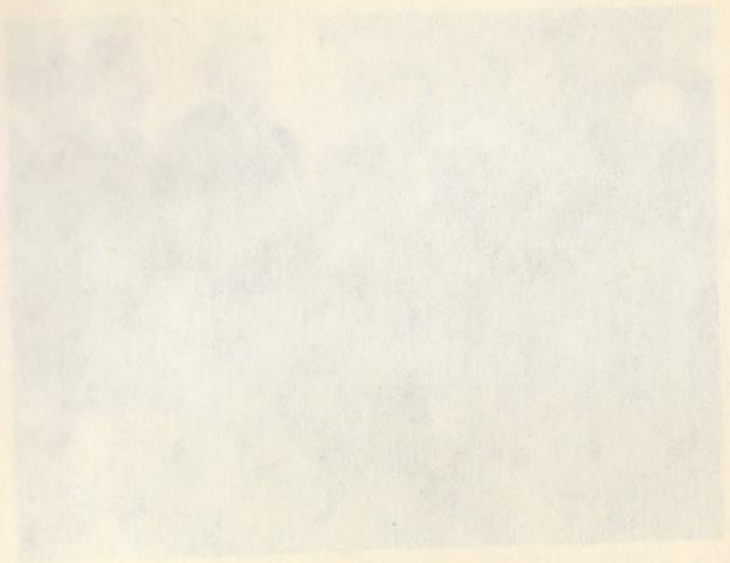

Этот документ является копией оригинала, хранящегося в архиве. Он был подготовлен в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. Подпись: [Illegible]

Василий Корнеев

Посвящаю своему любимому
внуку Василию

[Illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

[Illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

Последнюю свою подлинную
взяту врасплох

Автор приносит также сердечную благодарность
признательности. Обращение к ветеранам
нашего Омского района в Москве за моральную
и материальную помощь по заданию «Ом. Моск.
и до Кенесовых, от омичей до гвардии. Имен
но это малое государственное предприятие «Васюк»
и генерального директора Василия Андреевича. Не
знаю, какое дело будет...

От автора

В историко-документальном очерке о боевом пути
II-й гвардейской Городокской ордена Ленина, Красно-
знаменной, ордена Суворова стрелковой дивизии ис-
пользованы воспоминания: В. С. Антонова, Р. А. Вали-
ева, И. И. Кривого, В. П. Кругликова, А. П. Логинова,
М. С. Поздина, А. Г. Сандрикова, А. В. Спиридонова,
А. И. Суетнова, Н. В. Харченко, И. К. Щербины,
П. Г. Яновского и других ветеранов, за что автор при-
носит им большую признательность и благодарность.

Встреча ветеранов дивизии и спонсоров
с главой администрации Омской области Л. К. Полежаевым

Автор приносит также сердечную благодарность и признательность Объединению воинов-интернационалистов Волгоградского района г. Москвы за моральную и материальную помощь по изданию книги «От Москвы до Кенигсберга, от ополчения до гвардии». Именно его малое государственное предприятие «Дискус» в лице генерального директора Василия Андреевича Черкашина ассигновало на это благородное дело необходимые средства. Большое спасибо и низкий ему поклон. Ветераны дивизии видят в этом свидетельство преемственности двух поколений нашей страны. Солдаты Отечества и воины-интернационалисты с честью и достоинством выполнили свой ратный долг перед Родиной.

Большое спасибо администрации Омской области, возглавляемой Леонидом Константиновичем Полежаевым, и начальнику Управления печати и массовой информации Омского облисполкома Александру Ивановичу Ресненко, принявшим самое непосредственное участие в организации выпуска книги. Низкий поклон и им.

Встреча ветеранов дивизии в Омске. В центре — Александр Ресненко, начальник управления печати и массовой информации Омского облисполкома.

Вместо предисловия

Эту книгу я писал несколько последних лет после возвращения из длительной командировки в ГДР, Польшу и Чехословакию, где работал в качестве собственного корреспондента газеты «Сельская жизнь». Еще находясь там и приезжая в отпуск, я не забывал о своих друзьях-однополчанах II-й гвардейской стрелковой дивизии (бывшей 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района г. Москвы) и частенько встречался с ними. В душевных беседах вспоминали о войне, о погибших и живых. А однажды (это было в 1985 г.) Михаил Степанович Позднин, бывший тогда председателем Совета ветеранов дивизии, сказал мне: «Дорогой мой товарищ! Слезно прошу взяться за написание истории нашей дивизии, от лица всех прошу. Она стоит того, сам знаешь. Нельзя забывать о подвиге людей, которые своей жизнью и кровью отстояли свободу Родины от немецко-фашистских захватчиков». Слова эти заделали меня. Я имел много материала о дивизии, в том числе подшивку дивизионной газеты «За Родину», будучи заместителем ее редактора. Да и в портфеле Совета ветеранов дивизии накопилось немало воспоминаний и писем однополчан.

Словом, все это убедило меня в том, что, пока не поздно, пока еще остались в живых участники Великой Отечественной войны, надо писать книгу. Особенно это необходимо сделать потому, что в последнее время Красную Армию, спасшую страну от фашистского рабства, превратили в постоянный объект нападок, поливают помоями на площадях и на митингах, с газетных страниц, в журналах, с экранов кино и телевидения, с трибун Верховных Советов. Дошло до того, что забыли о самом страшном дне нашей истории — 22 июня 1941 года. Будто он ушел в небытие. Но он был, этот день! Именно в 3 часа 30 минут того дня 8 тысяч немецких орудий одновременно, на фронте, протяжен-

ностью от Балтики до Черного моря, открыли огонь, обрушив смерть на тысячи наших городов и сел. Как только они умолкли, три миллиона немецких солдат и офицеров перешли границу. В первой атаке того дня участвовало 4 тысячи танков и свыше 2 тысяч самолетов врага.

Это была прелюдия к операции «Барбаросса», означавшая вторжение в Советский Союз. «Когда «Барбаросса» двинется в поход,—сказал Гитлер,—весь мир затаит дыхание». Генерал Варлимонт, один из авторов этой операции, в своей книге «Я подготовил операцию «Барбаросса» пишет: «Мы, офицеры германского штаба, были застигнуты врасплох, когда во второй половине июля 1940 года Гитлер неожиданно решил распространить войну на Россию. Это было тем более удивительно, что германо-советскому договору, заключенному в августе 1939 года, не исполнилось и года»¹.

Немаловажное значение имела дата нападения — в самую короткую ночь, когда, по русской пословице, заря с зарею сходится. И это было не случайно. Это заранее обдуманная, тщательно взвешенная акция. Она соответствовала замыслу «блицкрига» — молниеносной войны: использовать даже такой фактор, как долгота светового дня, чтобы больше захватить, дальше продвигаться.

Такой философии вполне соответствовало и вероломство: вторжение свершилось без объявления войны на рассвете воскресного утра, когда советские люди спали в предвкушении отдыха.

Мне, тогда студенту Московского института подготовки редакционно-издательских кадров, шел 1923 год. Не скрою, пакт «Молотов-Риббентроп» 1939 г. вызвал у многих шок: как могло случиться, что заклятые враги — коммунисты и фашисты — вдруг стали друзьями? Но война началась, она ввергла в свою кровавую пучину весь мир и длилась 1418 дней.

С тех пор прошло полвека — срок немалый даже для истории. Однако люди никогда не забудут ту страшную дату — 22 июня 1941 года. Скорбят об утратах не только у нас, не досчитавших 27 миллионов жизней. Скорбят все, потерявшие родных и близких. Мы называем войну Великой Отечественной, другие — второй миро-

вой, французы — «войной с немецким фашизмом». Дело не в названии. Важно то, что человечество рассматривает ее как преступление. Тем удивительнее, что находятся и такие, кто недоволен по разным причинам результатами войны. Даже в Советском Союзе. Появились историки, которые считают, что нам вообще не надо было в 1941 году браться за оружие и защищаться, что война, развязанная Гитлером, могла бы стать для нас освободительной и русские жили бы теперь по-немецки, в сытости и довольстве. Впрочем, Иванам, считают эти историки, еще при Петре I не стоило воевать с Карлом XII, тогда бы они жили по-шведски.

Вот ведь до чего можно договориться.

На этой ноте размышляют иные историки и о блокаде Ленинграда, уверяя, что город надо было побыстрее сдать и никто бы не помер от голода. Сражение под Москвой, отмеченное массовым героизмом ее защитников, называют преступлением, потому что пролилось много крови и что победу над немцами осенью-зимой 1941 года одержала не Красная Армия, а Дед Мороз. И генерала Власова, поднявшего предательскую руку против своих, стали называть борцом за освобождение.

Откуда подобные рассуждения? Думается, что им подсказали? Да, скорее всего подсказали. Замечено, как только речь заходит о войне и армии, первое, что слышишь — это вздохи о страданиях «беженцев и изгнанных», тех изгнанных, «за бугром». И ни слова о своих беженцах — украинцах, русских, белорусах, — о депортации, о немецких лагерях с газовыми камерами, в которых сжигали миллионы людей.

Добрались до Октябрьской революции, что ее мол и не было, что это лишь «узкий заговор большевиков», которые воспользовались трудностями временного правительства и захватили власть. И что Лениным в 1917 году руководило лишь «чувство мести за своего старшего брата, убитого царизмом». Чушь! А если говорить правду, не манипулируя терминами и словоблудием, то преследуется вполне определенная цель: деморализовать советских людей, столкнуть их в пропасть беспомощности и погреть на этом руки. Да, именно так. Запутать историю, посеять сомнения, внести раскол в общество и прийти к власти.

Как свидетельствуют факты, в истории нашей стра-

¹ Вестник ТАСС. № 57. 10.03.1965.

ны всякое бывало — и хорошее и плохое. Но все страницы должны быть прочитаны, ни одной нельзя вырывать из текста. Революция была, хотят того или нет. Понятно, что когда мы говорим о революции, в сознании прежде всего оживает не столько прошлое, сколько настоящее и будущее. Знаем, что в послеоктябрьское время было у нас не только великое, но и трагическое. Но постигать явления надо всегда в совокупности и противоречивости. Октябрь — это наше прошлое, неотторжимая часть нашего бытия, каким бы трудным оно не было. Это вечная память народа. Еще живы те, кто участвовал в революции, защищал ее, кто совершал под знаменем Октября ратные и трудовые подвиги. Только потерявшие память отказываются праздновать 7 ноября, вычеркивают эту историческую дату из календаря. Французы, например, этого не делают с Днем взятия Бастилии. У нас же радикализм и крайности, категорические суждения приобрели повальное хождение. Не утруждая себя необходимостью вдумчиво разобраться в том, что произошло после 1917 года, экстремисты руют все скопом, без разбора. Низвергают авторитеты, памятники, выдавая свои умозаключения за истину в последней инстанции.

И тут мне хотелось бы обратить внимание читателей еще на один аспект развернувшихся дискуссий. Известно, что в нашей стране армия никогда не стояла вне политики — сама жизнь втягивала ее в водоворот сложных общественных процессов борьбы за власть. Поэтому естественно, что вокруг армии столь ожесточенно ломаются копыя. Жаль только, что «война идей» нередко переходит границы. Определенные круги, не имея веских аргументов, просто злобно клеветают на нее. Антиармейская эпидемия буквально заполонила средства массовой информации. Армии угрожают, совершаются нападения не только на отдельных солдат и офицеров, но и на целые подразделения. Дошло дело до надругательств над могилами солдат, срывают памятники героям войны. Такого вандализма не бывало ни в одной уважающей себя стране!

До глубины души нас, ветеранов Отечественной, возмущает тот факт, что раздаются голоса отменить (кое-где уже отменен) праздник День Победы. В Лейпциге, например, возвышается величественный монумент в память Победы народов над Наполеоном. Никому и в

голову не приходит осквернить его, а у нас памятники освободителей от фашизма взрывают.

День Победы — это наша история. Это — наша гордость и величие, слава нашей армии, которую по недомыслию некоторые политики пытаются ныне поделить и превратить в козырную карту.

Из поколения в поколение, с самого раннего детства во всех странах культивируется любовь и уважение к армии. Более того, это обеспечивается правом и законом. Во все времена считали армию цветом народным, гордостью и опорой государства. Ни одна из политических партий, не рискуя лишиться доверия избирателей, не посмеет поднять голос против священных национальных символов: государственного флага и вооруженных сил. «Тот, кто не любит свою армию, будет кормить чужую», — писал Клаузевиц. Лишь люди без чести могут себе позволить издеваться и оскорблять армию. На всей земле такое считается страшным кощунством и строго наказуется. И только наши доморожденные «демократы» опустили до того, что даже в стенах Верховных Советов призывают к дезертирству, к нарушению святой клятвы присяги на верность народу и государству. Да за это депутатов «за бугром» выводят из зала и ставят к позорному столбу на всеобщее обозрение и презрение.

В этой связи хочу высказать свое отношение к вопросу о партийности в армии. Думается, что здесь есть проблема, и моя точка зрения такова. В условиях плюрализма и многопартийности армия должна руководствоваться лишь Основным законом, т. е. Конституцией. И ничем другим. Ее главная задача — защита границы и целостности государства, независимости, безопасности, свободы и чести граждан. Именно с этими мыслями и убеждением я вступил в начале июля 1941 года в народное ополчение, чтобы в рядах Красной Армии защитить страну от иноземного рабства.

Тяжелая судьба выпала нашему поколению, неизменные трудности и лишения вынесли мы, но Родину отстаивали, гитлеровские полчища были выброшены вон с советской территории. Большинство моих однополчан погибло, их могилы рассыпаны на полях сражений, у дорог и лесных опушек, на огромных просторах от Москвы до Кенигсберга, где воевала дивизия. Мы, оставшиеся в живых, помним о них. Однако, прискорбно, что

только теперь, 50 лет спустя, принят Указ об увековечивании памяти советских воинов, павших при защите Родины. Это позор, что в стране, победившей фашизм, числятся без вести пропавшими около 3-х миллионов человек. Останки многих из них по сию пору лежат незахороненными. Неужели наша память о павших — это в самом деле пустые слова? Погибшие подождут, если мало что сделано для живущих? Можно бесконечно рассуждать про человеческие ценности, говорить с трибун, что никто и ничто не забыто, но для нас война закончится только тогда, когда будет установлено имя каждого погибшего и пропавшего без вести. Наша священная задача — постоянно заботиться о могилах однополчан, об их матерях и женах. Рассказывать правду о войне, о беспримерном подвиге народа.

Не могу умолчать в этой связи и о пленных. Знаю и об отношении, сложившемся в нашей стране, к этому вопросу. В предвоенном Уставе внутренней службы РККА не было даже упоминания о пленных, их как бы не существовало. Нынешний Устав, как и довоенный, не предусматривает пленения. «Ничто, — говорится в Уставе, — в том числе и угроза смерти, не должно заставить военнослужащего Вооруженных Сил СССР сдаться в плен!»

Наша 18-я дивизия народного ополчения в начале октября 1941 года находилась в составе 32-й армии в районе Вязьмы и попала в окружение. Дивизии с боями удалось прорвать кольцо врага и выйти из него. Вместе с тем большое количество бойцов и командиров оказалось в плену (именно оказалось, а не сдалось). Одни будучи ранеными или контуженными, другие просто из-за неожиданного прорыва противника. Многие пропали без вести — их разорвало снарядом или бомбой, утонули при форсировании водных преград и т. д.

Словом, по многим причинам, а не по злому умыслу. По сведениям немецких источников, вермахту сдалось 5,7 миллиона советских солдат и офицеров¹. По их же данным, около миллиона советских граждан, в том числе и военнопленных, поступили на службу в вооруженные силы «третьего рейха» — в вермахт, в войска СС, в люфтваффе. Однако эти данные не совпадают со штабными и архивными документами ОКХ — командования

¹ «Известия». 1990. 27 мая.

сухопутными силами фашистской Германии — и учреждений СС и СД, хранящимися в Потсдаме и в Москве. Скрупулезное их изучение показало, что в плен попало около 4-х миллионов советских солдат, а на службе у врага оказалось всего около 100 тысяч.

Таким образом, факты свидетельствуют, что абсолютное большинство наших солдат попали в плен не в результате измены, сознательной сдачи или злого умысла, а в результате безвыходных обстоятельств, случайности и беспомощного состояния. В боях на Курской дуге 40-му стрелковому полку нашей дивизии пришлось столкнуться с батальоном власовцев. Не успел бой разгореться, как многие из них подняли белый флаг. Думается, что они давно готовились к этой акции и только ждали подходящего случая.

И пленные, и пропавшие без вести — наша боль, о них мы должны узнать правду. Доброе имя всех пропавших и не вернувшихся с войны не должно быть забыто. Совет ветеранов нашей дивизии уже много сделал в этом направлении. Долгое время мы не знали имен 36 воинов, отдавших свою жизнь, но не пропустивших танки врага к Москве осенью 1941 года. Сейчас нам известны фамилии всех тридцати шести.

Хотелось бы сказать несколько слов о ветеранах. Во всех странах — это самые почетные люди, о них заботятся не только государство, но и граждане. Инвалиды пользуются особым уважением — носят на рукаве специальную повязку. Вспоминаю 1952 год — год первого участия советских спортсменов в Олимпийских играх, проводившихся в столице Финляндии городе Хельсинки. Я был аккредитован на них от Совинформбюро. Это было грандиозное зрелище, но более всего меня поразило, что на самых почетных местах стадиона находились ветераны войны, а инвалиды на колясках заняли свободную полосу вокруг беговых дорожек. С тех пор минуло полвека, а эта картина никак не исчезает из памяти. Как это не вяжется с отношением к ветеранам войны у нас! Горько говорить, но сам не раз видел и слышал, как увешанным орденами и медалями седого человека поносят площадными словами, даже женщины. Думаю, что не последнюю роль в этом играет и антиармейская пропаганда.

В своей книге я пишу о том, что было, что сам видел, что совершилось на моих глазах и осталось в па-

мяти, в записках, документах. Я широко использовал письма и воспоминания однополчан, их рассказы, архивные материалы, боевые донесения полков и подразделений, дивизионную газету «За Родину», которую хранил с ее первого номера.

И тут считаю необходимым обратить внимание на следующее. Случилось так (и это мы знаем из истории): как только у нас в обществе обостряется политическая борьба, неизбежно встает вопрос об отношении к армии. Причем отношение к ней меняется в зависимости от биографии и взглядов «верхов». Даже о Великой Отечественной войне у нас вспоминали от их хотения. Это отражалось и на военной литературе, на многотомных изданиях об истории ВОВ. Что ни книга, то новые открытия. В одних взахлеб расписываются выдающиеся военные заслуги и доблести Хрущева, в других он куда-то исчезает, зато появляются Гречко и новый пятизвездочный генсек, полководец и маршал Брежнев. В одном издании главным сражением считается Харьковская операция, в другом — высадка десанта на Малую землю. Сейчас пишется новое десяти томное издание о ВОВ. Пока неизвестно, кто теперь окажется нашим величайшим полководцем-спасителем, но совершенно ясно: так историю писать непозволительно. В ужасном положении оказываются миллионы людей, особенно молодежь. Для нее вообще не успевают написать и напечатать правдивой книги. Доходит до абсурда. В 50-х годах я подписался на Большую Советскую Энциклопедию. Когда пришел том на букву «Б», первое, что я увидел, открыв обложку, вкладыш с уведомлением. В нем говорилось, чтобы я немедленно вырезал и сжег статью о Берин и вместо нее вклеил статью о Беринговом проливе, а ту, что вырезал, переслал немедленно в издательство. Что я и сделал, так как в противном случае... прекращалась подписка¹.

У нас общая история, какая бы она ни была, и ей нужны не версии, не конъюнктурные тома, а правда, истина. Историю надо внимательно и глубоко изучать, делать из нее научно обоснованные выводы, а не приглаживать, перелопачивать, тем более не отменять с

¹ Теперь, кажется, можно упоминать это имя, а в некоторых «независимых» газетах даже стали писать, что он, мол, не такой уж зверь.

каждым новым курсом того или иного партийного съезда, нового генерального секретаря или нового президента.

В истории о войне не должно быть «белых пятен». И, конечно же, вспоминать о Великой Отечественной войне, Дне Победы, других исторических датах нам нужно не по приказу сверху, а по велению сердца, чтобы не оказаться иванами, не помнящими родства. Ибо память образует социальную нравственность народа, а беспамятство ведет к разложению и гибели нации.

В своей книге об ополченцах, которым почему-то явно недостаточно уделяется внимания в послевоенной литературе, я попытался избежать вольного толкования событий. Факты и только факты, такие, как они были, без преувеличения и прикрас. Словом, я писал, «добру и злу внимая равнодушно», то есть не принимая ничьей стороны, а исходя из своих убеждений.

И последнее, на чем хочу остановиться в предисловии. Как помните, дорогой читатель, я начал с упоминания даты 22 июня 1941 года, которая навечно вошла в мировую историю. И завершить его мне тоже хотелось бы датой — 25 февраля 1991 года. Конечно, они неадекватны, но как первая, так и вторая наводят на серьезные размышления. 22 июня объяснять не надо, а вот о том, что случилось 25 февраля, сообщу. В тот день в Будапеште состоялось совещание Политического консультативного комитета Варшавского Договора о дружбе и взаимопомощи. В его непродолжительной истории (договор был подписан 14 мая 1955 года) и ранее проводились подобные совещания, но это, то есть 25 февраля, оказалось последним. Именно на нем было принято решение распустить Варшавский Договор.

Период с 1955 года по 1991 год был сложным и противоречивым. Бушевала холодная война. Порой конфронтация между Западом и Востоком достигала небывалого накала. Был даже момент — Карибский кризис — когда могла вспыхнуть не только горячая, но и ядерная война. Тогда, в 1962 году, здравый смысл восторжествовал, мир был спасен. Немалую роль в этом сыграл Варшавский Договор, объединявший 7 стран социалистического лагеря, с мощью которого считались.

Теперь не стало ни этого лагеря, ни Договора. Более того, развалился неделимый и несокрушимый Советский Союз. Образовались 15 новых государств, возо-

шли на «престол» сразу 12 новых президентов. Разваливается (или уже развалилась?) непобедимая и легендарная армия. В результате ситуация в мире коренным образом изменилась. Для бывшего СССР ухудшилось и стратегическое положение, поскольку НАТО не только существует, но всячески укрепляет свои позиции, продолжает совершенствовать свое оружие. Что касается бывших соцстран и новых государств бывшего СССР, то и те и другие нынче начинают поглядывать на НАТО.

По существу Россия осталась одна, а когда войска наших бывших Вооруженных Сил до конца 1994 года возвратятся домой, на ее территорию, то не станет не только так называемой оборонительной «буферной зоны», но возникнут (уже возникают) новые зоны неизвестно какой ориентации.

К сожалению, надо признать, что ныне вместо двух супердержав существует лишь одно, которое не без бравады заявило после войны в Персидском заливе, что надо и впредь сохранять мощь НАТО и дальше накачивать военные мускулы в интересах безопасности США.

Против кого?

И о какой равной безопасности теперь можно говорить? Пресловутое «равновесие страха» создавало своего рода уверенность. Откуда оно возьмется сегодня, когда еще не успели обозначиться хрупкие плечи зарождающегося партнерства между Россией и США, а американская подлодка вторглась на нашу территорию в Баренцевом море. Одновременно появился на свет документ о новой доктрине Пентагона, в котором подчеркивается, что США теперь не допустят существования соперников, что в мире должно быть только одно супергосударство и что, несмотря на развал СССР, американские ядерные ракеты будут по-прежнему нацелены на «ключевые объекты бывшего советского истеблишмента (то есть могущества.— В. К.), на все те объекты, которые представляют наибольшую ценность». И это заявляется в то время, когда Россия объявила, что ее ядерные ракеты больше не нацелены на США.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в документе предполагается в случае «войны на Литовском фронте» блокирование российского флота «в восточной части Балтики», а сама Россия рассматривается вплоть

до конца столетия как «потенциально серьезная угроза интересам США». Пентагоновские директивы содержат отрицательное отношение к коллективной безопасности, что США, дескать, могут и без ООН в одностороннем порядке нанести превентивный удар, если сочтут, что им кто-то угрожает.

В этих условиях надо во что бы то ни стало сохранить единство еще оставшихся Вооруженных Сил СНГ. А наш священный долг, чтобы не оказаться у разбитого корыта, крепить их боевую мощь, а не поливать армию грязью. Ибо это единственная сила, способная защитить нас, обеспечить свободу и независимость Отчизны.

В. КОРНЕЕВ,
бывший заместитель редактора
дивизионной газеты «За Родину»,
заслуженный работник культуры РСФСР

Май, 1992 г.

Глава первая

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Полвека минуло с тех пор, но хорошо помню погожие дни июля 1941 года. Разгар московского лета. Тихо шелестят яркой зеленью деревья парков. В скверах — ковровое разноцветье цинний, незабудок, анютиных глазок. А над головой, будто айсберги, медленно плывут кучевые облака. Такая кругом благодать! Но люди как-то не замечали всей этой красоты. Озабоченные, взволнованные, они куда-то бежали, торопились, собирались группами, что-то обсуждали, спорили, снова, спохватившись, бежали.

Но вдруг на мостовой появился духовой оркестр, все замолкло, а за ним, под бой барабана, выплыла колонна людей с мешками за плечами. За ней другая, третья. И так почти на всех улицах и переулках. Старики, женщины, дети махали им руками, платками, провожая. Это шли на фронт москвичи. Смертельная угроза, нависшая над страной, всколыхнула весь советский народ — от безусых школьников до седовласых мужей.

Вот в те дни июля формировалась наша 18-я дивизия народного ополчения Ленинградского района города Москвы. События развивались стремительно. С фронта поступали вести с каждым часом тревожнее и мрачнее. Страна буквально затаила дыхание. Да и как не затаить: не прошло и трех недель после вероломного нападения, а гитлеровские полчища захватили Латвию, Литву, часть Эстонии, почти всю Белоруссию, Молдавию и часть Украины. А ведь из года в год мы только и слышали, что летаем дальше всех и все выше и выше, что броня наша крепка и воевать будем на чужой тер-

ритории, на удар ответим тройным ударом и первый маршал в бой нас поведет. И вдруг оказывается, что немецко-фашистские дивизии за три недели продвинулись в глубь Советского Союза на юго-западном направлении на 300—350 километров, на северо-западном — на 450—500 километров, а на западном и того больше — на 450—600 километров¹. И уж совсем страна была ошеломлена, когда 15 июля немцы подошли к Смоленску — старинному русскому городу, от которого рукой подать до столицы-матушки Москвы.

«Есть в истории моменты, — вспоминает бывший первый начальник политотдела дивизии М. Ф. Шмидт, — которые по прошествии многих лет потомки признают решающими, поворотными. Поэт, возможно, сказал бы, что в такие минуты можно слышать глухие удары барабанов судьбы или далекий звук фанфар. Для меня, тогда заведующего лекторской группой Ленинградского РК ВКП(б) Москвы, все это заменил резкий телефонный звонок на моем столе дежурного по райкому. Было 3 часа ночи с 1 на 2 июля 1941 года. Первому секретарю РК Алексею Яковлевичу Секачеву предписывалось срочно явиться в Кремль. Я разбудил его (он спал в соседней комнате, с первых дней войны практически переселился в райком), объяснил, кто звонил, и он быстро уехал. Через полчаса вернулся и сказал: «В ЦК ВКП(б) состоялось совещание актива городского и районных комитетов партии Москвы. Принято решение немедленно создавать дивизии народного ополчения. Партийным организациям поручено возглавить это движение»².

2 июля Военный Совет МВО принял постановление о добровольной мобилизации трудящихся Москвы и области в народное ополчение. Сначала предполагалось сформировать 25 дивизий (по количеству районов столицы) из не подлежащих призыву в возрасте от 17 до 55 лет, однако 4 июля Государственный Комитет Обороны, образованный 30 июня 1941 года, внес поправку и принял решение, учитывая возможности промышленности, а также нехватку вооружения и другие

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Воениздат, 1970. С. 68.

² «Московский комсомолец». 1985. 19 янв.

обстоятельства, на первых порах сформировать к 7 июля лишь 12 дивизий (впоследствии были сформированы еще 3 коммунистические дивизии)¹.

Узнав о формировании народного ополчения, москвичи и жители Подмосковья стали обращаться в парткомы и профкомы фабрик и заводов, в правления колхозов и совхозов, в ЦК ВКП(б) с заявлениями с просьбой направить их на фронт. Поток писем трудящихся с такой просьбой был столь велик, что только в Москве и области в считанные дни было получено свыше 300 тысяч заявлений. В результате к концу первой декады июля 12 дивизий в основном были сформированы, в том числе и наша 18-я дивизия народного ополчения Ленинградского района².

Райком в те дни превратился в своеобразный военный штаб. С утра и до позднего вечера здесь толпились люди. Отдел кадров занимался подбором политработников, другие — распределением обращавшихся жителей по адресам формирования. Руководила работой тройка: первый секретарь РК ВКП(б) А. Я. Секачев (председатель), председатель райисполкома Г. В. Безруков и уполномоченный НКВД по Ленинградскому району Г. А. Скворцов.

Первые подразделения дивизии начали формироваться 3 июля в школах № 163, 264, 265³. *«В ополчение шли люди разных профессий и возрастов, — вспоминает А. Я. Секачев, — рабочие, служащие, ученые. Многие из них имели освобождение по болезни или бронь. Однако они не считались с этим...»* Вот что говорил на митинге один из лучших рабочих фабрики «Ява» — А. Яковлев. *«Так как я снят с военного учета, то иду добровольцем в народное ополчение. Призываю товарищей последовать моему примеру...»* На втором часовом заводе в народное ополчение записалось 250 рабочих и служащих. Рабочие холодильника № 7 и артели «Возрождение» Г. Глебов и Поздняков пришли в ополчение вместе с сыновьями. Не отставала и интеллигенция. Ополченцами стали, например, доцент кафедры марксизма-ленинизма Института иностранных языков П. В. Мамаев,

¹ История КПСС. М.: Политиздат, 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 182.

² КПСС в Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917—1968. М.: Воениздат, 1969. С. 303.

³ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 1—2.

преподаватель той же кафедры И. Игнатенко, кандидат педагогических наук И. Певкин, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Московского авиационного института им. Серго Орджоникидзе А. П. Логинов, работник аппарата РК ВКП(б) Н. Громов и многие другие¹.

О патриотическом подъеме москвичей свидетельствует тот факт, что уже к вечеру 4 июля в комиссию по формированию дивизии поступило 7500 заявлений, в том числе: с заводов им. Менжинского — 240, им. Осавиахима — 160, «Изолятор» — 20; с фабрики «Большевик» — 200, «Ява» — 70, из Авиационного института — 350 заявлений и т. д. Очень много заявлений было подано от молодежи — юношей и девушек, студентов и учеников старших классов.

Из художественного института им. Сурикова в дивизию вступил целый курс студентов со своим преподавателем Чегодаевым: М. Ф. Володин, Ф. П. Глебов, В. Г. Гремитских, И. А. Гринюк, П. Н. Малышев, К. М. Максимов, Н. С. Соломин, П. Ф. Судаков, А. И. Плотнов².

Автор этой книги, в то время студент Московского института редакционно-издательских кадров, тоже пришел в 163-ю школу Ленинградского района записаться на фронт. Я сидел недалеко от стола, ожидая очереди, когда увидел подходившего подвижного коренастого крепыша, который громко спросил:

— А математики нужны?

Пожилой, усталый человек, заполнявший списки, поднял голову, посмотрел на него красными от бессонницы глазами, сказал:

— Фамилия?

— Валиев Рафгат, можно и Рафгат Валиев: от перестановки слагаемых сумма не меняется.

— Говори точно, как положено, — сказал пожилой человек. Он, видимо, так устал, что было не до шуток.

— Если точно, то Валиев Рафгат Ахтямович, — отчетливо ответил крепыш, щелкнув каблуками ботинок. Сделал он

¹ От Москва до Берлина. М.: Московский рабочий, 1966. С. 32—33.

² Многие из них впоследствии стали народными и заслуженными художниками СССР и РСФСР.

это так лихо, что все мы невольно залюбовались его гусарской выправкой, хотя был он гражданским человеком — окончил математический факультет МГУ и теперь преподавал в школе. Потом, на фронте, мы часто встречались, но об этом я еще расскажу.

Штаб дивизии находился в здании нынешней гостиницы «Советская». Если читатель случаем окажется в Москве на Ленинградском проспекте, на том месте, где возвышается гостиница, а ныне и цыганский театр «Ромэн», то он непременно увидит на стене, что обращена к бульвару, мраморную плиту, на которой чеканными буквами высечено:

*«Здесь
в суровые дни Великой Отечественной войны
(июль 1941 г.)*

была сформирована 18-я дивизия народного ополчения Ленинградского района г. Москвы, которая за доблесть и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, была преобразована в гвардейскую, награждена правительственными наградами и получила почетное наименование «11-я гвардейская Городская ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия».

Ежегодно к этому месту приходят оставшиеся в живых (и их родственники) ополченцы, чтобы вспомнить грозные дни сорок первого и помянуть погибших за свободу и независимость нашей Родины. Поклонитесь бессмертной славе ополченцев при случае и вы, дорогие читатели, этому скромному Памятному знаку.

По социальному составу 18-я дивизия народного ополчения Ленинградского района представляла собой боевое содружество рабочих — 60%, интеллигенции — около 24% и колхозников — 16%.

В дивизию влилось три батальона, сформированных в подмосковных районах: Красногорском, Дмитровском и Куровском. Из них особенно выделялся своей организованностью и хорошим материальным обеспечением Красногорский батальон, в составе 850 человек. Это были рабочие и служащие механического завода города Красногорска, Павшинского завода железобетонных конструкций, колхозники деревень Ангелово, Сабурово, Митино, Пенягино, Ново-Никольское и др. Среди ополченцев были учителя средней школы № 3 С. Л. Хазин,

И. Ф. Филатов, К. М. Килинский. Они пришли на сборный пункт со своими учениками-выпускниками¹.

«Выпускной вечер праздновать не пришлось — мы его на 22 июня наметили, — вспоминает полковник в отставке, бывший выпускник школы В. Г. Птицын. — Но в этот день мы все-таки собрались всем классом со всеми учителями. Вот так, как есть, без исключения, идем на войну. Так мы попали в ополчение всем классом. Я считаю, что нам повезло — будем воевать вместе под руководством — нет теперь уже под командованием своих учителей! С полным основанием я сейчас могу отнести к их числу и редактора нашей районки Николая Ивановича Суетнова»².

Н. И. Суетнов был назначен командиром Красногорского батальона, а комиссаром — Каськович Д. М. — опытный кадровый политработник, долгое время служивший в Красной Армии, а перед началом войны возглавлявший сельпо в деревне Митино. Красногорск, да и весь район, принял горячее участие в материальном обеспечении своих ополченцев. Райпищеторг выделил две походные кухни, механический завод Красногорска и Павшинский завод железобетонных конструкций — по одной грузовой автомашине, а также котелки и кружки. Фабрика шитья ремней обеспечила всех патронташами.

Политический состав дивизии был укомплектован в основном из районного партийного актива. Из числа преподавателей марксизма-ленинизма вузов были назначены комиссары, инструкторы политотдела и инструкторы по пропаганде в полках. Старшие командиры подобраны штабом МВО из кадрового состава Красной Армии и преподавателей военных академий, имевших боевой опыт. Что касается командиров среднего и младшего состава, то они практически боевого опыта не имели. Это были в основном только что выпущенные лейтенанты военных училищ. Например, командиром противотанкового дивизиона, в который меня зачислили заряжающим орудия, был назначен лейтенант. Вместе

¹ Ныне школа № 4. Здесь установлена мемориальная доска, на которой золотыми буквами высечено: «В этом здании 3—5 июля 1941 г. по зову коммунистической партии был сформирован из добровольцев батальон народного ополчения Красногорского района, прошедший с боями до Кенигсберга».

² «Московский комсомолец», 1985, 19 янв.

с нами он впервые увидел две трофейные пушки. К этим двум пушкам на весь дивизион оказалось всего по два снаряда.

Первым командиром 18-й дивизии народного ополчения был полковник Живалев П. К., а военным комиссаром, его заместителем по политчасти — Логинов А. П. Это были заслуженные люди, коммунисты с большим стажем: Живалев — с 1925 г., Логинов — с 1919 г. Полковник Живалев служил в Красной Армии с 1923 г., участник войны с Финляндией, награжден орденом Красного Знамени. Перед назначением комдивом командовал полком. Логинов — участник гражданской войны, работал ректором коммунистической школы, редактором областной газеты в г. Чернигове, а затем доцентом кафедры марксизма-ленинизма в Московском авиационном институте им. Серго Орджоникидзе, откуда и пошел в ополчение вместе с другими сотрудниками и студентами института.

Начальником штаба дивизии был назначен полковник В. И. Вепре, участник гражданской войны, член ВКП(б) с 1928 г. Перед войной он преподавал военную тактику в одной из московских академий.

Начальником политотдела стал М. Ф. Шмидт, работавший заведующим лекторской группы Ленинградского райкома (мы уже упоминали о нем), старый член партии, профессор кафедры марксизма-ленинизма Московского автодорожного института.

Стрелковые полки, артиллерийский дивизион, рота связи, мотомехразведроты, другие подразделения формировались в школах в районе Беговой улицы, Инвалидного рынка, в Покровском — Стрешневе. Командиром 1-го стрелкового полка был назначен майор К. А. Сергеев, участник хасанских боев, награжденный орденом Ленина; комиссаром — Кочет П. Г.; командиром 2-го стрелкового полка — майор М. И. Фомин, также участник боев на озере Хасан, награжденный орденом Ленина; комиссаром — И. К. Добрынин. Командиром 3-го стрелкового полка стал майор Н. Г. Чернов; комиссаром — Г. В. Штыков¹. Командиром арtdивизи-

¹ Г. В. Штыков, член ВКП(б) с 1920 года, работал лектором Ленинградского РК ВКП(б). Уходя в ополчение комиссаром полка, он взял с собой 16-летнего сына. Оба они — отец и сын — погибли смертью храбрых в боях в начале октября 1941 года.

она назначили майора Н. Б. Зимарева; комиссаром — П. В. Мамаева.

7 и 8 июля части и подразделения дивизии, к тому времени насчитывавшей 6904 человека, были переведены на казарменное положение, разместившись в восьми школах и двух клубах Ленинградского района.

ЗАЧИСЛЕНА В КАДРЫ

В ночь на 10 июля 1941 г.¹ 18-я дивизия народного ополчения, провожаемая родными и близкими, покинула Москву. Одетые кто во что горазд, с рюкзаками и баулами, просто с мешками и портфелями, в ботинках и сапогах, а то и в босоножках, ополченцы еще не были воинской частью. Но они уже были в колоннах, шли в ногу. Добровольно встали на защиту своей отчизны от нашествия гитлеровских орд, были вместе и ждали с нетерпением того момента, когда схватятся с врагом, чтобы победить. Перед выходом из Москвы дивизия получила 21 пулемет, 295 винтовок, 135 пистолетов и револьверов, 3216 гранат, 1680 бутылок с горючей смесью.

А на утро следующего дня, когда солнце осенило колонны яркими лучами, ополченцы, миновав Красногорск, встали лагерем близ деревень Ангелово и Черная Опалина. Позади был первый пеший марш — 30 км, первое нелегкое испытание, люди устали до изнеможения, тут же валились на землю и засыпали. Были и такие, что не осилили похода, остались в придорожных кюветах. Их затем подбирали и на повозках привозили в лагерь. Не забывайте! В колоннах шли и 16-летние и 65-летние!

Под Красногорском дивизия находилась несколько дней. Уточнялись списки частей и подразделений (после похода по состоянию здоровья было отчислено около 700 человек), формировались оружейные расчеты и батареи. К этому времени в лагерь доставили еще часть вооружения — трехзарядные французские винтовки, а несколько позже и французские пушки образца 1900 г., расточенные под наши 76-миллиметровые снаряды. Командный состав, как и рядовые, не был знаком

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 1.

с этим оружием. Пришлось, как говорят, на ходу сообщать осваивать: разбирать и собирать, гадать что к чему.

Артиллерийский капитан, ветеран дивизии Д. П. Андрианов вспоминает: *«Командирам и комиссарам батарей пришлось здорово потрудиться, чтобы в короткий срок сколотить орудийные расчеты, подобрать младший и средний комсостав и начать обучение личного состава военному делу. Ведь люди были необученные, к тому же постоянно менялись. Одновременно надо было создать партийные и комсомольские организации. Работа кипела круглосуточно, уже на третий день после прибытия под Красногорск в основном был сформирован состав всех четырех батарей артдивизиона, и ополченцы приступили к изучению материальной части. На это отводилось 11—12 часов в сутки.*

Под Красногорском ополченцев наголо подстригли, одели в военную форму, после чего их было трудно узнать. Бойцы — в красноармейских гимнастерках и пилотках, командиры — с портупеями и планшетами, у многих карабины и винтовки. Армия! И только по возрасту можно было определить, что она какая-то особая, не похожая на других. Вот в пилотке набекрень розово-щечий парень, которому нет и двадцати, а рядом в такой же пилотке и с таким же котелком уже седой, с заметной полнотой мужчина. Они о чем-то весело переговариваются — не иначе как из одного отделения. Что ж, на то и ополчение».

«У обмундированных людей, — вспоминает бывший студент института живописи им. Сурикова М. Ф. Володин, — исчез колорит индивидуальности. А мне не смогло подобрать по размеру ботинки, и я остался в своих туфлях. Гимнастерка также была мала, пришлось засучить рукава по локоть. Старшина спрашивал: «Это что за фокусы? Что за щеголь в штиблетах да еще с засученными рукавами?» Ему объясняли, что нет подходящего размера. «Тогда рукава зачем засучены?» Я раскатывал рукава и, видя, как это карикатурно, он, махнув рукой, говорил: «Ладно, лучше засучи!» Прошло три дня. Однажды слышу упоминают мою фамилию. Бегу. Зачем, думаю, нужен. Оказывается, достали, наконец, пригодную форму».

Но вот минула неделя и 18 июля, погрузившись на станции Нахабино в эшелоны, дивизия была направлена в район западнее г. Волоколамска. В то время шли

ожесточенные бои за Смоленск и здесь создавалась Можайская линия обороны¹ в составе 32-й, 33-й, 34-й армий. 20 июля дивизия заняла участок обороны западнее и восточнее города и находилась здесь вплоть до 6 августа². Вскоре сюда прибыло пополнение — 600 человек, а также оружие — французские пушки. В те же дни французские винтовки были заменены нашими «трехлинейками», поэтому снова возобновились занятия по изучению матчасти.

Ускоренно возводились оборонительные сооружения. От зари до зари ополченцы рыли окопы и противотанковые рвы. По ночам над нашими головами пролетали вражеские самолеты бомбить Москву. Посмотришь в ее сторону и видишь огромные руки прожекторов, заградительный огонь зениток. А вокруг, в нескольких километрах, горели деревни. Под вечер фашистская авиация специально разбрасывала на них зажигалки, чтобы не только спалить дотла, но и устроить панику.

Под Волоколамском, к концу июля, дивизия была в основном сформирована и 30 июля вошла в состав 32-й армии Резервного фронта³. Полки получили новые номера: 1-й стал 52-м, 2-й — 53-м, 3-й — 54-м⁴.

В волоколамских лесах, в период с середины июля по август, личный состав частей принял воинскую присягу на верность Родине, своему народу, великому делу коммунистической партии. Ко дню принятия присяги представители Ленинградского района привезли знамена: одно от МГК ВКП(б), другое от трудящихся Ленинградского района, которые были вручены дивизии в торжественной обстановке и вызвали большой подъем ополченцев. Принимая знамена, они дали клятву биться с врагом не на жизнь, а на смерть, пока не будут истреблены до последнего солдата фашистские захватчики⁵.

6 августа началась передислокация дивизии в район Вязьмы: 52-й полк — по железной дороге, а остальные части и подразделения — пешим порядком. Пере-

¹ Фронт Можайской линии обороны был расформирован 30 июля. ВОВ СССР. М.: Воениздат. 1970. С. 76.

² ЦАМО СССР, ф. 1070, с. 7, д. 1, л. 1.

³ Ополчение на защите Москвы. М.: Московский рабочий, 1978. С. 194.

⁴ ЦАМО СССР, ф. 1070, с. 1, п. 1, л. 2.

⁵ Партархив МК и МГК ВКП(б), ф. 4, с. 2, д. 59, к. 57.

броска по маршруту в 170 км — Волоколамск—Осташово—Уваровка—Вязьма — продолжалась 5 дней. На этот раз движение частей и подразделений проходило уже в другой обстановке — повсюду чувствовалось дыхание войны.

Шли спешно ночью и днем — в открытую. Стояла жаркая погода, людям все время хотелось пить, а деревенские колодцы большей частью оказывались пустыми. Передние еще кое-как утоляли жажду, а шедшим позади доставалась мутная жижа: ведь к фронту двигалась не одна наша дивизия. Тогдашнее душевное состояние ополченцев очень образно выразил один из них, студент художественного института им. Сурикова Иван Гринюк (его имя я уже упоминал) в своем стихотворении «Ополченцы». Привожу его полностью.

Пыль и песок. Попадаются камни.
Вольные птицы вверху над штыками.
С песней бойцов проходили полки.
Коротко звякали их котелки.
Нас на сближение ведут полководцы.
Мы на пути осушаем колодцы.
Цель как и в песне предельно строга:
Остановить, уничтожить врага.
От Красногорска — маршем до Вязьмы.
Все неудобства познали и грязь мы.
Россыпь цветов у обочин дорог.
Днем перегрелся, ночью продрог.
Лес подмосковный слышал присягу.
Нас подготовили к трудному шагу.
Не представляя грядущих утрат,
Роем окопы, едим концентрат.
Ноги истертые лечим росой,
Все восхищаясь дивной красою.
То пропоем, то шагаем молчком.
Встречные села поят молочком.
Письма родным на тетрадной бумажке.
Адрес домашний в левом кармашке,
Вложен в пластмассовый медальон —
Может, твой час уж не так отдален.
Время тревог подмосковного края.
Пела гармоника, дух ободряя.
Утром восток безмятежно лучист.
К сердцу России рвется фашист.

Снова над Русью лихая година.
Вновь как и встарь собиралась дружина.
Шла на врага ополченская рать.
Шла, хоть никто не хотел умирать.

Фронт приближался. Издалека доносился по временам немолкнущий гул орудий.

Дивизия заняла оборону в нескольких километрах от Вязьмы: 52-й стрелковый полк в районе сел Усадищи, Михалево, Мишино, Молошино, Зовня; 53-й — Покрово, Панфилово; 54-й — Новоселки, Бабы Горы, Селеваново, Карпово, Левушино. Артиллерийские батареи заняли огневые позиции в 10—12 км западнее Вязьмы, на смоленском шоссе около деревни Лукьяново.

Как и под Волоколамском, день и ночь рыли окопы и строили блиндажи, не прекращалась боевая подготовка и тренировка личного состава. Большое внимание уделялось стрельбе из французских пушек прямой наводкой. Наиболее четко и слаженно исполняли огневую службу орудийные расчеты 4-й батареи лейтенанта Н. П. Тараненко. Поэтому на ее позициях были проведены стрельбы всех батарей. Именно в это время, будто врага кто-то предупредил, налетела фашистская авиация. К счастью, жертв не было, но после «рамы» разведчицы уже не давали покоя.

В середине августа в дивизию прибыл гаубичный дивизион, поступило другое оружие и боеприпасы. И снова боевая учеба, рытье окопов, строительство блиндажей и землянок.

А в один из солнечных и безветренных дней и ополченцам приехала из Москвы концертная бригада. Очень это было кстати. Собрались бойцы в березовом лесу, замаскировались, так что всем была хорошо видна «сцена» (кузов автомашины). Запомнились выступления Михаила Гаркави, Лидии Руслановой, Владимира Хенкина. В такой обстановке — и вдруг артисты. Песни, музыка, шутки, пляски сразу мысленно перенесли ополченцев в Москву. Пахнуло такой мирной жизнью, будто войны и нет.

После концерта стали расспрашивать, как там столица? Сильно ли бомбят? Ведь летят на Москву волнами и много.

— Летят-то много, да пропускают в Москву мало. Вот видите, от меня ничего не отбомбили, — сказал, улы-

баясь, Гаркави, показывая на свою большую фигуру.

Это сразу как-то всех ободрило и успокоило. Значит, не так уж плохо обстоят дела?!

Но вот получили приказ о передислокации. 29 августа части и подразделения погрузились на автомашины и были доставлены по маршруту Знаменка, Синюково, Красное, Мосальск, Мещевск, Хлуднево, Маклаки, Букань, Людиново в назначенный район — Бытош, Хотня. Здесь дивизия вошла в состав 33-й армии¹.

Полки получили новую нумерацию: 52-й стал 1306-м, 53-й — 1308-м, 54-й — 1310-м. Артдивизионы перебазировались на своих машинах и прибыли на окраину деревни Пустынки, заняв огневые позиции в назначенных районах. Они были преобразованы в 978-й артиллерийский полк. Командиром назначили майора Н. Б. Зимарева, военным комиссаром ополченца П. В. Мамаева². 10 сентября в состав дивизии влился 461-й отдельный саперный батальон под командованием старшего лейтенанта В. С. Антонова (комиссар А. И. Грудницкий — старый член партии, участник гражданской войны). В Хотню, где размещался штаб дивизии, батальон прибыл своим ходом, совершив трудный многокилометровый марш. Здесь же, под Людиновом, рота связи была преобразована в батальон связи.

30 сентября 1941 г. приказом наркома обороны дивизия была зачислена в состав кадровых войск и стала именоваться 18-й стрелковой дивизией. В Людиново она получила новое оружие, французские пушки были заменены отечественными образца 76-мм. Пришлось срочно переучивать артиллеристов. Чтобы быстрее это сделать, батареи французских пушек вместе с расчетами передали в стрелковые полки, а для артдивизионов стали готовить орудийные расчеты и формировать батареи из ополченцев стрелковых подразделений. Время не ждало, учеба шла форсированными темпами. Этому способствовало то, что младший и средний составы артдивизионов были сохранены. Быстрой и плодотворной учебе способствовало обеспечение батарей телефонной связью, буссолями, биноклями, компасами и даже рациями, которых до этого не было.

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, с. 1, д. 1, л. 2.

² ЦАМО СССР, ф. 35, оп. 41866.

Поскольку соприкосновения с противником пока не было, хотя с запада сюда доносился несмолкаемый гул артиллерийской канонады, дивизия имела возможность совершенствовать оборону. В строительстве траншей, окопов, эскарпов и противотанковых рвов ополченцам помогало местное население. Углубленнее и разнообразнее стала боевая учеба. В каждой стрелковой роте формировались группы истребителей танков. Они овладевали тактикой и техникой применения гранат и бутылок с горючей смесью. Обширные овраги превратились в стрельбища и полигоны.

О вооружении дивизии тех дней сообщает донесение штаба 33-й армии штабу Резервного фронта от 20 сентября 1941 г. Всего вооруженных насчитывалось 10668 человек, в том числе рядового состава — 8621. Автомашин: легковых — 13, грузовых — 164, специальных — 8. Тракторов — 7, мотоциклов — 8, лошадей — 2429. Вооружение: винтовок и карабинов — 6345, автоматических винтовок — 1366, пулеметов: станковых — 129, ручных — 164, ППД — 160. Пушки: 76-мм — 28, 37-мм зенитных — 14; гаубиц 122-мм — 8; минометов: 82-мм — 18, 50-мм — 81; радиостанций — 14¹.

Важным событием в жизни дивизии явился выпуск красноармейской газеты «За Родину». Без преувеличения можно сказать, что выход в свет печатного органа значительно оживил партийно-политическую и пропагандистскую работу в частях и подразделениях, способствовал обмену опытом в боевой подготовке бойцов и командиров. В выпуске газеты неоценимую помощь оказал Людиновский горком партии. Уходя в подполье, он безвозмездно передал дивизии походную типографию, печатную машинку и запас бумаги. Редактором газеты назначили И. Буравлева, ответственным секретарем С. Гарбузова, а меня литсотрудником. Все хозяйство — кассы шрифтов для ручного набора и ножной печатный станок «американка» — помещалось в крытом фанерой кузове видавшей виды автомашины-полуторки.

Выпускали газету общими усилиями. Сегодня с бойцами в окопах и на стрельбищах находится один, вмес-

¹ Ополчение на защите Москвы. М.: Московский рабочий, 1978. С. 172.

те с ними ходит в разведку, ползает по-пластунски. В коротких промежутках записывает впечатления, фотографирует, по истечении «командировки» отправляется в спрятанную где-нибудь в кустах полуторку и становится издателем собственных материалов. В другой раз корреспондентом и издателем становится другой и т. д.

Как встречали газету бойцы! Как радовались, найдя на странице знакомое имя или фотографию... Ее любили, берегли и даже не раскуривали на самокрутки, что само по себе было признанием ее заслуг.

Небольшой лист, а сколько в нем информации. Сообщения о положении на фронтах, заметки о боевой учебе, отчеты о партсобраниях и митингах, письма красноармейцев и их родственников, новости из частей и подразделений.

Штаб дивизии, находившийся в то время во втором эшелоне, установил связь с войсками 50-й армии Брянского фронта, которые вели оборонительные бои. Договорились, что отдельные наши подразделения будут посещать время от времени передовую для приобретения опыта. Несколько раз выезжала на фронт отдельная дивизионная мотомеханизированная рота разведчиков.

«В один из августовских дней,— вспоминает разведчик Г. И. Пацюк,— комзвода лейтенант И. Фельдман вызвал нас пятерых — меня, П. Юркина, В. Сидорова, Г. Володина и В. Комова и сказал, что есть приказ захватить за линией фронта «языка».

До этого мы дважды побывали в расположении соседней армии и наблюдали за противником. В те дни немцы, по-видимому, производили перегруппировку или ждали пополнения, поэтому стояло затишье. Самоуверенные вояки днем, у всех на виду, потрошили награбленных в деревне кур, жарили их, пили шнапс и горланили песни. Ночью отсыпались, оставляя на страже лишь часовых.

Берега в верховье Днепра были густо покрыты кустарником. Неподалеку находилась разбитая переправа. Вот сюда мы и прибыли к вечеру. Командир роты, старший лейтенант К. С. Белонин, ушел в штаб части, занимавшей оборону на восточном берегу Днепра, договориться об огневой поддержке при нашем возвращении после операции, а мы связали небольшой плот из двух бревен для транспортировки «языка». Для себя заго-

товили сухие коряги. В 12-м часу ночи пришел комзвода Фельдман. Мы догола разделелись, связали одежду и оружие ремнями и тихо спустились к воде. Все шло благополучно, и вскоре мы выбрались на западный берег, оделись и по-пластунски поползли к окопам противника. Было темно. Только изредка взвизывались немецкие ракеты, освещая поблескивающие переливы реки. У бруствера окопов залегли и стали ожидать. Прошло около часа, когда справа в траншее послышались шаги. Фашист шел медленно, несколько раз останавливался. Но вот он поравнялся с нами. Одновременно мы бросились на него: справа — я с Юркиным, слева — Сидоров и Володин. Засунули немцы в рот носовой платок, связали руки и вытащили из траншеи. Он яростно сопротивлялся, бил нас ногами и головой. Пришлось слегка оглушить его, после чего успокоился. Хотя мы действовали осторожно, немцы что-то заподозрили и подняли стрельбу. Я с Юркиным направился к реке, таща за собой фашиста, а комроты с Сидоровым, Володиным и Комовым прикрывали нас, отходя к прибрежным кустам. Бой разыгрался нешуточный, пули жужжали, словно пчелы. Потом загремели минометы и орудия. Открыли огонь и наши. На какое-то время пальба задержала нас, но все-таки мы благополучно вернулись, погрузили на бревна «языка». И тут ранило комзвода. Пришлось уложить его на коряги, а самим плыть без подручных средств, толкая перед собой «добычу».

Пока берега обменивались «подарками», мы добрались до своего расположения. Погрузили в кузов машины фашиста и лейтенанта (он из-за ранения не мог сидеть в кабине) и отправились в штаб. «Языком» оказался офицер СС Фриц Бауэр. Сначала он вел себя задиристо и нагло, но затем дал ценные сведения о немецких частях на этом участке и их намерениях.

Своего командира мы доставили в госпиталь и больше с ним не виделись. В последующих боях погибли Сидоров, Володин и Комов, а с Петей Юркиным мы в августе и сентябре еще не раз ходили за «языком».

Между тем обстановка на фронте к концу сентября становилась все тревожнее и тревожнее, а 29-го от командования 33-й армии был получен приказ: дивизии срочно передислоцироваться в район северо-восточнее деревни Хотня, ближе к городам Людиново и Киров. По тревоге части и подразделения оставили занимае-

мые позиции и форсированным маршем двинулись в указанный район. С большим сожалением покидали ополченцы хорошо подготовленную оборону, рассчитывали задержаться здесь надолго и достойно встретить врага. Но, как говорили в окопах, служивый предполагает, а начальство располагает. Впрочем, на войне, как на войне, ситуация меняется быстро и надо всегда быть готовым в любую минуту к неожиданностям.

Однако то что произошло спустя сутки, было трудно понять. 30 сентября¹, уже на марше, дивизия получила новый приказ, но теперь от командования 32-й армии, в котором предписывалась немедленная переброска железнодорожным транспортом в район Сычевка — Ново-Дугино — севернее Вязьмы.

Пришлось частям и подразделениям возвращаться для погрузки на станциях Людиново, Иваново-Сергиевская и Сукремень. Произошло много неурядиц, вагонов не хватало, не было погрузочных площадок. К тому же немецкая разведка обнаружила скопление войск и совершила несколько налетов. Были жертвы и разрушения, однако паники, на что рассчитывал враг, бомбежки не вызвали.

«Грузились днем, без огневого прикрытия,— вспоминает полковник в отставке, бывший командир саперного батальона В. С. Антонов.— Вечером, перед заходом солнца, налетел немецкий самолет, сбросил бомбы. В пылу суматохи в память запала на всю жизнь любопытная картина. Связана она была, я бы сказал, с теми умелыми и смекалистыми русскими парнями, что из топора щип варили да заморских блох подковывали. Про то, впрочем, в книжках рассказывалось. А тут наяву. Еще до вражеского налета пулеметчики врыли в землю столб, закрепили на нем колесо от телеги, на колесо поставили «максим» и получилась турельная установка с круговым сектором обстрела. И работала отлично! Правда, не уверен, достигли ли пули фюзеляжа самолета, но он быстро ретировался. Погрузка продолжалась»².

Несмотря на трудности и неразбериху, вызванные переподчинением дивизии, ее передовые части 1 октяб-

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, с. 1, д. 1, л. 2.

² Виктор Антонов. По дорогам фронтовым. Куйбышевское книжное издательство, 1986. С. 26—27.

ря прибыли на станцию Ново-Дугино и, разгрузившись, форсированным маршем двинулись к излучине Днепра в районе деревни Волочек, чтобы занять оборону. Артиллерийский полк и другие подразделения направились к фронту по железной дороге вторыми эшелонами.

«Я был химинструктором 1-го дивизиона 978-го артиллерийского полка, непосредственно подчинялся его командиру Спиридонову,— вспоминает ополченец Сергей Михайлович Симонов.— Это был аккуратный строгий к себе и подчиненным человек. В мои обязанности входило обучение личного состава правилам пользования средствами химзащиты и их хранения. Постоянно проводил время в батареях. 29 сентября, ночью, нас подняли по тревоге, спешно сняли с огневых позиций и погрузили в железнодорожный состав. Мне и еще четверым бойцам приказали следить за «воздухом» и в случае чего подавать сигнал ручной сиреной. Поместились мы на тендере локомотива. Около 10 часов утра 30 сентября отправились к месту нового назначения. На перегоне Людиново-Фаянсовая мы заметили два немецких самолета, направлявшихся в хвост нашему эшелону. Мы дали сигнал. Облетев эшелон, самолеты развернулись и стали сбрасывать на нас бомбы. Стреляя из крупнокалиберных пулеметов, они шли так низко, что, казалось, вот-вот заденут крыши вагонов. Машинист остановил эшелон и хотел, по-видимому, сдать назад, но одна бомба угодила рядом с локомотивом. Раздался сильный взрыв. Перед этим нам троим удалось прыгнуть с тендера в левую сторону, в кювет, что и спасло нас. И тут мы увидели, что котел локомотива пробит осколками бомбы. А самолеты продолжали бомбить. Развернутся и снова идут на заход, бросят бомбы и без помех расстреливают из пулеметов беззащитный эшелон.

Израсходовав боезапас, самолеты улетели, оставив после себя большие разрушения. Здесь же, у дороги, в 25—30 метрах от железнодорожного полотна, мы выкопали братскую могилу и похоронили наших товарищей, в том числе и двух моих помощников, которые прыгнули в правую сторону от локомотива.

Два часа простояли, потом пришел другой локомотив, подцепил эшелон и кое-как дотянул до станции Сычевка, которая находится в двух километрах от города. Стали разгружаться. Тяжелее всего было вытаскивать

из вагонов убитых и выводить раненых лошадей, которых неподалеку, в овраге, пристреливали из винтовок и закапывали. Из строя вышла большая часть тягловой силы, поэтому мы не могли сразу покинуть место разгрузки. В Сычевке пробыли два дня, ожидая лошадей. Помогали колхозникам копать картошку, а 2 октября нам пригнали, правда неполный, комплект лошадей и мы вышли из Сычевки с частью батареи (оставшиеся расположились поблизости от станции) к фронту. Шли растянутой колонной почти двое суток. Не знаю точно, в каком месте заняли огневые позиции. Но не успели батареи подготовить орудия к бою, как на нас налетела стая бомбардировщиков. Я был тогда в одной из батарей и в первый раз испытал неопишуемый ужас от того, что могут натворить самолеты. За первой волной последовала вторая, третья. Уже в сумерках кто-то из командиров стал собирать уцелевших и раненых. Техника была полностью уничтожена. Нас осталось всего несколько человек. 9 октября добрались до города Сычевка, где узнали, что штаб полка располагается на территории хлебозавода. Здесь формировалась группа прикрытия в количестве 79 человек из ездовых, топографов, писарей, куда включили и нас. Мы заняли оборону в индивидуальных окопах перед противотанковым рвом на окраине города и два дня сдерживали противника. Наверное, в это время, скорее всего 10 октября, штаб нашего артиллерийского полка и покинул горящую Сычевку. А я был ранен 17 октября, когда наша небольшая группа направлялась в сторону Волоколамска после того, как в Сычевку вошли немцы.

О том, что произошло и почему столь поспешно дивизия была снята с обжитой и хорошо укрепленной полосы обороны, читайте в следующей главе.

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

Из документов известно, что план нападения Германии на Советский Союз под кодовым названием «Барбаросса» Гитлер подписал 28 декабря 1940 года как директиву № 21¹. Название придумал сам фюрер не случайно: таково было прозвище его любимца — им-

¹ «Правда». 1987. 18 дек.

ператора Фридриха I, который неоднократно совершал разбойничьи набеги на восток. Этот план предусматривал не только грабительские цели, но ставил главную задачу — ликвидировать «жизненную силу России», стереть с лица земли большевизм, истребить 120—140 миллионов славян и в конечном итоге «уничтожить биологический потенциал Советского Союза».

О плане «Барбаросса», его цели был осведомлен из уст самого Гитлера и фельдмаршал фон Бок, а когда узнал, что его группа армий «Центр» будет наступать на главном направлении вторжения в Советский Союз, стал самым рьяным сторонником этой операции под экзотическим кодом.

Поскольку наша 18-я дивизия действовала на западном направлении в числе других частей и соединений, противостоявших группе армий «Центр», читателю, думаю, нелишне будет знать, кому доверил Гитлер осуществление своих бредовых замыслов — захватить Москву и поставить Россию на колени.

Фельдмаршал Федор фон Бок — потомственный прусский помещик и милитарист. Уже в 17 лет он получил офицерский чин и участвовал в первой мировой войне в качестве командира «батальона смертников». Когда к власти пришел Гитлер, он стал служить «третьему рейху». Послужной список фон Бока впечатляет. Под его командованием немецкие войска захватили Австрию и Польшу. Его части прошли церемониальным маршем по Варшаве. Фон Бок возглавлял дивизии фашистских молодчиков, вторгшихся в Голландию, Бельгию, Францию. Он принимал парад немецких войск в Париже, был одним из тех, с кем Гитлер планировал крестовый поход на восток, чтобы покорить Советский Союз.

И вот теперь Федор фон Бок (в его роду по матери многие имели русские имена) возглавил группу армий «Центр». За несколько дней до начала войны, то есть 14 июня 1941 г., фон Бок был принят Гитлером, а после того, как командующие группами войск «Север», «Центр» и «Юг» согласовали время нападения на СССР — 3 часа 30 минут 22 июня 1941 г. — фон Бок отдал приказ своим войскам. «Судьба Германии, — говорится в нем, — искоренить язву коммунизма. Никогда в истории Германия еще не была в таком выгодном положении. Мы выполним эту великую миссию. Никогда еще

Германия не была так хорошо подготовлена для достижения этой цели»¹.

И это правда. Для войны с СССР были мобилизованы промышленные и людские ресурсы не только самой Германии, но и всех стран захваченной Европы. 153 оборных дивизии, вооруженные самыми современными средствами ведения войны, и более 2 тысяч самолетов одновременно бросил против нас Гитлер. Самой мощной была группировка «Центр» фон Бока. Фюрер благоволит к нему (до поры до времени). Ему поручалось взять Москву. В группировку входило 35 пехотных, 9 танковых и 6 моторизованных дивизий. Их поддерживал 2-й воздушный флот Кессельринга — 1680 самолетов². При этом следует подчеркнуть, что войска прошли школу войны, участвовали в боях на Западе и в оккупации целых стран — уже научились убивать и сжигать. Теперь перед ними открывался широкий простор для нового грабежа и насилия в Советском Союзе.

Да, тяжело нам было в первые дни войны. Красной Армии, которая не была готова к войне, пришлось вступить в схватку с качественно превосходящими силами противника. Сыграло свою роль заблаговременное развертывание и вероломное нападение, был также серьезный просчет советского руководства в оценке возможного времени вражеского вторжения. На боеспособности Красной Армии, несомненно, отразился и тот факт, что она начала труднейшую в истории человечества войну обезглавленной. Ведь в 1937 г. были расстреляны трое из пяти маршалов, пострадали около половины командиров полков, почти все комбриги и комдивы, командиры корпусов, все командующие войсками округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений³.

Огромные потери понесла Красная Армия в живой силе и технике. Достаточно сказать, что уже в первый день войны фашистская авиация уничтожила 1200 наших самолетов, находившихся на аэродромах, а За-

¹ Безыменский А. Укрощение «Тайфуна». М.: Московский рабочий. С. 16.

² Там же. С. 35.

³ «Известия». 1988. 8 мая. С маршальским жезлом в солдатском ранце.

падный фронт лишился почти всех артиллерийских складов, в которых хранилось более 2 тысяч вагонов боеприпасов¹. Но и в этих условиях советские воины оказывали ожесточенное сопротивление вражеским полчищам. По официальным немецким данным, несомненно приуменьшенным, фашистская армия к середине июля лишилась более 92 тысяч человек. Потери в танках достигли 50% их первоначального числа. С 22 июня по 15 июля военно-воздушные силы Германии не досчитали 1284 самолета. Так что «блицкрига» не получилось. Однако враг был силен и продолжал рваться вперед. Несмотря на ожесточенное сопротивление Красной Армии, перевес в живой силе, в танках и особенно в авиации был на стороне противника. Его бронированные соединения продолжали развивать наступление по всему фронту от Баренцева до Черного морей.

Особенно тяжелая обстановка складывалась на Западном фронте, где действовала группа армий «Центр». Фон Боку явно везло. Бросая в бой крупные силы, не считаясь с потерями, он сумел продвинуться на восток дальше, чем его коллеги слева (группа «Север») и справа (группа «Юг»). Уже 10 июля танки генерала Гота вступили в Витебск, а затем двинулись на Смоленск. Полагая, что Красная Армия сильно ослаблена и не сможет оказать серьезного сопротивления на московском стратегическом направлении, гитлеровское командование решило одним ударом преодолеть здесь последнюю преграду. «2-я и 3-я танковые группы противника, — пишет Рокоссовский К. К., — не дожидаясь подхода 9-й и 2-й полевых армий, должны были рассечь на нескольких направлениях войска нашего Западного фронта, окружить и уничтожить их главные силы в районе Смоленска и открыть себе дорогу на Москву»².

Началось Смоленское сражение — одна из славных героических летописей Великой Отечественной войны. Фон Бок полагал захватить старинный русский город с ходу, чтобы добиться решающего успеха. Объективно говоря, он имел на то основания. Враг превосходил

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Воениздат, 1970. С. 68.

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1980. С. 24.

здесь войска Западного фронта в людях, артиллерии и самолетах в 2 раза, а в танках — почти в 4 раза¹.

Два месяца, с 10 июля по 10 сентября, продолжалось Смоленское сражение. В кровопролитных боях превосходящими силами врага Красная Армия своими активными действиями нанесла ему крупные потери, ослабила его ударную силу и задержала продвижение армий группы «Центр». Смоленское сражение измотало дивизии фон Бока настолько, что вынудило его остановиться. Это был важный оперативный успех наших войск.

А еще 30 июня, опьяненный первыми успехами, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер в своем дневнике сделал запись о намерении взять Москву в июле. В соответствии с этим фон Бок приказал своей 4-й армии готовиться к продолжению наступления на Москву. Он уже видел себя в Смоленске, т. к., по его оценке, перед ним стояло лишь 11 советских дивизий. Это был серьезный просчет врага². Когда же 4 августа в штаб фон Бока, находившийся в городе Борисове, прибыл Гитлер и спросил о дате захвата Москвы, тот, не раздумывая, ответил: «В конце августа». Неопровержимое свидетельство того факта, что «блицкриг» дает осечку, что план «Барбаросса» уже летом 1941 года дал трещину. Впрочем, будет названо еще несколько сроков. Но фон Бока это не спугнуло, он был не из тех, кто в чем-то сомневается. Кичливости и самоуверенности этого гитлеровского стратега не было границы.

Смоленское сражение, а также контрнаступление советских войск под Ярцево позволили выиграть время, подготовить резервы и создать на дальних и ближних подступах к Москве сильные оборонительные рубежи. 16 июля состоялось решение Государственного Комитета Обороны о строительстве Можайской линии обороны. Ее строили в тяжелых условиях, часто под бомбежками фашистской авиации, дивизии народного ополчения, а также гражданское население. В рытье окопов и противотанковых рвов участвовало только одних москвичей

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1975. Т. 4. С. 72.

² Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Воениздат, 1970. С. 174.

100 тысяч. Протяженность линии составляла 220 км. Она была с 289 огневыми точками и 534 дзотами¹.

30 июля был издан приказ Ставки об образовании на Ржевско-Вяземской линии Резервного фронта, в состав которого вошли 24-я, 31-я, 32-я, 33-я, 38-я, 43-я армии.

Ополченские дивизии, как и весь фронт, должны были готовить в тылу Западного фронта надежный оборонительный рубеж прикрытия Москвы. В начале августа они сосредоточились на Ржевско-Вяземской линии обороны. В состав 32-й армии входили 2-я, 7-я, 8-я, 13-я и наша 18-я дивизии, а в состав 33-й — 1-я, 5-я, 9-я, 17-я, 21-я дивизии (4-я и 6-я были включены в состав 24-й армии позднее). Таким образом, дивизии ополчения образовали две армии — 32-ю и 33-ю. Они, а также часть 24-й и встали за боевыми порядками Западного фронта², который в это время вел ожесточенные бои за Смоленск.

После 10 сентября на Западном фронте наступила тишина. Однако, пишет маршал Советского Союза Рокоссовский: «Тишина на нашем участке, да и соседей, начала насстораживать. Что-то немцы затевали»³.

А затевали они новую, грандиозную, но не менее авантюрную операцию «Тайфун». Название, как и «Барбаросса», придумал сам фюрер, он любил всякие мифические словечки то с историческим, то с другим намеком. Фон Бок предложил обозначить эту операцию кодовым наименованием «Октябрьский праздник», имея в виду отметить его на Красной площади в Москве 7 ноября, но не посмел спорить с Гитлером. Важно другое. Фюрер благословил взять Москву. «Только бы удержалась погода, — пишет фон Бок в своем дневнике, — ибо раньше конца сентября нельзя подтянуть необходимые подразделения. Общая концепция наступления хороша, однако не так уж проста, особенно на северном фланге»⁴.

В чем же состояла эта «хорошая» концепция под названием «Тайфун»?

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1975. Т. 4. С. 501—502.

² Ополчение на защите Москвы. С. 8—9.

³ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат. 1980. С. 47.

⁴ Дневник Бока. 7.IX.1941 г.

Она строилась на том, чтобы охватить Москву двойным кольцом с севера и юга и сомкнуть клещи в районе города Горького. Дату грандиозного наступления на Москву заправили «третьего рейха» обсуждали неоднократно и неоднократно меняли — этому мешали удары Красной Армии: только за первые два месяца войны сухопутные войска Германии потеряли около 400 тысяч человек. Гитлер хотел осуществить операцию «Тайфун» еще в сентябре, но фон Бок раньше не поспевал. Поэтому было решено начать «священный поход» 2 октября — в день рождения фельдмаршала Гинденбурга, от которого Гитлер получил верховную власть в Германии. Такое решение, по его мнению, должно было вдохновить армию, добавить солдатам храбрости и уверенности в успехе: ведь сколько раз им говорили, что Красная Армия разгромлена, а она — живет и никак не пускает их к Москве. Нужен допинг, геббельсовские «пилюли» лжи не срабатывали.

Следует сказать, что нашему командованию было хорошо известно о готовящемся наступлении противника. Разведка сообщила, что из Смоленска в район северо-западнее Ярцева непрерывно движутся войска, — танки, орудия, подтягиваются пехотные части, что в полосу Западного фронта немецкое командование перебрасывает войска с других участков, и особенно с северо-западного направления, а также резервы из Германии и Франции.

Поэтому предпринимались срочные меры по укреплению обороны, так что к началу операции «Тайфун» на дальних подступах к Москве немецким войскам противостояли три наших фронта: Западный, Резервный и Брянский. Всего в них в конце сентября насчитывалось около 1250 тысяч человек, 990 танков, 7600 орудий и минометов, 677 самолетов. Наибольшее количество сил было в составе Западного фронта. Противник, однако, превосходил все три наши фронта на Московском направлении, вместе взятых; по численности войск — в 1,4 раза, по танкам — в 1,7, по орудиям и минометам — в 1,8 раза, по самолетам — в 2 раза¹.

И вот грандиозная битва за Москву началась. 30 сентября на войска Брянского фронта обрушились

танки группы Гудериана и 2-я полевая армия. 2 октября противник нанес мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Особенно сильные удары последовали из районов севернее Духовщины и восточнее Рославля. Противнику удалось прорвать оборону наших войск. Его бронетанковые дивизии, поддержанные авиацией, стремительно двинулись вперед, охватывая с юга и севера всю Вяземскую группировку войск Западного и Резервного фронтов.

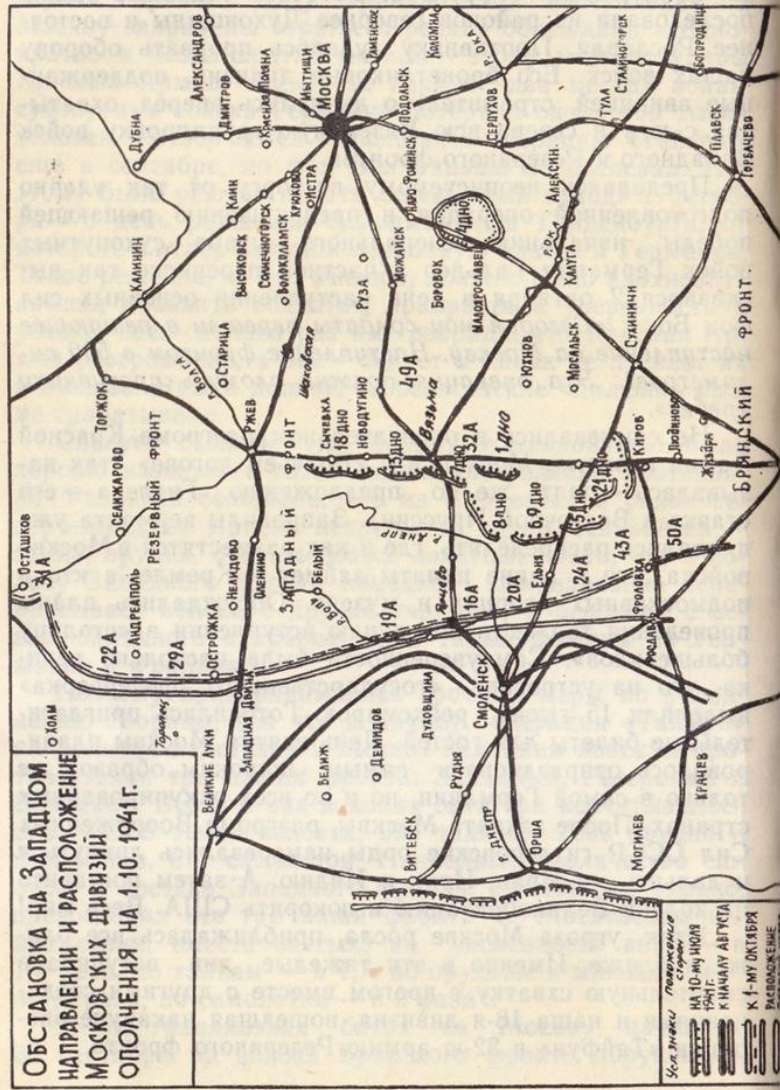
Предаваясь неопишуемому восторгу от так удачно подготовленной операции и предвкушению решающей победы, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер в частной переписке так высказался 2 октября в день наступления основных сил фон Бока: *«Сегодня мои солдаты перешли в решающее наступление на Москву. Наступление фронтом в 500 километров!.. Эта операция должна сломить противнику хребет».*

Не сомневались в окончательном разгроме Красной Армии и взятии Москвы и в «Волчьем логове» (так называлась — опять же по предложению Гитлера — его ставка в Восточной Пруссии). Заправили вермахта уже принялись распределять, где и как разместятся в Москве войска, кто и какие палаты займет в Кремле, а кто в подмосковных дворцах и музеях. Обсуждались планы проведения торжеств по случаю вступления в «столицу большевиков». Самоуверенность была настолько велика, что на устройство «государственного фейерверка» выделили 15 тысяч рейхсмарок. Готовились пригласительные билеты для гостей. День взятия Москвы планировалось отпраздновать самым широким образом не только в самой Германии, но и во всех оккупированных странах. После захвата Москвы, разгрома Вооруженных Сил СССР гитлеровские орды намеревались двинуться и дальше — в Иран, Ирак и Индию. А затем поставить на колени Великобританию и покорить США. Весь мир!

Итак, угроза Москве росла, приближалась все ближе и ближе. Именно в эти тяжелые дни вступила в смертельную схватку с врагом вместе с другими соединениями и наша 18-я дивизия, вошедшая накануне операции «Тайфун» в 32-ю армию Резервного фронта.

¹ История второй мировой войны 1939—1945 гг. В двенадцати томах. М.: Воениздат, 1975. Т. 4. С. 93.

Только с утра 3 октября, то есть уже после начала операции «Тайфун», три стрелковых полка 18-й стрелковой дивизии приступили к занятию назначенного прикомандированного рубежа в излучине Днепра — в районе деревень Волочек, Каменец, Облецы. 1306-й стрелковый полк должен был занять оборону в 10—15 км севернее Волочка, в районе Спас-Зилово, 1308-й стрелковый полк — по реке Днепр южнее позиций, занятых 1306-м стрелковым полком. Полоса обороны 1310-го стрелкового полка проходила по линии населенных пунктов Казариново и Облецы¹. Полоса дивизии была растянута по фронту на 25 км. Правда, не предусматривалось, что она будет держать всю ее, надлежало укрепиться лишь в отдельных пунктах.

Штаб дивизии находился в 5 км восточнее Волочка. Была установлена телефонная связь со всеми полками (артиллерийский полк находился еще в пути). В свою очередь стрелковые полки имели телефонную связь с батальонами. Как свидетельствует документ № 123², телефонная связь с полками 1306 и 1308 поддерживалась в течение 3-го и 4-го, а также и в первой половине дня 5 октября. С 1310-м стрелковым полком, который раньше других вступил в бой с противником, связь была прервана уже во второй половине 4 октября. Перед этим случились неурядицы. Дело в том, что часть 906-го мотострелкового полка 30-й армии уже покинула участок обороны, а другие еще находились на месте. В результате 1310-й полк не смог занять свой участок, а когда начались бои, произошла новая несогласованность: его подчинили штабу 906-го мотострелкового полка. Естественно, двойное подчинение пагубно отразилось на управлении боем.

В таких неблагоприятных условиях и начались бои с противником. Старший лейтенант Щербак, бывший в то время начальником делопроизводства штаба 1310-го стрелкового полка, вспоминает о тех тяжелых днях: «В ночь с 3-го на 4 октября заняли участок обороны на берегу Днепра, который до нас оборонял 906-й мотострелковый полк. Примерно в полдень 4 октября наш

¹ Ополчение на защите Москвы. М.: Московский рабочий. С. 89.
² Там же. С. 189, 193.

полк перешел в наступление, имея цель оттеснить немцев, форсировавших Днепр. Оно продолжалось приблизительно до 16 часов. При этом первый батальон продвинулся почти до Днепра. Но тут тринадцать танков, перешедших Днепр через переправу еще ночью и скрытно сосредоточившихся в лесу, неожиданно контратаковали нас. Сопровожаемые автоматчиками и пехотой, они прорвали оборону полка и вынудили его к отходу. Уступая врагу в численности и особенно в технике, ополченцы тем не менее оказали упорное сопротивление, но задержать врага не смогли. С боем отступили 2-й и 3-й батальоны, 1-й батальон продолжал обороняться до 18 часов¹. В этом бою на наблюдательном пункте 1-го батальона был смертельно ранен находившийся там командир 1310-го полка майор Н. Г. Чернов. Геройски погиб на своем посту и комиссар полка Г. В. Штыков. Он был в самой гуще бойцов, организуя их для отпора наступавшим немцам.

1306-й стрелковый полк, которым командовал майор К. А. Сергеев (комиссар майор П. Г. Кочет), прибыл в район западнее села Волочек вечером 4 октября и занял оборону непосредственно у Днепра. Чтобы избежать потерь на марше от авиации противника, шли отдельными разрозненными группами. Примерно в 12 часов следующего дня полк перешел в наступление, чтобы оттеснить немцев на другой берег Днепра, но успеха наступление не имело. Завязавшие ожесточенные бои продолжались до позднего вечера. Утром 6 октября, после бомбардировки с воздуха, немцы предприняли мощную контратаку, бросив в бой танки и автоматчиков.

Отважно сражалась с фашистами 5-я рота (командир лейтенант Кременюг). Враг пытался окружить ее, но ополченцы успешно отразили все атаки и отстояли свой рубеж. Отличилась и 6-я рота этого же полка. Ею командовал капитан Шубин. Бойцы отбили несколько танковых атак противника, не пропустив его через свои окопы. Отличилась 2-я пулеметная рота 2-го батальона под командованием лейтенанта Макеева (политрук Брейтман)². По рассказам помощника командира одно-

¹ Ополчение на защите Москвы. М.: Московский рабочий. С. 190.

² Перед войной Брейтман окончил Московский авиационный институт им. Серго Орджоникидзе.

го из взводов этой роты сержанта Галина, рота заняла оборону в ночь на 5 октября в кустарнике вблизи Днепра. Во взводе было 4 пулемета «максим» с большим запасом патронов. Утром 6 октября на 2-ю роту пошли в атаку 4 вражеских танка. За ними следовала пехота и автоматчики. У пулеметчиков не было противотанковых гранат. Но они не дрогнули. Спрятав пулеметы на дно окопов и переждав, когда танки прошли через окопы, они тут же заняли свои позиции и свинцом встретили следовавших за танками гитлеровских автоматчиков. Огонь был словно ливень, и фашисты залегли. Однако, спустя некоторое время, враг вновь попытался атаковать советских пулеметчиков. Но и на этот раз откатился назад, оставив на поле боя много убитых и раненых. В течение всего боя ротой умело руководили лейтенант Макеев и находившийся в ней командир 2-го батальона лейтенант Коровин. Батальон оставил свой рубеж лишь после третьей атаки врага, предпринятой более крупными силами».

В последующие дни, отходя на восток, 1306-й стрелковый полк, в том числе и 2-я пулеметная рота 2-го батальона, не раз вступал в бой с прорвавшимся противником, нанося ему большие потери¹.

1308-й стрелковый полк (командир майор М. И. Фомин, комиссар И. К. Добрынин) разгрузился на станции Ново-Дугино утром 1 октября и ускоренным маршем направился по шоссе к верховью Днепра, чтобы занять там оборону южнее позиций 1306-го полка. На марше полк подвергся сильному налету двенадцати фашистских стервятников. К счастью, сброшенные наугад бомбы не причинили особого урона. Были легко ранены два бойца и убиты четыре лошади.

«Мы заняли оборону у деревни Волочек, недалеко протекал Днепр,— вспоминает бывший командир 2-го батальона 1308-го стрелкового полка Н. И. Суетнов.— 4 октября утром фашисты в нескольких местах форсировали реку и под прикрытием танков стали приближаться к нашей линии обороны. За два дня мы успели основательно врыться в землю и подготовиться к бою.

Я был во второй роте во взводе В. Сердиткина. Танки выходили из-под горы, а наши окопы находились в

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, оп. 1, л. 27—32 (копия).

кустах, так что положение у нас было выгодное. Когда первая стальная машина приблизилась, я бросил в нее одну за другой две противотанковые гранаты. Танк закрутился на месте с подбитой гусеницей, но продолжал стрелять из пулемета. Комвзвода В. Сердиткин и помкомвзвода А. А. Лабутин забросали его бутылками с горючей смесью. Тут появился второй танк, но и в него полетели бутылки с «КС». Объятый пламенем, он стал разворачиваться, чтобы отступить. Однако это ему не удалось. Воодушевленные успехом, ополченцы побежали вдогонку. Гитлеровцы стали выскакивать из люка и отстреливаться. Завязалась жаркая схватка. На позицию подоспела рота К. Г. Ходырева. Так была отбита первая атака врага. Он потерял два танка и десятки автоматчиков. Были и у нас потери. Погиб смертью храбрых В. Сердиткин».

Пулеметчик Николай Зиновкин после сражения написал такой стих:

В атаку за атакой немцы
На нас кидаются с утра,
Стоим мы насмерть, ополченцы,
Под Волочком, что у Днепра.
На нас ползут с пехотой танки,
Комбат команду подает:
— Готовьте в бой с горючим склянки!
Ура! За Родину! Вперед!
Снаряды рвутся, бомбы, мины.
Дрожит земля, а мы стоим!
Мы волей спаяны единой,
Или умрем, иль победим.
Одни машины лижет пламя,
Другие лязгают назад.
Победно реет наше знамя.
Нет, не пройдет фашистский гад!

На другой день, утром 5 октября, немцы повторили танковую атаку, и снова завязалась отчаянная схватка.

«После вчерашнего боя еще не улеглись переживания и волнения,— вспоминает бывший помкомвзвода 2-й роты 2-го батальона 1308-го стрелкового полка А. А. Лабутин.— Но теперь мы были спокойнее — оказывается, можно бить и хваленую гитлеровскую армию. Появилась уверенность. На этот раз танки врага шли медленнее, т. е. прямо за ними, пригибаясь, рысцой бе-

жала пехота. Мы не стреляли, подпускали их поближе. А потом завязался бой. Когда два танка загорелись от наших бутылок с «КС», мы поднялись в атаку. Ее возглавил командир роты — ополченец, бывший политрук взвода охраны Красногорского механического завода Константин Григорьевич Ходырев. Находясь впереди и воодушевляя всех, он бесстрашно устремился на врага, был ранен, однако продолжал бой. Лег за пулемет убитого бойца и до последнего дыхания поливал свинцом фашистских бандитов. И на этот раз два танка врага и более 50 автоматчиков остались на поле боя. Атака была отбита. К вечеру того же дня противник предпринял еще более яростное наступление, чтобы прорвать нашу оборону. Перед атакой он бросил на позиции полка самолеты, обрушил шквал артиллерийского и минометного огня, но ополченцы не дрогнули».

«По своей инициативе и с моего разрешения,— вспоминает командир 1-й роты И. С. Родионов,— комсомолец Владимир Мозжухин оборудовал впереди линии нашей обороны индивидуальный окоп, тщательно замаскировал его, запасся дополнительной дюжиной гранат и залег в ожидании наступления. А когда мимо него прошли танки и пехота, он неожиданно стал бросать их с тыла. А спереди фашистов косили из пулеметов бойцы взвода Чернышева. В стане гитлеровцев возникли смятение и паника. Дорого заплатили немцы, их трупы усеяли все поле. Погиб и наш смелый и храбрый комсомолец, а вместе с ним бойцы Иван Соколов и Мухин, Бычков и Хромых, братья Петр и Георгий Науменковы, два брата Малыгины. Отдал жизнь за Родину командир роты Леонид Оленич».

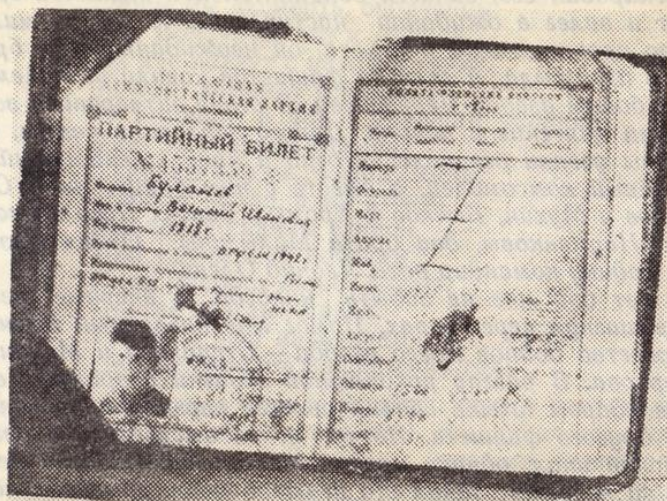
Тот бой мне не забыть никогда. Я впервые тогда перешагнул через страх. Помог мне наглядный пример мужества бойцов моего взвода — Степанова и Михаила Чернова. В разгар рукопашной схватки с врагом Чернов ударом штыка свалил рыжего верзилу и бросился на другого фашиста. Но тот успел выстрелить в него. Чернов упал, однако продолжал борьбу. Схватив немца за ногу, он свалил его и, изловчившись, вонзил нож в спину. И сам, истекая кровью, затих навсегда. Меня обуяла такая злость, что я стал направо и налево сеять смерть в стане ненавистного врага, убив до десяти гитлеровцев».

Отважно сражалась рота пулеметчиков 1308-го

стрелкового полка. На них двигались два танка. Пренебрегая смертью, навстречу им поднялся Павел Филиппов. Он метко бросил связку гранат, но тут же упал, прошивой автоматной очередью. Отсекая пехоту от танков, вели меткий огонь по фашистам комсомольцы Михаил Красавичев и Андрей Куц.

Последний, несмотря на ранение, не покинул поле боя.

В последующих боях под Москвой В. С. Буланов был четырежды ранен, в том числе тяжело. Он чудом остался жив, когда в него впились осколки от разорвавшегося снаряда. Его спасли удостоверение личности и партийный билет (на снимке). Но и до сих пор семь осколков остались в легких. С ними и живет

«Хорошо помню солнечное утро 4 октября 1941 года,— вспоминает бывший командир пулеметной роты 1308-го стрелкового полка гвардии подполковник В. И. Буланов.— Наш полк оказался на пути четырех фашистских танков, двигавшихся со стороны деревни Волочек. Задача состояла в том, чтобы отрезать идущую за танками пехоту противника и уничтожить. Сильный огонь по немцам открыли находившиеся за нами минометчики. Танки, разделившись по два слева и справа, стали обходить нас. И тут завязался отчаянный ближний бой. Поддержанные огнем пулеметчиков роты ополченцы бросились вперед и прокинули наступавших гитлеровцев. На другой день немцы повторили атаку, однако на этот раз им не удалось прорваться. Подпустив на близкое расстояние, пулеметчики буквально расстреляли их. Поле боя было усеяно вражескими трупами, а оставшиеся в живых бежали назад.

Вплоть до 7 октября занимали мы свои позиции, а потом несколько дней выходили из окружения. Однажды остановились в небольшой деревне, чтобы подкрепиться. Не успели мы пообедать, как сюда же подкатили несколько машин с пехотой. Немцы высыпали на лужайку перед домами, где мы расположились, оставив оружие в машинах. Воспользовавшись их безмятежностью, мы прямо из окон, со двора открыли дружный огонь из пулемета и винтовок. Фашисты были ошеломлены и падали под нашими пулями, как подкошенные. Подоспевшая бронемашина открыла ответный огонь, но было поздно. Огородами мы успели добежать до леса и скрыться в чаще.

Выйдя из окружения, наша группа 1308-го полка вошла в состав 365-го стрелкового полка, и меня назначили начальником штаба 2-го батальона, которым командовал младший лейтенант М. Н. Бурухин».

Так кончился второй день ожесточенных схваток. Багровый закат рисовал страшную картину. Кругом полыхали деревни, догорали вражеские танки. Повсюду — трупы убитых гитлеровцев. Но и наши потери были внушительными. Тяжело ранен командир 2-го батальона Н. И. Суетнов. Именно его бойцы приняли на себя всю тяжесть удара врага и отстояли важный рубеж обороны полка — участок шоссе Сычевка — Холм-Жирковский.

Мужественно сражался и 3-й батальон 1308-го

стрелкового полка, сформированный в Дмитровском районе Московской области. Смертью храбрых в борьбе с танками погибли командир 5-й роты Юсупов, пулеметчики Леонид Тихонов и Анатолий Иванченко, учителя Яхромской средней школы Н. П. Соколов, Г. И. Ганюшкин и их воспитанники десятиклассники Борис Куликов и Дмитрий Шарыгин.

Тяжелые и кровопролитные бои вели ополченцы 1308-го стрелкового полка 6 и 7 октября, отбивая одну атаку за другой.

«К вечеру 7 октября,— вспоминает А. А. Лабутин,— в наш взвод пришел командир роты и сказал, что получено приказание из полка об отходе с занятых позиций к деревне Караваево. «А вашему взводу,— сказал он,— нужно остаться, чтобы прикрыть отход в случае нового вражеского наступления, а примерно через два часа вы тоже сниметесь и будете догонять нас». Прошло больше часа. И тогда мы увидели немцев, двигавшихся на оставленные полком окопы. По ним из глубины нашей обороны обрушился оружейный залп, справа от деревни Хомино застучали два станковых пулемета. «Значит, не одни мы прикрываем отход»,— подумал я. Но враг подходил все ближе, у нас кончились боеприпасы. Мы стали отступать к лесу и перебежками через кустарник добрались до опушки. Осталось нас всего 18 человек. В деревне Караваево встретили регулировщиков. Они объяснили нам, чтобы мы догоняли свой полк, который пробирался к Гжатску».

Как вы заметили, читатель, А. А. Лабутин упомянул о том, что 7 октября они услышали и увидели разрывы артиллерийских снарядов, обрушившихся на наступавших немцев. Скорее всего это были залпы 978-го артполка нашей дивизии, которым командовал майор Н. Б. Зимарев (комиссар П. В. Мамаев). Дело в том, что артполк не смог вовремя прибыть в район села Волочек, где должен был занять отведенные ему позиции. Уже на станции Людиново, при погрузке, он подвергся сильным налетам вражеской авиации. Не прекращались они и в пути, а когда 30 сентября стали разгружаться в Сычевке, самолеты буквально висели над эшелонами. Отсюда полк двинулся к Волочку (нужно было преодолеть 60—70 км), но занять огневые позиции в заданном районе не смог, враг прорвался вперед, и артиллеристам с ходу на марше пришлось вступить в бой

с танками. Полк попал в окружение, из которого смог выходить только отдельными группами, неся большие потери и в технике и в живой силе. Погибли в ожесточенных схватках комиссар полка П. В. Мамаев и много других командиров и бойцов.

Между тем одна батарея, а именно 4-я, которой командовал Тараненко (комиссар Н. П. Громов), в это время все еще оставалась в Сычевке. Случилось это из-за того, что она не имела подготовленной конной тяги и должна была ждать возвращения автомашин, которые буксировали орудия в район Волочка. Предполагалось, что они придут через двое суток.

Но прошло пять суток, а автомашины так и не вернулись за батареей (теперь мы знаем почему). Кончился запас продовольствия. Было решено двигаться в район Волочка, несмотря ни на что. Дело в том, что не оказалось в достаточном количестве сбруи, седел, дышел, вальков. Пришлось даже использовать кожаные ремни бойцов.

Наконец, кое-как экипировались и двинулись в путь. Вперед выслали взвод разведчиков под командованием Хитенкова.

«В 10 км по маршруту,— сообщается в рукописи «Истории 30-го (978-го) гвардейского артиллерийского полка»,— их остановил уполномоченный Западного фронта, который сообщил, что 18-я стрелковая дивизия отступает и поэтому 4-й батарее следует прибыть в Сычевку к начальнику артиллерии 32-й армии. Командир батареи Тараненко вместе с Хитенковым немедленно отправились к нему. Вернувшись через три часа от начальника артиллерии этой армии, Тараненко привез удостоверение, что 4-я батарея введена в состав 540-го ГАП (гаубичного артполка) и ей надлежит занять противотанковую оборону на окраине города Сычевки у Новодугинского шоссе».

Поздно вечером батарея тронулась в путь. Лошади не были съезжены, ездовые не умели управлять ими и поэтому не смогли даже преодолеть небольшое препятствие — речушку. Пришлось снять пушки с передков и самим артиллеристам по колено в воде тащить их на другой берег. К утру все же заняли огневые позиции на кладбище, что на окраине Сычевки, а одно орудие поставили в дзот у шоссе при въезде в город. Обстановка вскоре изменилась, и батарея получила от на-

чальника артиллерии армии новый приказ — теперь двигаться на Гжатск, вслед за 540-м ГАП.

Темной ночью батарея снялась с огневых позиций, двигаясь в направлении Карманово. Совершив двадцатипятикилометровый марш, прибыла в деревню. Там выяснилось, что дорога на Гжатск перерезана противником, поэтому соединиться с 540-м полком невозможно. Здесь же, в Карманове, стало известно, что части 18-й стрелковой дивизии отошли в сторону Волоколамска. Было решено догонять свой 978-й артполк.

7 октября танковые и моторизованные корпуса противника подошли к Вязьме: 56-й корпус со стороны Холм-Жирковского, а 40-й и 46-й со стороны Спас-Деменска. Вследствие малой маневренности 19-я, 20-я армии Западного фронта и войска 24-й и 32-й армий Резервного фронта, понесшие большие потери в боях, а также группа генерал-лейтенанта И. В. Болдина оказались в окружении.

8 октября окруженным войскам было приказано прорвать кольцо. 32-й армии, переданной Западному фронту, было дано распоряжение при выходе из окружения координировать свои действия с командующим 19-й армией генерал-лейтенантом М. Ф. Лукиным. На последнего была возложена обязанность координировать действия всей группировки к западу от Вязьмы с целью организованного отхода в направлении Сычевки или Гжатска.

Так произошло боевое крещение нашей 18-й стрелковой дивизии народного ополчения. Мы видим, в каких тяжелых условиях оно проходило. Недостаточно вооруженная, не имея боевого опыта, она тем не менее оказала превосходящим силам противника упорное сопротивление. И нет сомнений в том, что дивизия действовала бы значительно успешнее, не оказавшись в столь тяжелом положении ее 978-й артполк. Боеспособность удвоилась бы, если бы она вела бои на заранее подготовленных оборонительных позициях, подобно тем, которые ее были созданы в районе Людиново, а не вступила в бой против танков врага с ходу, даже не собравшись и не успев занять оборону. Конечно, война есть война. Обстановка менялась ежечасно. Но, думается, вряд ли была оправдана частая передача дивизии из одной армии в другую — из 32-й в 33-ю, а затем

опять в 32-ю, причем во время марша, как это случилось 30 сентября.

И тут уместно привести мнение Маршала Советского Союза А. М. Василевского: «Неудача, постигшая нас под Вязьмой,— пишет он в своих мемуарах,— в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны. Вместо того, чтобы выделить Западному и Резервному фронтам самостоятельные полосы обороны с полной ответственностью каждого из них за эти полосы в целом как по фронту, так и в глубину, 24-я и 43-я армии Резервного фронта к началу наступления противника занимали оборону в первом эшелоне, находясь между левофланговой армией Западного и правофланговой армией Брянского фронтов. Остальные три армии Резервного фронта, растянутые в одну линию на широком участке, находились на позициях в непосредственной глубине обороны Западного фронта по линии Осташково — Оленино — Ельня. Оперативное построение крайне затрудняло управление войсками и взаимодействие фронтов»¹.

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. Минск: Беларусь, 1988. С. 153.

Глава вторая НА ВОЛОКОЛАМСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

СКВОЗЬ ВРАЖЕСКОЕ КОЛЬЦО

Четверо суток сдерживали противника на рубеже в верховьях Днепра ополченцы 18-й стрелковой дивизии. Без поддержки артиллерии и танков, не говоря уже об авиации, они стойко отбивали яростные атаки врага, устремившегося к Москве.

Однако силы были слишком неравные, и дивизия вместе с другими соединениями 32-й армии оказалась в окружении. Был получен приказ двигаться в направлении Гжатска. С трудом, но все-таки удалось собрать разрозненные и обескровленные части и подразделения. И вот две колонны, возглавляемые штабом, двинулись на восток. Несколько дней шли буквально параллельно с противником: он — по шоссе, мы — по лесным дорогам.

«Однажды мы остановились в лесу недалеко от полустанка Александровка, — вспоминает бывший ополченец, народный художник РСФСР М. Ф. Володин. — Моему отделению было приказано вести за ним наблюдение: там были видны стоявшие эшелоны. Для двух постов выбрали хорошие позиции. Только стали выбирать для третьего, как оттуда по нам открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов. Мы залегли. Поступила команда наступать на полустанок и выбить немцев. Тут очень кстати оказался знакомый командир из другого полка. Он участвовал в боях на Халхин-Голе. Не раздумывая, выхватил пистолет и, крикнув «За мной!», перебежками бросился к полустанку вдоль насыпи железной дороги. За ним пошли другие подразделения и мое отделение. На ходу ведя огонь, мы устремились за

смельчаком. Рядом со мной бежали Нечитайло, Плотнов, Чегодаев, Рубинский, Родионов, Гремитских, Гринюк и другие. Нас поддержали неизвестно откуда появившиеся четыре танкетки. Они открыли сильный огонь по противнику, и он оставил занятый полустанок. На путях стояли вагоны, набитые советским обмундированием и продуктами. Многие взяли шинели — было уже холодно, набрали всяких банок, колбас, а затем вернулись в лес и продолжили путь. У нас потерь не было, а у соседних подразделений были.

Передохнув, продолжили движение на восток. В пути заболел Чегодаев. Высокая температура, идти не может.

— Миша, — говорит мне, — пристрелите меня. Я понимаю, что происходит. Но я не хочу попадаться немцам в плен.

Убедившись, что он действительно плох, я побежал искать повозку. Наткнулся на дымящуюся походную кухню. Повар молящим голосом сказал мне: «Присылай своих ребят, пусть берут, ведь все придется выбрасывать».

Вместе с Плотновым, Нечитайло и еще с кем-то, сейчас не помню, сказав ребятам из отделения идти к кухне, мы вернулись к Чегодаеву, положили его на плащ-палатку и принесли к костру. Накормили горячим гороховым супом с мясом. Он поел, а я все думал, что делать дальше? И тут увидел единственную повозку. Подбежал и говорю ездоному: «Что у тебя в телеге?» «Казенное имущество», — говорит он. «Надо взять больного бойца». А он: «У меня лошадь так устала, что еле везет вещи».

— Имущество можно бросить, человек-то дороже. — И прекратив дискуссию, пошел за Чегодаевым. Принесли его, посадили на телегу, ездоному я сказал, чтобы он выбросил лишнее имущество, если приедет без Чегодаева, то я пристрелю его.

Спустя три дня, когда мы шли ночью и на ходу дремали, по очереди поддерживая друг друга, меня кто-то взял за руку. Оглядываюсь, и хоть было темно, вижу — Чегодаев. Идет уже. Сам. Рассказал, что они чуть не попали к немцам, когда распряглась лошадь. «Немцы уже заметили нас, но где-то неподалеку раздалась стрельба, и мы спаслись. Самое страшное, — говорил Чегодаев, — это потерять поддержку людей».

«Идем дальше в надежде выйти из окружения,— продолжает вспоминать М. В. Володин.— В одном месте увидели переправу, по которой всю ночь шли наши на другой берег. Минут через сорок, когда уже рассвело, мы перешли переправу. Немцы заметили тех, кто был на восточном берегу — человек сорок. Показались танки. Остановились. Из одного высунулся фашистский офицер и крикнул, чтобы мы сложили оружие и сдались в плен. И тут опять тот командир, бывший халхин-голец, оказался на высоте. Он из пистолета выстрелил в офицера и сразил его. А пока гитлеровские танки разворачивались, мы рассыпались по кустарнику и убежали в лес. Что было с теми нашими бойцами, которые не успели переправиться, не знаю».

Володин, а затем все его отделение, в которое входили студенты художественного института им. Сурикова, через несколько дней вышли к Волоколамску. Затем их направили в Москву, а оттуда в Самарканд, куда эвакуировали институт. После Самарканда снова побывали на фронте в различных частях, многие погибли, а сам он и Н. А. Пономарев в 1945 году выполняли особое задание по спасению картин знаменитой Дрезденской галереи.

С боями пробивались на восток и другие подразделения дивизии. Однажды ночью в лесу, недалеко от станции Туманово, что находится в нескольких километрах от города Гжатска, наши разведчики встретились с какой-то колонной. Оказалось, что это отходит из окружения управление и штаб 16-й армии, которой командовал генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Он отдал приказ, согласно которому 18-я стрелковая дивизия подчинялась 16-й армии. *«Мы ее подчинили себе,— пишет К. К. Рокоссовский,— поставив задачу на совместные действия при встрече с противником».*

С этого момента наша группа представляла уже довольно солидную силу, способную прорваться в любом направлении.

Соединение с нами обрадовало ополченцев. Но нужно сказать, что они в трудном положении не растерялись. Настроение и до встречи с нами было у них боевое. Это были москвичи, умевшие постоять за себя и за общее дело¹.

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат. С. 55.

Поскольку Гжатск был уже в руках противника, было решено одним полком 18-й дивизии сковать противника у города, а главными силами, сделав маневр, двигаться к северу на 20—40 километров, чтобы захватить мост через реку Гжать и переправиться на ее восточный берег. С целью обеспечить переправу войск в районе совхоза «Пречистое» вперед вышел саперный батальон 18-й стрелковой дивизии под командованием капитана В. С. Антонова.

Путь был нелегким. Опрокидывая немногочисленные вражеские отряды и обходя крупные группировки, собирая всех, кому удалось прорваться из кольца, штаб и управление 16-й армии, а также отдельные части 18-й стрелковой дивизии в ночь на 9 октября благополучно переправились на противоположный восточный берег реки Гжать. Отсюда, следуя на восток, колонны выскользнули из клещей внешнего фронта противника и двинулись в сторону Можайска.

А саперному батальону Антонова было приказано организовать здесь прикрытие отходивших войск и обеспечить переправу тех подразделений дивизии, которые еще вели бои, чтобы выйти из окружения.

Из воспоминаний бывшего командира саперного батальона капитана В. С. Антонова: *«Приказ получен, надо его выполнять. Собрал командиров рот, политработников... Слово берет батальонный комиссар Грудницкий. Адам Иванович немногословен. Держит в руке свою неизменную трубку, давно погасшую. Всем своим видом подчеркивает важность выполнения полученного приказа. Обращает внимание политработников на подготовку людей к бою и на то доверие, которое нам оказал командарм, поручив прикрывать отходившие войска. В заключение говорит:*

— Ни шагу назад без приказа! Умри на удерживаемом тобой рубеже, но противника не пропусти!

...Я провел с командирами подразделений рекогносцировку предстоящего района обороны. Определил ротам задачи. Указал, где находятся пункты питания и медицинский, скрытые подходы к ним от переднего края и выходы в тыл. Наметил места окопов и ячеек на случай встречи с вражескими танками.

Тыловыми подразделениями командовал мой заместитель старший лейтенант интендантской службы Евгений Васильевич Елисеев... Заработала медицинская

служба. Военфельдшер батальона лейтенант медицинской службы Ольга Дешина с санитарными инструкторами Молей Розенберг и Астой Эклунд оборудовали сарай для приема раненых и оказания им первой помощи.

С наступлением сумерек начали окапываться саперные роты. У каждого своя задача. Проверяю ход работ. Подхожу к первому взводу лейтенанта Науменко. Он разместился у моста, который мы должны были сохранить до последнего момента, вплоть до выхода из окружения всей дивизии. Для усиления охраны моста справа от Науменко расположился взвод лейтенанта Николая Дженджебера с бутылками горючей смеси и противотанковыми гранатами. Взвод Дженджебера считается в батальоне разведывательным. А тут выступает как самостоятельная боевая единица.

Ночь в напряженной работе по укреплению обороны переправы прошла спокойно. Но уже на рассвете в поселке совхоза «Пречистое» появились на мотоциклах вражеские автоматчики. Они еще не видели саперов, занимавших свои позиции, и прямо без остановок въезжали в село. Потом стала подтягиваться мотопехота с бронетранспортером. Появился и танк.

И вот завязался первый серьезный бой саперного батальона с врагом. Танк открыл огонь по домам и строениям. Запылали пожары.

На западном берегу Гжати, где раскинулось основное совхозное хозяйство, саперы роты старшего лейтенанта Н. В. Шувалова встретили противника дружным огнем. А затем, когда фашисты усилили натиск, отошли по заранее намеченному маршруту через мост на восточный берег Гжати. Обрывистые берега реки оказались для противника серьезным препятствием. Но несмотря на чувствительные потери он рвался к мосту. Да не тут-то было. Саперные взводы лейтенанта Евсева и младшего лейтенанта Мирошникова, отлично замаскировавшиеся, свинцовыми струями сбивали мотоциклистов на подъезде к мосту. Тут лейтенант решил воспользоваться турельным пулеметом, выскочил из-за укрытия на обочину и бездыханным повалился на землю.

Огонь на какое-то время прекратился. Фашисты бросились вперед со штыками наперевес. Казалось, они вот-вот займут мост, вгрызутся в восточный берег.

В эту критическую минуту и поднял саперов в контратаку батальонный комиссар Грудницкий. В ход пошли штыки, приклады. На помощь своим устремился немецкий танк. Лейтенант Науменко поджег мост, а бойцы лейтенанта Дженджебера бутылками с горючей жидкостью забросали танк».

Исключительный героизм и бесстрашие проявили саперы в этом бою. Но силы были неравными. Были ранены комиссар Грудницкий, однокашник капитана Антонова по военной академии Василий Сокол, политрук третьей роты капитан Богомолов, комсорг батальона лейтенант Косинец, много красноармейцев. Кое-как раненых удалось перенести в сарай, где расположился медпункт. Трассирующими пулями фашисты подожгли его. Рота Энбекова и взвод лейтенанта Лавриновича бросились к сараю, чтобы вызволить раненых, но было поздно. Все они, в том числе и комиссар Грудницкий и медсестры Эклунд и Розенберг, погибли под обрушившимся сараем.

Неравный, ожесточенный бой длился до самого вечера, а ночью, погрузив на повозки раненых и убитых, саперы начали отходить по указанному маршруту на восток. Спустя несколько дней догнали колонну частей дивизии. Командир дивизии полковник Живалев похвалил Антонова за умелые действия и мужество бойцов, сообщил о тяжелой утрате около деревни Поречье, когда вражеские бронемашины и пехота внезапно налетели на подразделения дивизии. В завязавшей схватке погибли начальник оперативного отдела капитан Пономарев В. М., комиссар штаба дивизии М. А. Макушин, много бойцов.

Вспоминая о тех днях, бывший командующий артиллерией 16-й армии маршал артиллерии В. Казаков пишет: «Дивизия (18-я сд.— В. К.) с честью выполнила задание. Она разгромила части противника, прикрывавшие мост, захватила 4 орудия, несколько пулеметов и обеспечила выход наших войск...

Под прикрытием 18-й дивизии штабные колонны, миновав Уваровку, в район которой враг выбросил десант, подошли к Бородино. 12 октября мы установили радиосвязь со штабом фронта, который приказал нам выйти восточнее Можайска»¹.

¹ От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий. С. 77.

18-я дивизия завершила выход из окружения 11—12 октября. При подходе к Можайску от командарма Рокоссовского она получила приказ сосредоточиться в районе города Звенигорода. 14 октября части прибыли в указанные пункты. Здесь надлежало пополниться личным составом и боевой техникой.

Бои под Вязьмой в начале октября 1941 года вошли в историю, как трагические и вместе с тем героические. Они еще ждут вдумчивого пера историков и прозаиков, талантливой кисти художников. Ведь до сих пор сознание людей волнуют судьбы живых и мертвых. Здесь переплелись в один узел мужество и стойкость, отвага и малодушие. Было бесчестие и позор. Драматичен сам факт окружения армий—19-й, 20-й, 24-й и 32-й. Его нужно объяснить. Убедительно, так чтобы правильно осмыслить и понять: как и почему все это могло случиться. Ведь в результате окружения значительно ослабла боеспособность Красной Армии на этом участке фронта, нависла реальная угроза над Москвой.

Враг злорадствовал. 7 октября фон Бок и Гальдер решили, что после окружения под Вязьмой у Красной Армии больше «нет сил, которые могли бы быть брошены для противодействия дальнейшему продвижению группы армий «Центр» на Москву». Фон Боку и всему командованию сухопутными войсками казалось, что уже теперь-то созданы предпосылки успеха для «большого решения» (т. е. окружения Москвы). К Боку в сопровождении Хойзингера (в последующем министр обороны ФРГ.—В. К.) прилетел фельдмаршал Браухич. Заправилы вермахта были единодушны в том, что «чистку котла» можно совместить с дальнейшим продвижением вперед. Был отдан приказ: ни на что не обращать внимания и наступать.

Но котел с окруженными армиями бурлил. Не успокоив его, опасно оставлять в тылу еще боеспособные дивизии. Уничтожение котла было поручено армиям Клюге и Штрауса. Немцы рассчитывали сделать это одним махом. Однако, едва кольцо замкнулось, как выяснилось, что крупные колонны то там, то тут выходят из окружения. Об этом доносила авиаразведка вермахта. А 10 и 12 октября штаб группы армий «Центр» получил еще более тревожное сообщение: «Окруженные войска нанесли удар по тылам 40-го и 46-го танковых

корпусов и тем самым помешали им выйти на сосредоточение для дальнейшего движения на Москву»¹.

Конечно, трагично, что в окружении оказалось так много советских войск, в том числе несколько дивизий народного ополчения. Но они героически сражались, нанесли врагу огромный урон в живой силе и технике. Своим сопротивлением ополченцы сковали крупные силы противника—28 дивизий, в том числе 6 танковых, и задержали его продвижение на Москву. Многие пали в этих боях, другие вступили в партизанские отряды или сумели выйти из кольца. 5 ополченских дивизий (2-я, 8-я, 29-я, 139-я и 140-я) в результате больших потерь были расформированы, а их личный состав влился в другие ополченские дивизии или в иные части Красной Армии. 18-я стрелковая дивизия народного ополчения сохранила свое знамя и боеспособность и потому была оставлена в составе действующей армии.

Но не напрасны были жертвы. «Благодаря упорству и стойкости,—пишет маршал Жуков,—которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии»². Уже 7 октября на рубеж Волоколамск—Можайск—Малоярославец—Калуга началась переброска войск из резерва Ставки и с соседних фронтов. Сюда прибыли 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков и ряд других частей. Они встали грудью на пути немецко-фашистских полчищ, рвавшихся в Москву.

Одновременно с этим, выполняя решение ГКО от 12 октября, непосредственно в районе столицы развернулось небывалое строительство оборонительной линии—противотанковых рвов, окопов, траншей,—проходившей по окружной железной дороге. На строительстве Московской зоны обороны приняли участие 450 тыс. человек, в том числе 50 тыс. студентов. 75 процентов мобилизованных составляли женщины.

13 октября в Москве состоялось собрание партийного актива, которое призвало коммунистов еще теснее

¹ Журнал боевых действий штаба группы армий «Центр». 19.10.1941.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1985. С. 203.

сплотиться для отпора врагу. Под руководством МГК были созданы новые формирования: 2-я и 3-я коммунистические дивизии (ставшие затем 129-й и 130-й стрелковыми дивизиями), 4-я и 5-я Московские дивизии, сформированные из 25 истребительных батальонов (впоследствии 155-я и 158-я стрелковые дивизии). Они заняли боевые рубежи в Московской зоне обороны¹.

Вскоре должна была встать на защиту Москвы и наша дивизия. Несмотря на большие потери, понесенные в верховьях Днепра и при выходе из окружения, она сохранила свое боевое Красное знамя. Сохранили свои знамена и полки, что давало право доукомплектовать их и направить в бой с немецко-фашистскими захватчиками. Наиболее сильно пострадал 1310-й стрелковый полк — он потерял почти весь личный состав. В других оставалось по 300—350 красноармейцев, но из окружения все еще выходили группы и одиночки, поэтому были приняты меры по сбору всех отставших и раненых. Вокруг Звенигорода обследовали многие деревни: Замошье, Межутино, Новопоречье, Купцово, Исаково, Потапово, Милятино и другие. Легкораненым медсанбат оказывал помощь и долечивал их, а тяжелораненых отправлял в тыловые госпитали.

События развивались стремительно, враг рвался к столице, не считаясь с потерями. Поэтому реформирование дивизии шло ускоренными темпами — всего пять дней с 15 по 20 октября². Обновилось командование всех полков. Прибывший из Военной академии им. М. В. Фрунзе майор Л. Н. Калинин принял 1308-й стрелковый полк, а военным комиссаром стал политрук И. А. Налойченко. Выбывшего по болезни командира 1306-го стрелкового полка К. А. Сергеева заменил майор М. И. Фомин³. Командиром 1310-го стрелкового полка назначили П. Д. Спаского, комиссаром — бывшего заведующего кафедрой политэкономики Института советско-кооперативной торговли И. Я. Данильченко (вместо погибших в верховье Днепра Н. Г. Чернова и Г. В. Штыкова).

Изменения произошли в политотделе дивизии. Вме-

¹ От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий. С. 7.

² ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 3.

³ Комиссар полка был назначен позже — 15 ноября. Им стал И. В. Добрынин.

то М. Ф. Шмидта начальником был назначен старший батальонный комиссар В. П. Гаршин¹, а инструкторами стали батальонные комиссары Г. К. Хапичев и И. Ф. Халипов — воспитанники ВПШ и Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Благополучно выбралась на своей старенькой полуторке редакция газеты «За Родину» с типографией. И пока дивизия пополнялась, мы ездили в Москву и печатали газету в типографии издательства «Правда» (при выходе из окружения пострадали наша знаменитая «американка» и наборные кассы со шрифтами).

978-й артиллерийский полк формировался в Доме отдыха Академии наук СССР, недалеко от Звенигорода. Тяжело пришлось артиллеристам. Как мы уже писали, полк вступил в схватку с врагом на марше, когда направлялся в район деревни Волочек. Попал в окружение и понес большие потери. Погибло много бойцов и командиров, в том числе военный комиссар П. В. Мамаев. В полном составе вышли лишь штаб, тылы полка и две батареи: 4-я лейтенанта Н. П. Тараненко (комиссар Н. П. Громов) и батарея под командованием А. М. Саксина (комиссар Д. К. Максаков). На их базе и началось формирование полка. Командиром был назначен майор А. В. Андреев. Перед войной он командовал 130-м корпусным полком. С первых дней нападения Германии на Советский Союз оказался на фронте, попал в окружение, организовал партизанский отряд, с которым потом влился в кавалерийскую группу генерала Доватора. Комиссаром 978-го полка стал А. В. Спиридонов, который только что окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина и, как говорят, сразу попал с корабля на бал. Пока укомплектовывался личным составом 978-й артиллерийский полк, произошло радостное событие: из окружения вышла под командованием комиссара 2-го дивизиона политрука А. Н. Рупасова гаубичная батарея с тремя орудиями. Из них был сформирован 2-й артдивизион под командованием майора Тагиева Хаджи Мурата-оглы, а комиссаром назначили Т. Н. Блохина. Был сформирован личный состав 1-го дивизиона, но без матчасти — артиллеристы не имели даже винтовок.

¹ Вскоре в одном из боев он погиб и на его место был назначен старший батальонный комиссар Н. В. Кутин.

«Я прибыл в 18-ю стрелковую дивизию 14 октября 1941 г., — вспоминает бывший комиссар 978-го арtpолка А. В. Спиридонов, — когда она находилась в районе Звенигорода после выхода из окружения. Сразу же встретился с комиссаром дивизии полковым комиссаром А. П. Логиновым. Он сказал мне, что арtpолка, как и дивизии, по существу нет, будем вновь создавать. «Идите к командиру майору Андрееву, он только что назначен, и вместе, не теряя времени, формируйте полк. Всеми вопросами занимайтесь сами».

Должен сказать, что с Андреевым мы сошлись быстро, и дело закипело. 17 октября утром в полном составе прибыла к нам 4-я батарея Н. П. Тараненко, которая с боями прошла более 200 километров, выходя из окружения. Это нас несказанно обрадовало. Закаленные в походах воины стали костяком, вокруг которого затем возродился 978-й артиллерийский полк. Батарея из 4-х орудий имела по 15—20 снарядов и 100 карабинов. Сразу же ей поставили задачу: занять огневые позиции на опушке леса вблизи Дома отдыха.

В тот же день из Москвы прибыли штаб и тылы полка — майор Колесников и капитан Маринов. На наш вопрос, как они оказались в Москве, сообщили, что следовали вслед за штабом дивизии. На подробный разговор времени не было, но они сообщили, что 4 октября арtpолк на марше в район деревни Волочек был атакован танками противника и понес большие потери.

К 19 октября мы имели в полку 12 орудий и 12 минометов».

Пока части дивизии доформировывались, получая пополнение и оружие, на всем Западном фронте, протянувшемся на 500 километров с севера на юг, шли ожесточенные бои. Крупные силы противника действовали в полосе обороны 16-й армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, штаб которой после выхода из окружения прибыл в Волоколамск 14 октября. Армия получила от командования Западного фронта приказ занять оборону протяженностью более 100 километров на рубеже от Московского моря (Иваньковское водохранилище) — на севере, до реки Руза — на юге. В полосе армии оказались две важнейшие автостреды, ведущие на Москву — Ленинградское и Волоколамское шоссе.

На Волоколамско-Клинском и Истринском направ-

лениях против армии Рокоссовского были сосредоточены 3-я и 4-я танковые группы противника в составе 7 танковых, 3-х моторизованных и 4-х пехотных дивизий при поддержке почти 2-х тысяч орудий и мощной авиационной группы¹.

Задача, прямо скажем, была не из легких. Между тем в распоряжении командарма Рокоссовского находились лишь незначительные силы: кавалерийская группа генерала Л. М. Доватора, состоящая из двух дивизий, танкисты бригады М. Е. Катукова, 316-я стрелковая дивизия генерала И. В. Панфилова, 78-я стрелковая курсантский полк, созданный на базе военного училища им Верховного Совета РСФСР, и наша 18-я стрелковая дивизия, находившаяся на переформировании. Явно не хватало танков и артиллерии, на один километр обороняемого армией фронта приходилось только два ствола. Не лучше положение было у пехоты и кавалерии: каждый стрелковый батальон и кавалерийский полк обороняли участки протяженностью от 5 до 15 километров по фронту. При этом со всеми соединениями и частями штабу армии нужно было еще установить связь, организовать и укрепить линию обороны в инженерном и противотанковом отношении. Поэтому нет ничего удивительного в том, что противник постепенно, километр за километром, теснил наши войска.

В сложившихся условиях 1310-й стрелковый полк нашей дивизии, оказавшийся к тому времени наиболее укомплектованным, был срочно передан в 5-ю армию и 16 октября вышел из Звенигорода в район Кубинки, чтобы занять оборону на участке деревень Окулово — Лютыково — Аксаково.

«В Кубинку пришли утром, — вспоминает бывший политрук пулеметной роты 1310-го стрелкового полка П. Г. Новиков, — по дороге то и дело встречали одиночек и небольшие группы красноармейцев. «Откуда?» — спрашиваем. «Из-под Вязьмы». — «Как там дела?» — «Тяжкие, какие еще», — отвечают. «Возьмете к себе?» — спрашивают. «Давай, братцы».

Кубинку и Дорохово бомбили непрерывно, но теперь мы уже были обстрелянные, не то, что под Волоч-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1990. С. 231.

ком. Полку поставили задачу: занять оборону по линии Строганка, Новоархангельское, Брыкино, Еремино, Якшино. Когда мы покинули Звенигород, в полку было всего два батальона. Людского состава до комплекта не хватало 900 человек. Да и на вооружении имелись преимущественно винтовки. Вместо положенных по штату 54 станковых пулеметов имелось только 7. Однако вскоре полк был укомплектован людьми и вооружением, став серьезной боевой единицей. Сформировалась большая крепкая партийно-комсомольская прослойка: 425 коммунистов и 582 члена ВЛКСМ. В первых же боях они показали образцы героизма и мужества. Помню, произошло это у деревни Скоково. Как-то под вечер после авиационного налета немцы бросили против нас до 10 танков и много автоматчиков. Уверенный в своих превосходящих силах противник напролом шел на наши позиции. Создалась критическая обстановка. Кто-то из бойцов дрогнул и побежал. В эту-то минуту, невзирая на ураганный огонь фрицев, комиссар П. Я. Данильченко выскочил из укрытия и крикнул: «Назад! Держать оборону!» Как раз в тот момент коммунист М. Ширяев, на которого двигалось несколько танков, подбил из противотанкового ружья сначала один, а затем и другой танк. Увидя загоревшиеся машины врага и отвагу комиссара, бойцы бросились в контратаку, и фашисты были отброшены.

Тяжелый бой завязал полк за деревню Брыкино. Несколько раз она переходила из рук в руки. В разгар одной из атак выбыл из строя командир полка майор П. Д. Спасский. Полк возглавил П. Я. Данильченко. Деревня была взята. Здесь особенно отличился командир батальона капитан Дерек. Из противотанкового ружья он поджег немецкий танк, что обеспечило успех.

Позже, когда в полк прибыл новый командир майор К. А. Сергеев (он командовал до этого 1306-м стрелковым полком) разгорелись жаркие схватки за деревню Якшино, которую захватили гитлеровцы. Отсюда они начали наступление. 7 танков с десанниками на броне рванулись на окопы. Наблюдая за ними, Сергеев приказал не стрелять, пока немцы не подойдут поближе. Оставалось 500, 400, 300 метров. И тут в упор по врагу открыла огонь артиллерия. 2 танка были подбиты, а остальные дали задний ход. Десантники же попрыгали с машин и залегли в поле. Командир полка приказал

не трогать их, а ночью окружить и взять в плен. Так и сделали. Десантников обошли со всех сторон и без особого сопротивления взяли в плен 60 человек.

Много других боевых схваток на счету 1310-го полка. Он достойно выдержал суровое испытание, выпавшее на его долю в оборонительных и наступательных боях за Москву, и был оставлен в 82-й мотострелковой дивизии 5-й армии. С ней и прошел свой остальной боевой путь. Был награжден орденами Суворова и Богдана Хмельницкого, воспитав двух Героев Советского Союза: капитана А. И. Заговеньева и лейтенанта Н. Ф. Сухобского.

Летопись 1310-го полка (под новой нумерацией) продолжается и в наши дни. В составе одной из дивизий он с достоинством охраняет священные рубежи Родины. По установившейся традиции призывники Фрунзенского¹ района Москвы едут на смену отслужившим свой срок москвичам и становятся под его опаленное войной Красное Знамя.

Вслед за 1310-м стрелковым полком, уже сражавшимся с врагом в составе 5-й армии, покинули Звенигород и другие части и подразделения. Теперь в дивизию входили: 1306-й и 1308-й стрелковые полки, 461-й отдельный саперный батальон, 866-й отдельный батальон связи, отдельный минометный дивизион, 477-я отдельная мотострелковая разведрота, 344-я отдельная рота химзащиты, 312-я отдельная рота автоперевозок, 500-й отдельной медсанбат². 20 октября дивизия получила задачу: выйти на рубеж Скирманово, 25 километров западнее г. Истры, и задержать противника, а 21 октября она прибыла в указанный район и заняла оборону на рубеже: Сычи, Щелканово, Ивойлово, Филатово, Горки, Ново-Рождественно, Буланино. Справа от нас находилась 316-я стрелковая дивизия генерала И. В. Панфилова, слева — 78-я стрелковая дивизия полковника А. П. Белобородова. В соседстве с этими прославленными соединениями мы и вступили в великую битву непосредственно за столицу нашей Родины.

¹ После войны Ленинградский район был разделен на два: Ленинградский и Фрунзенский. При этом большая часть служб старого района, в том числе райком партии и райисполком, остались на прежней территории. И повелось так, что Совет ветеранов 18-й дивизии связан со «старым» районом, т. е. Фрунзенским.

² ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 2, 3.

БОИ ЗА СКИРМАНОВО

Осуществляя операцию «Тайфун», гитлеровское командование, начав наступление 2 октября, рассчитывало одним ударом сломить сопротивление Красной Армии и окружить Москву. Однако немецким войскам выполнить такую задачу не удалось, хотя справа и слева от 16-й армии им сопутствовал успех: пали Калинин и Можайск.

25 октября, введя свежие силы, при поддержке танков и авиации противник занял Болочеву, Осташково, форсировал Рузу. 27-го немцы вошли в Волоколамск. Попытка же перерезать шоссе восточнее Волоколамска, идущее на Истру, была решительно отражена. Таким образом, план окружения Москвы с северо-запада, со стороны Волоколамска, не удался. «Тайфун» явно сбавил скорость.

Тем не менее положение на Волоколамском направлении серьезно осложнилось и возросла угроза Москве. Большое беспокойство командования 16-й армии вызвал захват 10-й танковой дивизией населенных пунктов Агафидово, Козлово и особенно Скирманово. Дело в том, что эта деревня расположена на западной стороне высоты 260,4, господствующей над всей округой. Отсюда даже в непогоду на десятки километров, как на ладони, видны леса, населенные пункты, дороги.

По достоинству оценив огромное тактическое значение высот, гитлеровское командование сразу же превратило Скирманово и особенно высоту 206,4, где размещалось кладбище, в сильно укрепленный пункт. Тем самым немцы нависли с юга над автомагистралью Волоколамск — Истра — Москва. *«Они не только простреливали ее артиллерийским огнем,— пишет К. К. Рокоссовский,— но и могли в любое время перехватить и войти в тыл основной группировки нашей армии на этом направлении»¹.*

Было ясно, что гитлеровцы готовят Скирманово как исходный пункт для прорыва на Москву. Разведка доносила, что противник подтягивает в полосу обороны 16-й армии новые крупные силы и вот-вот нанесет удар. Стало известно, что в деревне и за высотой находится

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат. 1980. С. 70.

большое количество танков. Многие из них закопаны в землю и превращены в дзоты.

Командование дивизии решило послать в тыл Скирманово разведчиков. В № 221 газета «За Родину» об этом писала: *«Ночь. Низко плывут облака. Моросит дождь. Ни зги не видно, только вода в лужах поблескивает. Вот в такую погоду подразделение старшего лейтенанта Костикова пошло в разведку, чтобы установить место расположения немецких танков и сосредоточение пехоты.*

Осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, достигли пункта С., недавно занятого немцами. Кругом было тихо, немцы спали. Только несколько часовых стояли у домов.

Старший сержант Жаворонков и красноармеец Иванов отделились от остальной группы и поползли в деревню. Они осматривали дворы, огороды. Потом подошли к большому сараю. В нем стояли два танка. Жаворонков и Иванов немедленно приняли решение уничтожить их. В ход пошли бутылки с «КС». Ярко вспыхнул сарай, загорелись танки. Разведчики отползли в кусты метров на 30 и стали ждать, приготовив гранаты, появления фашистов. А когда те прибежали из домов к сараю, чтобы узнать, что случилось, Жаворонков и Иванов стали поливать их метким огнем из автоматов».

Донесение разведчиков, а также сообщения местных жителей свидетельствовали, что противник собирает в Скирманово крупные силы пехоты и танков. Это очень волновало командарма Рокоссовского. Он мучительно раздумывал, как бы «срезать» эту злосчастную высоту, за которой укрываются немцы, и не дать им использовать ее в своих планах. Но его беспокоило: а не может ли случиться так, что одновременно наступление начнут большими силами и немцы. Это было очень рискованно и опасно, имея в виду значительное превосходство противника в танках. Об этих сомнениях Рокоссовский упоминает в своей книге «Солдатский долг»¹. И все же стремление улучшить положение наших войск и снять угрозу выхода немцев в тыл 16-й армии одержало верх и было решено провести наступательную операцию на

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат. 1980. С. 170.

Скирманово. 26 октября, после артиллерийской подготовки, 1-й батальон 1308-го стрелкового полка во взаимодействии с 28-й танковой бригадой атаковал Скирманово, где оборонялся батальон противника с 40 танками, но успеха не имел. На следующий день немцы предприняли контратаку, но она была отбита. Пришлось 1-му стрелковому батальону отойти на новый рубеж: Мамошино, Никольское, не давая противнику распространяться на восток. Бои за Скирманово продолжались еще несколько дней, но также безуспешно¹.

Между тем противник продолжал стягивать в район Скирманово новые пехотные и танковые соединения. Приведем несколько сводок штаба дивизии.

Сводка № 2 от 28.XI.41 г.

«В течение дня противник в районе Скирманово, Козлово, Нижнее Сляднево вел перегруппировку своих частей. В Скирманово в самой деревне у домов стоят 40 танков, на окраине деревни до батареи артиллерии ПТО»².

Сводка № 6 от 1.XI.41 г.

«Противник вел оборонительные работы. Скопление танков Скирманово, Нижнем Сляднево, Покровском, Козлово подтверждается...»

В 8.30 на северо-западной окраине Покровского обнаружено 6 зарытых танков»³.

Сведения о концентрации сил в Скирманово доходили от местного населения. Расскажу о таком любопытном эпизоде. 24 октября в дивизию вместо 1310-го стрелкового полка, переданного в 5-ю армию, влился 365-й стрелковый полк. Он прибыл к нам из 119-й стрелковой дивизии, которая находилась в Калининской области в составе Резервного фронта. Сформирована она была еще в 1939 г. в Красноярске, участвовала в войне с Финляндией. В апреле 1940 г. вернулась в свой родной город, а в первые дни Отечественной была направлена под Москву на Западный фронт, а затем в Резервный. 7 октября 1941 г. 365-й полк в срочном порядке на автомашинах был переброшен в район Гжатска. На

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 3.

² Там же, ф. 1070, о. 1, д. 2, л. 1—2.

³ Там же, л. 5—6.

175-м километре шоссе Минск — Москва он занял участок обороны и в течение двух суток отражал яростные атаки противника. Борьба была неравная. Полк еще не успел окопаться и построить какие-либо укрытия. Несколько раз дело доходило до рукопашных схваток. Но враг не считался с потерями и рвался к Москве. Понес большие потери и 365-й полк. Из 3-х тысяч человек в строю осталось немногим более 600. Покрыв себя слабой, погибли начальник штаба майор Герлих, командиры 2-го и 3-го батальонов капитан Черкмазов и старший лейтенант Четур. Были тяжело ранены командир полка майор Кузьменко и командир 1-го батальона капитан Ходасевич. Пришлось взять на себя командование полком старшему батальонному комиссару Петру Дмитриевичу Куприянову¹. Командиром 2-го батальона стал старший лейтенант Никифор Андреевич Ушаков.

После кровопролитных боев полк отступил вместе с другими частями Красной Армии, а затем участвовал в обороне Бородино, Можайска, Кубинки, а 24 октября влился в 18-ю стрелковую дивизию вместо 1310-го стрелкового полка в районе Скирманово.

Вот к этому старшему лейтенанту Н. А. Ушакову, командиру 2-го батальона, из Скирманово прибежал на наблюдательный пункт тринадцатилетний паренек Сережа Караськов. Он сообщил, что в село прибыли два немецких тягача с боеприпасами. Гитлеровцы сложили снаряды в кузнице, но так как их было очень много, то оставшуюся часть разместили вокруг нее. Мальчуган объяснил Ушакову, как незаметно пробраться к кузнице. Долго не раздумывая, комбат подобрал группу добровольцев и повел их ночью на операцию. Вместе с ними увязался и Сережа в качестве проводника. Он довел автоматчиков до самой околицы, показал, где кузница, и Ушаков отправил его в безопасное место, а сам с бойцами внезапно ворвался в деревню. Чтобы вызвать панику, отряд открыл сильный огонь из автоматов. Застигнутые врасплох полураздетые фашисты в панике выскакивали из домов и попадали под пули. Тем временем Ушаков со своим адъютантом комсомольцем Михаилом Пашковым бросились к кузнице и за-

¹ Под Москвой временно эту должность занимал майор П. И. Швецов, а 25 ноября командиром полка назначили майора Д. Е. Высоккого.

бросали ее бутылками с зажигательной смесью. Прогрел огромной силы взрыв, и склад с боеприпасами взлетел на воздух. Как потом стало известно, командир 10-й танковой дивизии противника, занимавшей Скирманово, 13 ноября, т. е. уже в ходе последующего успешного наступления 18-й дивизии, открытым текстом по радио запросил помощь, ссылаясь на то, что у него нет горючего и боеприпасов. Значит, здорово поработали в ту ночь бойцы Ушакова¹.

На обратном пути группа Ушакова уничтожила гранатами еще и 6 огневых точек врага. После дерзкого ночного налета его участники без потерь вернулись обратно (было лишь двое раненых).

Смелый рейд группы Ушакова в тыл врага удался на славу, а вот предпринятое 5 ноября наступление 365-го полка и 2-го батальона 1308-го, поддержанных артиллерийским и минометным огнем, не имело успеха. Деревня Скирманово оказалась крепким орешком. Это и объяснимо. Гитлеровцы подготовили Скирманово как плацдарм для прорыва к Волоколамскому шоссе, ведущему к Москве, и не собирались так легко отдать его. Последующие попытки взять Скирманово, продолжавшиеся до 8 ноября, также не давали желаемого результата, несмотря на героизм и отвагу бойцов и командиров. Бои за Скирманово были ожесточенные и кровопролитные. Несколько раз наши бойцы врывались на окраину деревни, но из-за сильных контратак противника были вынуждены отходить на исходные рубежи. Неудачный исход боев показал, что нам еще не хватало воинского умения выбивать врага с укрепленных позиций, да не оправдывала себя и прямолинейная тактика бить в лоб и идти напролом. Нужна более глубокая и продуманная до мелочей тактика. Потребовалось разработать новый план действий. Он и был подготовлен штабом 11-й армии и штабом 18-й дивизии во главе с новым командиром полковником П. Н. Чернышевым, заменившим полковника П. К. Живалева. (Несколько ранее, 6 ноября, вместо А. П. Логинова военным комиссаром был назначен полковой комиссар А. М. Орлов.) Самое непосредственное участие в разработке нового плана принимал командарм К. К. Рокоссовский, который дважды перед этим провел реко-

¹ ЦАМО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 54, л. 3.

гносцировку на местности, побывал в окопах и лично осмотрел скирмановские высоты. «Посетил командарм и наш артполк,— вспоминает бывший комиссар А. В. Спиридонов.— Однажды утром из штаба дивизии передали— едет Рокоссовский. Вскоре в ближнем тылу мелькнула легковая машина. Оставив ее в кустах, через несколько минут на наш НП пришел высокий, стройный и моложавый генерал-лейтенант. Был он в шинели, на голове не папаха, а обыкновенная ушанка, правда, с каракулевым мехом. Петлицы— полевые. Это и был наш командарм.

Командир полка майор Андреев кратко доложил данные о противнике и состоянии полка.

Выслушав доклад, он заинтересовался, каково настроение у бойцов, хорошо ли кормят, нет ли обмороженных. И потом вдруг спросил:

— А на вот этой колокольне ваш наблюдатель есть?¹

— Так точно!

— Хорошо, посмотрю сам.

— Но по колокольне фашисты бьют из минометов и артиллерии. Опасно, товарищ командующий,— сказал майор Андреев.

— А на войне везде опасно,— ответил, улыбаясь, генерал. И добавил:

— Все останутся здесь. Только адъютант со мной. И отправился на колокольню. Долго осматривал местность. Вернувшись, попрощался с нами и уехал.

Через несколько дней Рокоссовский приехал в дивизию вместе с командующим артиллерией армии генералом Казаковым и побывал на НП стрелкового батальона, находившегося рядом с НП одной из наших батарей, где мы как раз находились. Командарм внимательно выслушал командира стрелкового полка, задал несколько вопросов и нам, а затем отправился по траншеям. Мы следовали за ним. Стояло относительно затишье, но стрельба не утихала, то тут, то там падали мины и снаряды. В одном месте над нашими головами вдруг прожужжали пули. Я, командир полка и Казаков невольно присели, однако Рокоссовский и бровью не повел. Мы быстренько выпрямились, смущенные, од-

¹ Речь шла о церковной колокольне в деревне Рождествено (В. К.).

нако командарм тактично сделал вид, что ничего не заметил.

Потом Рокоссовский с Казаковым приезжали в дивизию во время нашего наступления на Скирманово, но тогда я с ним не встречался¹.

В чем же состоял новый план операции?

Предыдущие атаки Скирманово показали, что сама деревня и расположенные вокруг нее высоты представляли собой мощный, хорошо укрепленный узел с большим количеством огневых средств, множеством танков, в том числе зарытых в землю, а также насыщен противотанковой и полевой артиллерией и минометами. Некоторые дома и другие постройки Скирманово были превращены в дзоты. Поэтому решили привлечь к операции помимо 18-й стрелковой дивизии 50-ю кавалерийскую генерала И. А. Плиева, танковую бригаду М. Е. Катуква, а также несколько артиллерийских полков и дивизион «катюш».

Исходя из создавшегося положения, было принято решение атаковать Скирманово не в лоб, а с фланга, со стороны деревни Агафидово, обойдя высоту 260,4 с юго-запада. Ставка делалась на то, что гитлеровцы, уже привыкшие к нашим прямолинейным атакам, предпринятым несколько раз с 5 по 8 ноября, по-прежнему уверены, что русские ни на что другое не способны.

Наступление на Скирманово назначили на 12 ноября. Командование армии поддержало предложение штаба нашей дивизии в ночь перед началом операции направить большую группу автоматчиков-ополченцев в расположение врага, чтобы вызвать там панику и отвлечь внимание гитлеровцев. Это было поручено осуществить командиру 2-го батальона 365-го полка старшему лейтенанту Ушакову, который, как мы уже писали, со своим отрядом взорвал склад боеприпасов в ночь на 5 ноября. Командиру батальона 1308-го стрелкового полка старшему лейтенанту Д. Я. Щербову было приказано также в ночь на 12 ноября атаковать деревню Агафидово.

К наступлению с подъемом готовились все части и подразделения дивизии. Состоялись партийные и комсомольские собрания, митинги, на которых бойцы и командиры горячо поддерживали план операции. «Не

¹ «Приокская правда». 1987. № 11. С. 3.

может быть такого, чтобы не взять эту заколдованную деревню,— единодушно говорили ополченцы.— Не пустим врага, отстоим Москву».

Неутомимую энергию проявили в эти дни комиссар 1308-го стрелкового полка политрук И. А. Налойченко и инструктор по пропаганде старший политрук Т. И. Крутоверцев. Они дневали и ночевали в подразделениях, беседовали с бойцами, разъясняли сложившуюся на фронте обстановку, прямо в окопах вручали принятым в кандидаты и члены ВКП(б) партийные билеты.

С большим волнением встретили ополченцы письмо Ленинградского райкома партии, в котором он обратился к личному составу частей и подразделений дивизии с наказом стоять насмерть, но не пустить врага к Москве. Оно было опубликовано в газете «За Родину» и вызвало у москвичей-ополченцев, всех бойцов дивизии чувство большой гордости и патриотического подъема. На митинге воинов 365-го стрелкового полка была принята резолюция: «Перед Родиной в долгу не останемся. Москву не сдадим! Будем громить фашистских людоедов в воздухе и на земле, где бы только ни появились эти презренные выродки человечества». В том же номере опубликована заметка красноармейца Ивана Мельниченко «Наказ отца». «Отец мой — красногвардеец,— писал он.— В октябре 1917 года строил баррикады в Хамовниках и сражался на этих баррикадах. Когда я уходил на фронт, отец сказал мне: «Сражайся, Ваня, как следует, слушайся командиров, не опозорь мою седую голову».

Не опозорю, дорогой отец! Я теперь сражаюсь на подступах к Москве — моему родному городу. Москва взрастила, Москва воспитала меня. Здесь мальчиком учился в школе, потом в станкостроительном техникуме получил путевку в жизнь — стал квалифицированным мастером.

Я люблю Москву всем своим сердцем и драться за Москву буду так же самоотверженно, как дрались красногвардейцы на октябрьских баррикадах¹.

И вот наступил этот день, 12 ноября 1941 года, вошедший незабываемой страницей в историю 18-й стрелковой дивизии. А в ночь с 11-го на 12-е, как и было на-

¹ «За Родину», 1941. № 29.

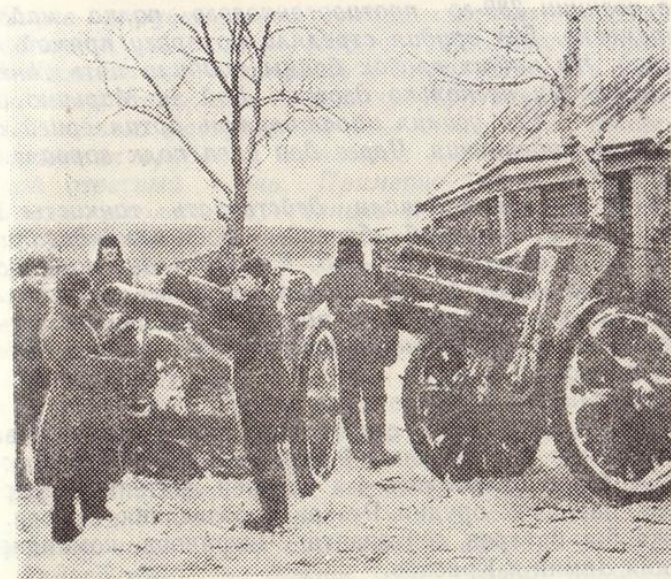
мечено, героический рейд в тыл врага снова совершил старший лейтенант Н. А. Ушаков со своими героями-автоматчиками. Бывший член военного совета 16-й армии А. А. Лобачев пишет об этом эпизоде: «Начало операции было назначено на 11 ноября. Развивая мысль командарма (т. е. Рокоссовского, о чем мы уже писали.— В. К.), командир 18-й дивизии Петр Николаевич Чернышев в свою очередь продумал великолепные детали. Он поручил взводу автоматчиков под командованием старшего лейтенанта Ушакова пробраться в тыл и внезапно ударить по врагу. Ушаков прекрасно выполнил боевое задание: в ночь с 11 на 12 ноября ударная группа, действуя по тылам, наделала много шума, отвлекла внимание и силы врага»¹. Высокую оценку этому смелому маневру дал маршал К. К. Рокоссовский².

Сам Ушаков сообщил автору этой книги такие подробности: «Готовясь к операции, командир дивизии полковник Чернышев вызвал меня и приказал подобрать группу бойцов и лучшего командира. Я не стал готовить лучшего командира, а пошел с группой сам. Отобрал 32 надежных человека, вооружил каждого автоматом. Взяли гранаты и бутылки с горючей смесью и ночью выступили. Мы обошли Скирманово и углубились в тыл врага. Немцы в это время подтягивали свои войска в Скирманово, шла пехота, подводы, машины. В темноте мы внезапно появлялись из леса и обстреливали колонны из автоматов, а в машины и подводы бросали гранаты и бутылки с горючей смесью. Паника у немцев была невероятная, а мы быстро скрывались и уходили в лес. Так мы прошли 4 километра от Скирманово до Козлово и вернулись в полк без потерь. Только мой связной Миша Пашков пришел после всех, но не один, а с «языком». Немец на допросе сказал, что они думали, что на них напала целая дивизия русских».

Одновременно с Ушаковым в ту же ночь с 11-го на 12 ноября 2-й батальон 1308-го полка старшего лейтенанта Д. Я. Щербова, как и было намечено, внезапно обрушился на деревню Агафидово. Первыми ворвались пулеметчики лейтенанта Тиунова, а за ними истребители танков. Они быстро подавили огневые точки противника и вскоре очистили деревню от немцев.

¹ Лобачев А. А. Трудными дорогами. М. С. 27.

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М. М.: Воениздат. С. 71.

Гвардейцы дивизии осматривают захваченные у немцев орудия

Утром 12 ноября вступили в бой основные силы нашей дивизии — 365-й полк, наносивший главный удар по Скирманово, а также приданная ему танковая бригада Катукова, 523-й артиллерийский полк резерва Главного командования и два дивизиона «катюш» и другие соединения, которые были задействованы согласно плану наступления. Очень ярко описал тот день бывший командующий артиллерией 16-й армии маршал артиллерии В. Казаков: «Рано утром 12 ноября вместе с А. А. Лобочевым я выехал в село Рождествено, где находился наблюдательный пункт командира 18-й дивизии¹. Началась артиллерийская подготовка. В зоне обстрела — Скирманово, Козлово, Марьино и Покровское. В стереотрубы видно, как в Скирманово черными тучами взлетает в воздух земля. Вышли на исходное положение наши танки. Дали первые залпы дивизионы «катюш». У всех радовалось сердце, что новой техники стало больше.

В 100 метрах от деревни Марьино находились огне-

¹ Церковная колокольня в селе Рождествено.

вые позиции 289-го противотанкового полка майора Ефременко. Его орудия стреляли по врагу прямой наводкой. На наших глазах бойцы подбили пять танков и разрушили несколько дзотов. Бой за Марьино вел 365-й полк. Его усилия наращивались артиллерией армейского подчинения. Через два часа полк ворвался в Марьино.

В то же время начали действовать танкисты 1-й гвардейской танковой бригады под командованием М. Е. Катюкова (быв. 4-я.—В. К.). По плану командарма на них ложилась основная задача — уничтожить противника в Скирманово, прикрыть своим огнем наступление и в дальнейшем действовать в районе деревни Козлово.

*Бой длился весь день и всю ночь*¹.

Наступление 365-го стрелкового полка поддерживал своим огнем 2-й дивизион 978-го артиллерийского полка. Особенно отличились 4-я батарея лейтенанта Тараненко, наводчик орудия Рузаев и разведчик Сысоев, а также 6-я батарея лейтенанта Чигринова, командиры орудия Зимин и Краснов.

Умело и расчетливо действовал наводчик И. А. Ананьев. Закопанные в землю танки сливались с землей и издали казались кочками. Но только появилась наша пехота, как эти «кочки» выбрасывали ей навстречу поток смертоносных снарядов. Рядом с танками замаскировалась противотанковая пушка. Она также вела огонь по пехоте. В одной из атак на помощь нашей пехоте пришли артиллеристы. Наводчик И. Ананьев, быстро оценив обстановку, решил бить по танкам прямой наводкой. Расчет бегом выкатил свое орудие и, установив его в пятистах метрах от противника, открыл огонь.

Первые четыре снаряда покончили с противотанковой пушкой. Пятый ударил по танку. Экипаж выскочил наружу, но шестой снаряд не дал им уйти и уложил на месте.

Восемь танков уничтожил сокрушительным огнем своего орудия отважный наводчик Иван Ананьев, за что был представлен к высокой правительственной награде².

¹ От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий. 1966. С. 80.

² «За Родину», № 226.

«После сокрушительных залпов «катюш», — вспоминает бывший командир 1308-го стрелкового полка Л. Н. Калинин, — ринулись в атаку танки. За ними пошли наши стрелковые батальоны. Противник, не ожидавший нашего наступления, был ошеломлен. Однако из уцелевших орудий и минометов противник открыл сильный ответный огонь. Примерно через 3 минуты прилетели самолеты противника и начали бомбить и обстреливать из пушек и пулеметов наши боевые порядки. Но ничто не могло остановить порыва советских воинов. Вот вижу — справа от меня артиллерийский расчет передвигает на руках 76-миллиметровую пушку и ведет стрельбу прямой наводкой по танкам противника. Расчетом командует Рафгат Валиев. Недалеко от меня строчит из «максима» сержант Николаев. И вдруг разрыв мины, он упал. Пулемет замолк. Но второй номер рядовой Шевчук вновь открыл огонь.

Впереди Виктор Птицын, выскочив из-за бугра, бросает бутылку с горючей смесью в танк с крестом. Машина загорелась. Огнем из пулемета Виктора прикрывает Андрей Куц. Они друзья. Оба только накануне войны окончили школу в Красногорске.

Бои шли за каждый дом, сарай. Гитлеровцы вели огонь с чердаков, деревьев, из подвалов. Иногда наши бойцы пускали в дело штыки¹.

На другой день, к исходу 13 ноября, части 18-й стрелковой дивизии выбили немцев из Скирманово. Преследуя противника, 1-й батальон 1306-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Никиты Шишкова при поддержке танков завязал бои за деревню Козлово, но она была взята после кровопролитных схваток только к вечеру 14 ноября².

В боях за Скирманово исключительное мужество показал боец 461-го саперного батальона А. Ф. Маркушин. Во время наступления на высоту 260,4 из дзота перед кладбищем немцы вели ураганный огонь по нашим бойцам. Невозможно было поднять голову. Пользуясь артиллерийским налетом нашей артиллерии, Маркушин стал подбираться ползком к этому дзоту. Метр за метром он приближался к врагу, а когда оставались

¹ «Социалистическая индустрия».

² ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 4.

считанные метры, бросил в амбразуру связку гранат, но не попал. Тогда он поднялся во весь рост и закрыл ее своей грудью. Дзот замолк. Ополченцы 1308-го полка бросились вперед и захватили высоту¹.

Много других героических поступков совершили в боях за Скирманово и Козлово бойцы и командиры дивизии. В ожесточенных схватках противник потерял убитыми и ранеными свыше 3000 человек, 36 танков, несколько десятков орудий, пулеметов и другой техники. В самом Скирманово на поле боя и под обломками домов осталось до 600 трупов гитлеровцев, 14 подбитых и сожженных танков, 14 орудий. Дивизия захватила первые трофеи: 18 танков, 5 орудий, 7 пулеметов, 4 автомашины, 9 мотоциклов, боеприпасы и другое имущество².

Как потом оказалось, столь дерзкая операция советских войск была полной неожиданностью для немцев, они не верили, что в сложившихся тогда условиях русские пойдут на такой рискованный шаг. Но, как говорят, риск благородное дело. *«Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие поселения, — пишет К. К. Рокоссовский, — был полный. 10-я немецкая дивизия, предназначавшаяся для перехвата Волоколамского шоссе, с большими потерями откатилась далеко назад»³.*

Бой за Скирманово был первым наступательным, победным боем дивизии. Он показал, что мы можем бить и побеждать коварного и до зубов вооруженного врага, если по-настоящему овладеем искусством современной войны. Успех скирмановского боя объясняется не только умелым тактическим маневром, не только участием сравнительно большого количества войск, но и высоким патриотическим подъемом, которым были охвачены воины дивизии. Верные своей клятве, ополченцы в массовом наступательном порыве шли в бой, презирая смерть, истребляя и уничтожая фашистских вояк. Бойцы открыли счет уничтоженным гитлеровцам. Первым был комсомолец старший сержант

¹ На этой высоте ныне установлена Памятная плита, на которой высечены имена павших в боях за Скирманово, в том числе и Маркушина.

² ЦАМО, ф. 538, о. 5916, д. 54, л. 3.

³ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 171.

В. П. Козлов. Он уничтожил в схватке за деревню 10 солдат врага, И. А. Миненков — 18 немцев. Сержант Г. И. Петохин, парторг из 978-го арtpолка, подбил из своего орудия два танка. Комсомолец Михаил Пашков в рукопашном бою заколол пять фашистов. Пулеметчик П. Васильев, часто меняя позиции, метко косил гитлеровцев, расчищая путь для своей пехоты. Он уложил 40 немцев. Снайпер лейтенант Д. И. Барыкин уничтожил 24 солдата противника.

Дивизия удерживала Скирманово до 16 ноября¹.

В ходе многодневных боев за Скирманово части и подразделения дивизии также понесли большие потери, особенно 365-й полк. Погибли на боевом посту начальник штаба дивизии полковник А. Г. Шацков, начальник политотдела батальонный комиссар А. А. Ахтомов (вместо него был назначен старший батальонный комиссар Н. В. Кутин). В одной из атак пал смертью храбрых военный комиссар 1308-го полка политрук И. А. Налойченко. Его заменил инструктор пропаганды старший политрук, выпускник Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) Т. И. Крутоверцев. Несколько дней он находился на передовой в полку, и когда случилась эта трагедия, стал комиссаром. Но вскоре судьба преподнесла Крутоверцеву еще один «сюрприз». В тяжелых кровопролитных схватках был ранен командир полка майор Л. Н. Калинин. Ситуация сложилась острая, нельзя оставлять полк без управления, и Калинин приказал Крутоверцеву принять на себя командование.

Экзамен последовал спустя сутки. Поддержанная танками немецкая пехота захватила небольшой участок Волоколамского шоссе. Возникла угроза выхода противника в тыл дивизии. Мешкать было нельзя. Тогда Крутоверцев поднял полк и пошел в контратаку. Гитлеровцы были выбиты с захваченных позиций. Шоссе было освобождено.

В боях за Скирманово тяжело ранило старшего лейтенанта Ушакова, который, как мы уже писали, дважды водил своих отважных автоматчиков по тылам врага, сея панику и уничтожая склады оружия фашистов. Сложили голову за свободу Родины многие другие бойцы и командиры дивизии.

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 4.

С глубокой скорбью и воинскими почестями ополченцы предали своих боевых друзей земле, на которой они сражались. Вечная им память!¹

В боях за Скирманово, как и в последующих других подмосковных схватках с противником, большую роль сыграло тесное взаимодействие 18-й дивизии с соседями — справа — 316-я И. В. Панфилова, слева — 78-я А. П. Белобородова. Надо сказать, что стыки флангов дивизий были условными. Участки в 4—6 км прикрывались небольшими группами боевого охранения. Да и вообще в битве под Москвой в 1941 г. не было сплошной линии фронта. Это уже потом она образовалась. Тем не менее между тремя названными дивизиями постоянно и надежно поддерживалось чувство локтя. И это давало ощутимый успех во всех операциях, будь то в обороне или в наступлении.

«Наш 258-й стрелковый полк, — вспоминает командир 78-й стрелковой дивизии А. П. Белобородов, — своим 2-м батальоном прочно удерживал участок Рузской дороги (дорога в сторону Волоколамского шоссе. —

¹ Теперь на одной из скирмановских высот возвышается танк как символ мужества и героизма ополченцев (снимок сверху).

В. К.) севернее Михайловского, не пропуская по ней к Скирманово ни одного вражеского танка, ни одной автомашины с пехотой. Однако вести из-под Скирманово от наших соседей (т. е. 18-й дивизии. — В. К.) были неутешительные. Там продолжались тяжелые бои...»¹

В одной из вылазок разведчики 78-й дивизии захватили «языка», немецкого мотоциклиста. Он дал ценные показания о противнике, наступавшем против нашей 18-й дивизии и 78-й дивизии.

«Сопоставив показания пленного с захваченными документами, с другими разведанными, — пишет Белобородов, — мы сделали вывод: в Покровском сосредоточена группировка противника в составе 1500 человек пехоты, 60 танков, тяжелого артдивизиона; группировка нацелена на стык фланга 258-го полка с правым соседом — 18-й стрелковой дивизией полковника П. Н. Чернышева. Выбирая это направление, противник руководствовался, видимо, двумя главными мотивами: слабостью нашей обороны в стыке и хорошей дорогой, проходившей здесь через линию фронта — от Покровского к Никольскому и далее. К Волоколамскому шоссе, в тылы 16-й армии»².

Об этих данных Белобородов сообщил Чернышеву, и между ними состоялся диалог:

Чернышев: Как дела, земляк?

Белобородов: Жду атаки.

Чернышев: Держись! Замкни Рузскую дорогу плотненько. Нынче у фашистов в ней особенная нужда.

Белобородов: Значит, у тебя пошли дела?

Чернышев: Пошли. С часу на час возьму Скирманово³.

К сожалению, в тот день, т. е. 12 ноября, нашей дивизии не удалось овладеть Скирманово. Это произошло на следующее утро. Но в один из моментов 12 ноября Рузская дорога оказалась ничейной, и противник бросил по ней на помощь оборонявшимся немцам несколько автомашин с пехотой. Однако прорваться в Скирманово они не смогли. 258-й полк 78-й дивизии разгромил колонну.

¹ Белобородов А. П. Всегда в строю. М.: Экономика, С. 28.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

«Опять позвонил Чернышев, — пишет Белобородов.
 — Отбил атаку?
 — Отбил. Дорогу держим.
 — Спасибо! Скирманово мы взяли!»¹.

Надо сказать, что большую помощь 18-й дивизии в боях за Скирманово оказали танкисты бригады Катюкова. Умело и решительно действовали офицеры Дмитрий Лавриненко, Александр Бурда, Константин Самохин, Павел Заскалько; механики-водители Михаил Сололяников, Алексей Дибин, Сергей Соловьев. На их счету более десятка подбитых танков, много разбитых орудий и уничтоженных фашистских захватчиков.

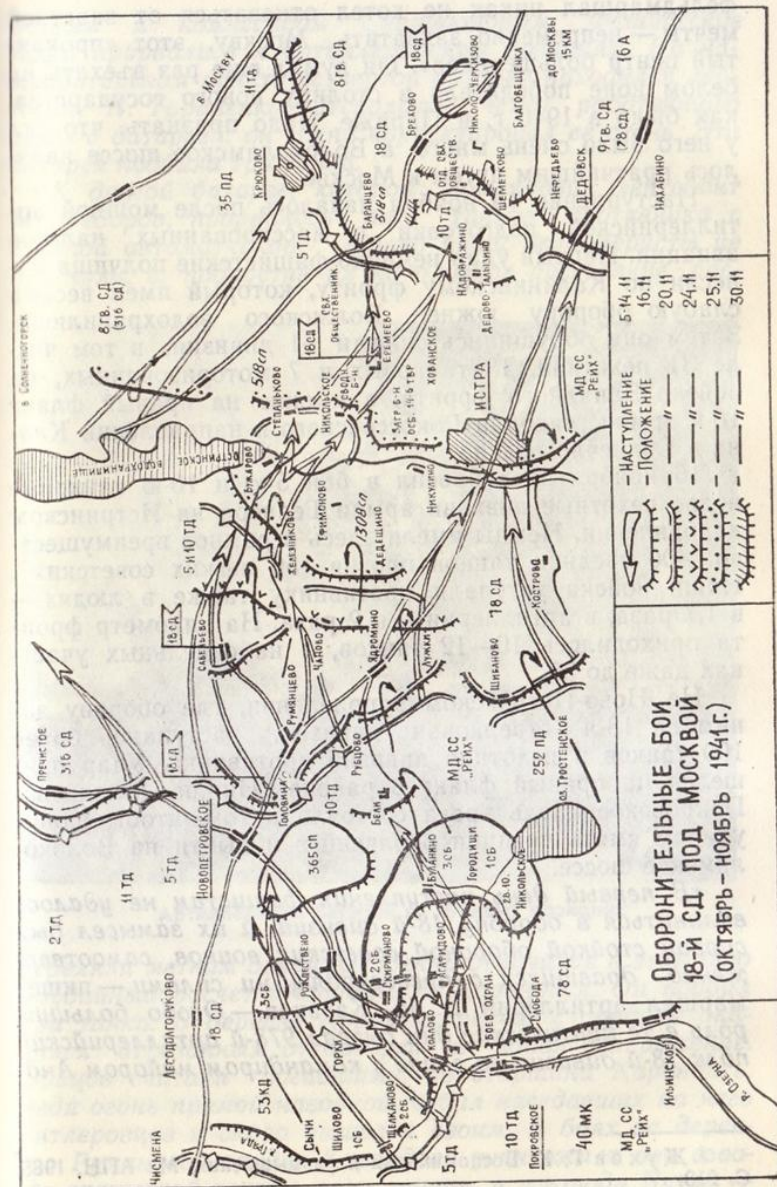
НИ ШАГУ НАЗАД!

Еще 4 октября, т. е. спустя два дня после начала операции «Тайфун», когда немцам удалось прорвать оборону наших войск под Вязьмой, орган нацистской партии Германии газета «Фолькишер беобахтер» опубликовала речь Гитлера, в которой он сказал: «Я говорю об этом только сегодня, потому что сегодня могу совершенно определенно заявить: противник разгромлен и больше никогда не поднимется». 10 октября, т. е. когда были окружены несколько советских армий, в том числе наша 18-я дивизия, та же газета уже без всяких обиняков под огромным аншлагом сообщила: «Величайший час пробил! Исход восточной кампании решен», «Последние боеспособные советские дивизии принесены в жертву»².

В «Волчьем логове» заправили вермахта в те дни чокались бокалами с шампанским: «С нами фюрер!» Возможно, поверили в полное уничтожение Красной Армии и немецкие читатели. Однако был уже ноябрь, а Красная Армия все еще существовала, парада на Красной площади принимать фон Боку не пришлось. Но он по-прежнему доносил Гитлеру о скором падении Москвы. Перегруппировав свои войска и подтянув свежие силы, фон Бок 15 ноября начал так называемое теперь уже «последнее и генеральное» наступление. Честолюбивый

¹ Белобородов А. П. Всегда в строю. М.: Экономика. 1984. С. 32.

² Безыменский А. Укрощение «Тайфуна». М.: Московский рабочий. С. 98.

фельдмаршал никак не хотел отказаться от заветной мечты — непременно захватить Москву, этот «проклятый центр большевиков». Он думал еще раз въехать на белом коне победителя в столицу нового государства, как было в 1940 г. в Париже. Надо признать, что сил у него было очень много, а Волоколамское шоссе являлось кратчайшим путем к Москве.

Наступление 15 ноября началось после мощной артиллерийской подготовки и массированных налетов авиации. Первый удар немецко-фашистские полчища нанесли по Калининскому фронту, который имел весьма слабую оборону южнее Волжского водохранилища. Затем они обрушились силами 51 дивизии, в том числе 31 пехотная, 13 танковых и 7 моторизованных, на войска Западного фронта, а именно на правый фланг 16-й армии генерала Рокоссовского в направлении Клина и Солнечногорска¹.

16 ноября враг бросил в бой 5-ю и 10-ю танковые и две пехотные дивизии армии Гепнера на Истринском направлении. Немцы имели здесь огромное преимущество: 400 средних танков против 150 легких советских². Наши войска уступали противнику также в людях — в 1,7 раза, в артиллерии — в 2 раза. На километр фронта приходилось 10—12 танков, а на отдельных участках даже до 30.

На Ново-Петровском направлении, где оборону занимала 18-я стрелковая дивизия, наступало более 100 танков и пехотная дивизия противника. Удар пришелся на правый фланг в районе Нижнее Сляднево-Покровское. Цель врага состояла в том, чтобы одним ударом смять позиции ополченцев и выйти на Волоколамское шоссе.

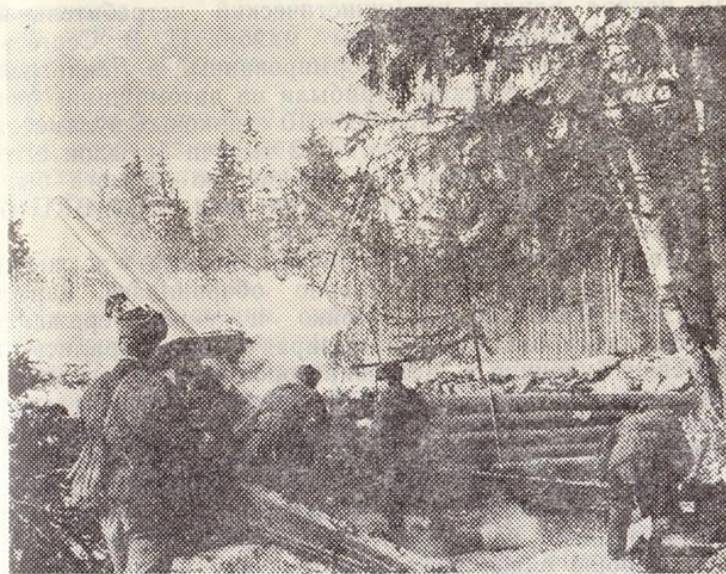
«В первый день наступления фашистам не удалось вклиниться в оборону 18-й дивизии, и их замысел был сорван стойкой обороной советских воинов, самоотверженно дравшихся с превосходящими силами,— пишет маршал артиллерии В. И. Казаков.— Особо большую роль в те критические дни сыграл 978-й артиллерийский полк 18-й дивизии во главе с командиром майором Анд-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1985. С. 213.

² Там же.

реевым и комиссаром Спиридоновым. Фашистские танки прорвались к артиллерийским позициям. На наблюдательном пункте четвертой батареи находился лейтенант Н. Тараненко. Используя четко работающую связь с батареей, он точно корректировал ее огонь. Эта батарея подбила три танка.

К другой батарее, которой командовал лейтенант М. Федоров, прорвалось пять танков противника с группой автоматчиков. Однако наши артиллеристы не дрогнули, а, подпустив их на близкое расстояние, рас-

Артиллеристы батареи на огневых позициях

стреляли метким огнем. Особенно отличился в этом бою орудийный расчет старшины И. Карандася. Он подбил три танка. В деревне Корольки расчет с орудием оказался отрезанным от батареи и попал в окружение. Бойцов считали погибшими, но старшина Карандася, ведя огонь прямой наводкой, отбил наседавших на него гитлеровцев и скоро вышел к своим. В боях за деревню Румянцево орудие Карандася уничтожило два взвода вражеской пехоты, семь машин, а у города Истры — четыре танка, четыре машины и два взвода вражеской

пехоты. В этих боях орудийный расчет И. С. Колобашкина (наводчик орудия 4-й батареи) уничтожил пять немецких танков, десять огневых точек и до роты пехоты»¹.

Жаркие бои разгорелись за Скирманово, которое два дня назад 18-я дивизия отбила у противника. Части спешно укрепляли здесь свои позиции, минировали наиболее угрожаемые направления на рубеже Сычи, Козлово, Никольское. Ждали, что немцы непременно предпримут атаку. В первом эшелоне находились 1306-й и 1308-й стрелковые полки. За ними стоял 365-й, куда 15 ноября влился коммунистический истребительный батальон под командованием майора П. В. Сергеева (комиссар Красовский), сформированный в Ленинградском районе г. Москвы. Прибыли на автомашинах около 600 человек, имея при себе 10 станковых пулеметов, 300 противотанковых гранат и 2 тысячи бутылок с горючей смесью. Маловато, конечно, но подмога была надежная — 90% пополнения составляли члены ВКП(б) и комсомола.

Несмотря на превосходство противника в живой силе и танках, дивизия упорно оборонялась, нанося врагу большие потери. Стойко и умело сражался 1308-й стрелковый полк. Презируя смерть, дрались за деревни Буланино и Мамошино ополченцы 3-го батальона старшего лейтенанта Ф. Е. Совтуса, 7-й роты младшего лейтенанта А. А. Куликова, усиленной пулеметным взводом лейтенанта В. Г. Шепелева.

Мужественно отбивался от наседавшего противника и 1306-й стрелковый полк. Артиллеристы огневого взвода лейтенанта Е. Сыроватского подбили 3 танка. Им был хорошо виден противник, поэтому снаряды ложились точно, о чем то и дело докладывали разведчики-наблюдатели: «Есть попадание!», «Отличная работа!» Слаженно действовала 6-я батарея, которой командовал П. Васильев. За день его артиллеристы подбили несколько танков и буквально смешали с землей двигавшиеся колонны автомашин и повозок противника.

Неся огромные потери, немцы, однако, продолжали теснить наши подразделения. Сложилось исключительно тяжелое положение. Об этом свидетельствует тревож-

ное донесение командования дивизии военному совету 16-й армии, генерал-лейтенанту Рокоссовскому и дивизионному комиссару Лобачеву:

«1. С 10.00 18.11 1-й батальон 1306-го стрелкового полка ведет бой в окружении в районе рощи южнее Шилово с превосходящими силами противника.

2. Горки атакованы противником силою свыше батальона с танками. После 3-часового боя, которым лично руководил командир полка, деревня Горки оставлена.

3. В Шилово — 19 танков и около батальона пехоты противника.

4. 1306-й стрелковый полк вводит свой второй эшелон с задачей контратакой восстановить положение в Горках.

5. В 28-й танковой бригаде нет танков и помочь не могут, свои резервы ввел на участке 1306-го стрелкового полка, вторично прошу помочь авиацией по Шелканово, Сычи, Шилово.

Командир дивизии полковник Чернышев.
Военком дивизии полковой комиссар
А. Орлов»¹.

На этом донесении, хранящемся в архиве Министерства обороны, командарм Рокоссовский написал: «Товарищ Чернышев! Держитесь. Не уступайте ни одной пяди русской земли без крови противника. В критическую минуту поддержу всем, чем располагаю»².

Обещанная помощь авиацией была оказана, но силы были неравные, и немецко-фашистским войскам удалось продвинуться вперед и захватить несколько населенных пунктов. Пришлось оставить и Скирманово. 19 ноября противник овладел деревней Ново-Петровское, расположенной на шоссе Волоколамск — Москва. Тем самым открывался прямой путь на Москву.

Однако на этом пути оказалась деревня Румянцево с одноименной железнодорожной станцией. Вот тут и разгорелись невиданные по ожесточению схватки частей 18-й дивизии с вооруженным до зубов врагом. Они продолжались несколько дней и вошли в историю ополченцев незабываемой страницей мужества и беспримерной стойкости.

¹ Казаков В. И. Артиллерия, огонь! М.: ДОСААФ, 1972. С. 53.

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, оп. 1, д. 12, л. 14.

² Там же.

Отступив, дивизия заняла оборону в полосе Румянцево, Дуплево, Ядремино, Савельево, Курсаково-Марково, Филатово, Чаново¹. Румянцево оборонял кавалерийский эскадрон 18-й дивизии, а соседний крупный пункт Ново-Петровское — кавалерийская дивизия корпуса Доватора².

Вклинившись между ними, противник занял деревню Головино. Дивизия получила приказ выбить оттуда немцев. Эта задача была возложена на 518-й стрелковый полк, прибывший в состав дивизии 18-го ноября.

Ранее он входил в состав 129-й стрелковой дивизии 5-й армии, участвовал в боях под Ельней и Вязьмой. После выхода из окружения сначала формировался в г. Истре, затем в Звенигороде. И вот теперь влился в нашу 18-ю дивизию. Полком командовал уже опаленный порохом майор Н. Е. Лубягин (комиссар И. В. Степанков). Было решено расформировать из-за больших потерь 1306-й стрелковый полк. Из его остатков сформировали 3-й батальон и передали в 518-й полк. А утром 19 ноября 1-й батальон 518-го полка под командованием старшего лейтенанта Н. В. Харченко атаковал деревню Головино и занял ее³.

Из воспоминаний бывшего командира 1-го батальона 518-го стрелкового полка старшего лейтенанта Н. В. Харченко:

«Когда мы влились в 18-ю дивизию, я командовал 1-м батальоном. Командир 518-го стрелкового полка майор Лубягин приказал: до темна 18 ноября занять деревню Головино и окопаться, а утром наступать на Ново-Петровское. В Головино мы вошли без боя — немцев там не было. Поэтому я оставил здесь один стрелковый взвод, усилил его отделением бронебойщиков — 3 ружья — и отделением истребителей танков под командованием сержанта Суегина, вооруженных связками гранат и бутылками с «КС». В отделение входило также 4 бронебойщика и 3 автоматчика. Этот взвод стал боевым охранением батальона. Им командовал лейтенант Висковатый. За ночь боевое охранение хорошо окопалось, удачно расположило ПТР (противотан-

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, оп. 1, д. 1, л. 4.

² Там же.

³ Там же.

ковые ружья), заминировало шоссе иную дорогу. Дома превратили в опорные пункты¹.

Главные силы батальона расположились на западной окраине Румянцево. Как сейчас помню местность перед нашей обороной: на Головино через болото тянется по высокой насыпи шоссе. Если свернуть с него, непременно попадешь в болото. Мы учли это и немедленно заминировали дорогу. ПТР расположили по обочинам, чтобы бить в боковую броню танков. Тут же были оборудованы позиции полковых 45-мм пушек. Роты заняли оборону по опушке леса в траншеях. Мой командный пункт находился в доме лесничего, а НП — на насыпи железной дороги. Слева занял оборону 2-й батальон, а рядом с ним — 1308-й стрелковый полк на линии деревень Рубцово и Ядремино. Во втором эшелоне стоял 365-й стрелковый полк. Он занимал полосу Сидвятцево, Чаново-Железняково.

Удачно мы поставили станковые пулеметы, со всех точек хорошо просматривалась впередилежащая местность, что позволяло нам вести перекрестный прицельный огонь. Ночью к нам пришел из бригады Катукова тяжелый танк КВ, который несколько дней назад участвовал в успешной операции под Скирманово. Там он был подбит, но его отремонтировали. Мы пополнили его снарядами. Танк встал на переезде железной дороги, за насыпью. Там же заняли оборону 76-миллиметровые полковые пушки.

Вот так мы подготовились к встрече противника. У нас не было времени на организацию более сильной обороны — за одну ночь много не сделаешь лопатой в мерзлой земле, но позицию мы выбрали вполне удачно.

Утром 19 ноября немцы предприняли разведку в составе 3-х мотоциклистов и бронетранспортера с пехотой. Я приказал командиру боевого охранения лейтенанту Висковатому пропустить разведку в Головино, уничтожить и взять несколько человек в плен. Погода была пасмурная, видимость плохая, ночью шел снег и все замело. Ничего не заметив, фрицы беспрепятственно вошли в деревню и неожиданно попали под огонь. Несколько оставшихся в живых были доставлены в штаб. Они показали, что против нашей дивизии насту-

¹ Население деревень во время сражения под Москвой прятались в лесах, в землянках. (В. К.).

пает та же 10-я танковая дивизия, с которой мы вели бои за Скирманово. У нее 300 танков, приданный пехотный полк и автоматчики.

Примерно в 11—12 часов по Головино и Румянцево противник открыл минометно-артиллерийский огонь. Он продолжался 20 минут, а потом двинулись танки. Мы насчитали 20 штук. За ними следовали 3 крытых грузовика с пехотой. Танки мы подпустили на 150—200 метров, и тогда заработала наша артиллерия и минометы. Попрыгавшую из машин пехоту мы прижали к земле из пулеметов. Тут мы увидели, что два танка подорвались на минах. Еще по двум двигавшимся танкам открыли огонь наши бронебойщики и подожгли их, однако третий вражеский танк все-таки прорвался вперед, но его забросали бутылками «КС». Один из танков лично уничтожил лейтенант Висковатый. Остальные танки повернули обратно, бросив грузовики. Наши бойцы потом сожгли их.

Так была отбита атака противника, стремившегося продолжить свой путь к Москве через Румянцево. Я решил отвести боевое охранение на основные позиции. В Головино остались лишь несколько разведчиков. Через некоторое время немцы еще раз атаковали нашу оборону уже только пехотой, но мы с ней легко расправились. Противник не сумел взять и Головино. Разведчики под командованием лейтенанта Качалова действовали умело и решительно.

За ночь с 19 на 20 ноября мы усовершенствовали свои позиции. Вместо ячеек отрыли траншеи, соорудили землянки. Обозленные гитлеровцы ночью обрушили на деревню Головино сотни снарядов и уничтожили ее, вернее, сожгли.

На следующий день, утром 20 ноября, противник вновь открыл ураганный огонь по Головино, откуда наши разведчики уже ушли, и занял ее. А спустя два часа сильный артналет обрушился на западную окраину деревни Румянцево. Было ясно, что вслед за этим начнется атака. Так и случилось. На нас двинулось по шоссе 30 танков. Впереди тяжелые, а за ними — средние и легкие. Чтобы рассредоточиться, легкие танки сошли с дороги на обочину, но вскоре стали проваливаться в болото. Попытка выбраться не дала результатов. Тут-то они и стали мишенью для наших артиллеристов. Поняв, что происходит что-то неладное, передние танки замед-

лили ход, а когда до нашего переднего края оставалось 300—400 метров, 2 танка подорвались на минах, колонна остановилась, среди фашистов началась паника. Те вражеские танки, которые попытались развернуться, чтобы отступить, проваливались в болото, не могли двигаться и оказались под огнем наших пэтээровцев, а пехоту, рассыпавшуюся по обочине, мы расстреливали из пулеметов.

Так была сорвана вторая атака противника. Мы сковали его и закрыли путь по шоссе Волоколамск — Москва. Целый день немцы занимались спасением своих танков. С этой целью они несколько раз бросали пехоту на наши позиции, но успеха не имели.

Должен сказать, что этот бой придал нашим бойцам, сержантам и офицерам уверенность в своих силах. Исчезла боязнь танков. До этого случалось, что только появится танк, как начиналась паника и некоторые убежали. Тут убедились, что танки не так страшны. Нужна лишь выдержка. В упомянутом бою несколько смельчаков под прикрытием пулеметного огня выходили из окопов, подползали к бронированным чудовищам и сжигали их бутылками «КС», как это сделал лейтенант Висковатый.

Ночью 21 ноября под прикрытием минометно-артиллерийского огня немцы продолжали вытаскивать свои подбитые танки из болота и с дороги. Мы тоже не дремали и вели по спасателям огонь. Однако несколько сохранившихся машин они все-таки вытащили из болота. Всего за тот день фашисты потеряли 12 танков, однако полностью очистить шоссе от завалов им не удалось. 22 ноября шел сильный снег, метель. Противник предпринял еще несколько атак, но успеха не имел.

Утром 23 ноября фашисты попытались нанести танками удар по нашим позициям по железнодорожной насыпи, но, потеряв несколько машин, отошли назад. Однако во второй половине дня, предприняв наступление более мощными силами, противник на стыке 18-й дивизии и 316-й прорвал оборону и вышел в тыл 518-му стрелковому полку. В создавшейся ситуации командир полка Лубягин собрал командиров батальонов и других подразделений, выслушал их соображения и спросил:

— Что же будем делать в сложившихся условиях? Я высказался за то, чтобы продолжить бой, а выход из окружения осуществить ночью.

— Сейчас же,— сказал я,— надо занять круговую оборону.

Мое предложение было принято. Все понимали, что, покинув оборону днем, мы понесем большие потери.

А в ночь с 23 на 24 ноября полк, отражая атаки немцев, с минимальными жертвами вышел к деревне Бужарово».

Успешно отбивал атаки танков и пехоты противника и 2-й батальон капитана И. К. Серболина. В строю оставалось всего 68 бойцов. В одной из схваток капитан был убит. Командование приказало возглавить батальон старшему политруку М. С. Позднину. Он с честью выдержал экзамен. Когда фашисты в очередной раз полезли на окопы батальона, он встал во весь рост и бутылками с «КС» сжег вражеский танк, показав бойцам пример отваги и мужества. Атака врага была отбита.

Без сомнения, успешные действия 518-го стрелкового полка были бы невычислимы без тесной и ежеминутной поддержки танков бригады Катукова и 978-го артиллерийского полка. Его батареи, находясь в боевых порядках стрелковых подразделений, оказались той грозной силой, которая буквально перемальвала танки и пехоту врага.

«Отступив из района Скирманова вместе с малочисленными подразделениями 1306-го стрелкового полка и тремя танками бригады Катукова — два Т-34 и один КВ,— вспоминает бывший комиссар 978-го артполка старший политрук А. В. Спиридонов,— наш полк занял огневые позиции на окраине станции Румянцево. Был приказ: поставить орудия на прямую наводку и ждать 518-й стрелковый полк. Вскоре он прибыл. А тут и начались небывалые по ожесточению бои. Румянцево было ключом к Волоколамскому шоссе.

О напряженности схваток говорят факты: ежедневно приходилось отбивать по 7—8, а то и более атак противника, поддержанных танками и авиацией. И можно сказать: артиллеристы не упали лицом в грязь. Своим мощным огнем они надежно поддерживали стрелковые полки, особенно 518-й, по которому наносился главный удар противника. Командно-наблюдательные пункты двух полков — 518-го и 978-го — находились рядом. Это позволяло согласованно руководить боем, быстро принимать решения. Тесное взаимодействие было и в звене

дивизионов, батарей со стрелковыми батальонами и ротами.

В ходе пятидневных боев отличились многие артиллеристы, показав образцы мужества и стойкости. Достаточно сказать, что 4-я батарея под командованием лейтенанта Н. П. Тараненко и комиссара старшего политрука Н. П. Громова только за два первые дня боев за Румянцево уничтожила 10 танков противника. Часть из них была подбита в схватке на шоссе, а другая — в лощине под деревней Головино. Меткость огня наблюдал и корректировал лейтенант Хитенков — ополченец, кандидат наук. А вели огонь два взвода батареи: лейтенант Жирков — инженер 54-го московского авиационного завода.

Четко и слаженно работали орудийные расчеты sergejanтов Н. Н. Понкратова и И. П. Путилова. Наводчик орудия Н. Колобашкин, участник гражданской войны, ополченец, ведя огонь по танкам противника, был ранен, но не ушел с поля боя и после перевязки, которую сделала санитарка батареи В. Ф. Лучшева, студентка МАИ, снова встал к прицелу. Неподдалеку от Колобашкина метко стрелял по врагу наводчик К. Ф. Рузаев. Ему еще не было и 18-ти лет, он только недавно окончил среднюю школу и сразу записался в ополчение. И вот теперь, как заправский воин, громил супостата, за что был награжден орденом Красной Звезды.

Бесстрашно выполняли свою опасную и многотрудную работу связисты батареи рядовые А. Я. Толмачев и М. И. Полуектов. Не раз под сильнейшим огнем протягивали шнур, искали повреждения и восстанавливали связь.

Отличилась в боях за Румянцево 5-я батарея, которой командовал лейтенант М. Ф. Федоров (комиссар-политрук А. И. Помогаев). Артиллеристы подбили 2 танка и уничтожили две огневые пулеметные точки с их расчетами.

Умело действовала 6-я батарея 122-миллиметровых гаубиц лейтенанта И. А. Семенченко (комиссар-политрук А. Н. Рупасов). На счету батареи 7 подбитых танков. Ее успеху в немалой степени способствовал командир взвода управления старшина Л. М. Москолюк и разведчики С. К. Дроздов и И. И. Федорчук. Находясь на поле боя,— между двух огней,— постоянно рискуя

жизнью, они сообщали сведения о противнике, давали точные координаты и корректировали огонь батарей.

Еще несколько танков и бронемашин немцы потеряли на других участках, а к 12 часам прекратились их атаки. Однако на соседнем участке, в полосе 78-й стрелковой дивизии, противник прорвал ее оборону и, продвигаясь вперед, к исходу 23 ноября вышел в тыл 18-й стрелковой дивизии. Полки получили приказ об отходе из Румянцево. Тогда-то состоялось совещание в штабе 518-го полка о выходе частей из окружения. Было решено сделать это ночью, чтобы избежать потерь. К утру 24 ноября наш 978-й артиллерийский полк, по существу без потерь, вышел к деревне Мазилово».

Ожесточенные бои проходили в те дни на других участках полосы обороны 18-й дивизии. 1308-й стрелковый полк, поддерживаемый минометным дивизионом 120-миллиметровых минометов 978-го артиллерийского полка (он был создан на базе 1-го артиллерийского дивизиона полка) под командованием лейтенанта И. Лобова (комиссар-политрук В. Яронько), в течение нескольких дней отражал атаки танков и пехоты противника, стремившегося захватить важный пункт — деревню Ядремино. 21 ноября немцы заняли Рубцово и вышли к северной окраине Ядремино, однако попытка с ходу взять деревню не удалась. Завязались ожесточенные, доходившие до рукопашной схватки бои. Не на жизнь, а на смерть стояли бойцы батальона лейтенанта Д. Я. Щербова. В критический момент он сам повел в бой батальон и был смертельно ранен. Геройски погиб командир взвода пешей разведки лейтенант Н. И. Шаповалов. По примеру Щербова он вышел один на один с фашистским танком и поджег его бутылками с «КС», но сам попал под гусеницы.

Не сумев взять Ядремино, немцы обошли деревню. Чтобы избежать окружения, полк с боями стал отходить в сторону Чаново. Здесь вновь завязались жаркие схватки. Несколько раз деревня переходила из рук в руки. Противник потерял четыре танка и десятки солдат и офицеров.

Героический подвиг совершил в те дни связист 365-го стрелкового полка Федор Воронович. Об этом писала в те дни газета «За Родину»: «Отца Федя не знал. Он был убит в первую мировую войну, когда мальчику еще не исполнилось двух лет. Мать рассказывала

ему, как воевал отец и что убили его немцы где-то там, на западе. Опять немцы, опять напали на родину Федора Вороновича. И он пошел на фронт, а вместе с ним и его любимый брат. Теперь и брата не стало. Его, как и отца, убили немецкие захватчики. Ненависть огнем жжет его сердце и поэтому он всегда рвется на самое опасное место, всегда старается выполнить самое рискованное задание.

Несколько дней назад его 365-й стрелковый полк вел бой в районе совхоза Кирсаново. Воронович был связистом и шел исправлять перебитый провод, когда повстречавшиеся разведчики сообщили ему, что вблизи, у рожи, они обнаружили 4 фашистских танка. Немцы укрылись за кустарником и, очевидно, готовятся ударить по флангу батальона.

— Так что будь поосторожней, — предупредили они.

Но красноармеец Воронович изменил маршрут и пошел именно к той самой роже. Незаметно подкрался. Разведчики не обманули. Действительно, 4 танка, затавившись, чего-то ожидали, направив пушки и пулеметы в одну сторону. У Вороновича не было ни пушки, ни пулемета. Но были у него противотанковые гранаты и бутылки с «КС».

И он решил попытать счастья. Связывает две противотанковые гранаты, потом подготавливает еще такую же связку и неслышно, по-пластунски ползет к танкам. Бросок — и один танк с подбитой гусеницей кренится на бок. Еще бросок — и второй взрыв подбрасывает второй танк. Вслед за этим Федор швыряет бутылку «КС», и танк загорается ярким пламенем.

Обескураженные немцы ничего не могут понять. Два оставшиеся танка открывают ураганный огонь по лесу и отходят назад. А Федор Воронович медленно отползает в безопасное место. Когда два оставшихся танка скрылись, он благополучно вернулся в штаб полка и обо всем рассказал»¹.

Пять дней продолжались кровопролитные бои дивизии за Румянцево. О накале борьбы свидетельствует тот факт, что противник потерял здесь 30 танков и более 800 человек только убитыми. Прежде всего это результат беспримерного мужества и отваги наших воинов, их беззаветной преданности и любви к Родине.

¹ «За Родину». 1941. № 288.

Каждый понимал, что все меньше километров остается до Москвы. В то же время эти бои явились свидетельством возросшего мастерства командного состава дивизии, умелой организации обороны с учетом опыта первых месяцев войны. Практика показала, что в каждом бою немцы делали ставку главным образом на свое подавляющее преимущество в танках. Поэтому командование дивизии создало, пусть еще несовершенную, полевого типа, но глубокую противотанковую оборону. Каждой батарее и отдельному орудию выделяли стрелковые подразделения для прикрытия от немецких автоматчиков. Кроме того, создавались подразделения истребителей танков, подвижные отряды саперов, которые минировали танкоопасные направления. Истребители танков 518-го стрелкового полка Климанов, Лаврентьев, Мамонтов, Антонов, Хазидов на перекрестке дорог перед Румянцево уничтожили 4 танка, остановив движение целой колонны.

Хорошо показала себя артиллерия стрелковых полков, действовавшая, как правило, прямой наводкой. Двигаясь на колесах в боевых порядках рот и взводов, артиллеристы уничтожали не только огневые точки противника, но и его живую силу. Так, расположившись на опушке леса вдоль дороги, орудийный расчет Р. А. Вальева, ведя огонь по бортам проходивших мимо танков, подбил два из них, а когда к нему стали подбираться автоматчики, расстреливал их в упор.

Бои за Румянцево имели важное значение не только для дивизии, но и для всей 16-й армии. Здесь на пять дней были задержаны гитлеровские полчища, наступавшие на Москву. Бесспорно, большая заслуга в этом принадлежит умелому руководству своими подразделениями командиру 518-го стрелкового полка майору Лубягину (комиссар И. В. Степанков), командиру 978-го артиллерийского полка майору Андрееву (комиссар А. В. Спиридонов), командиру 1-го батальона 518-го полка Н. В. Харченко. Все они были по заслугам награждены высокими правительственными наградами.

Ожесточенные бои кипели на всем протяжении линии фронта 16-й армии. Особенно тяжелая обстановка складывалась в междуречье Маглуша, Истра, Малая Истра. И хотя продвижение противника измерялось сотнями метров в сутки, немцы неуклонно продвигались

к Москве. Гитлер требовал от фон Бока, чтобы он назначил, наконец, точную дату, когда возьмет Москву — ведь сколько раз тот уверял, что дни Советов сочтены и он скоро будет в Кремле.

И вот фон Бок направляется в войска Гепнера, чтобы из окопов его передовых частей, ведущих борьбу с 16-й армией Рокоссовского, посмотреть в бинокль на Москву и прикинуть, сколько еще осталось километров. Спустя 4 дня после начала «генерального наступления», он садится в спецпоезд и едет в сторону Истры. Пересаживается в машину и прибывает на НП Гепнера. Но оказалось, что Москву в бинокль пока не видно, зато на обратном пути он наверняка заметил, не мог не заметить, как по обочинам Волоколамского шоссе всюду до боли в глазах белеют десятки тысяч березовых крестов на могилах немцев, павших за своего фюрера на русской земле. Фон Бок точно знает, сколько полегло их здесь. Но что для него эти тысячи, эти сотни тысяч, если считать с тех пор, как он перешел советскую границу, — важно осуществить план «Барбаросса», включая операцию «Тайфун»¹.

Вернувшись на свой командный пункт, фон Бок нашел на столе шифровку из «Волчьего логова». Гитлер приказывал ему, поскольку фронтальная атака не дает желаемых результатов, прекратить лобовые атаки и окружить Москву. Как свидетельствуют очевидцы, прочитав телеграмму фюрера, фон Бок раздраженно воскликнул: «А где я возьму войска?»². Затем он доложил о шифровке Гальдеру и сказал, что для окружения у него нет сил. Повесив трубку, он и отдал приказ своим войскам форсировать наступление на Москву.

Любопытна в этом отношении запись Гальдера в его дневнике от 22 ноября, т. е. после разговора с фельдмаршалом: «Фельдмаршал фон Бок лично руководит ходом сражения под Москвой с передового командного пункта. Его неслыханная энергия гонит войска вперед. Правда, на южном фланге и в центре 4-й армии про-

¹ Как стало известно позже из захваченных документов, только от дивизии «Рейх», прибывшей в Подмоскowie в начале ноября и противостоявшей 16-й армии, в том числе и 18-й дивизии, в составе 14 тысяч солдат и офицеров, а потом получившей еще пополнение 7500 человек, осталось после четырех недель боев всего 3 тысячи.

² Безыменский А. Укрощение «Тайфуна». М.: Московский рабочий, 1987. С. 162.

движения больше не получится, войска здесь совершенно измотаны и не способны к наступлению. Однако на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы имеется еще возможность успеха, и она используется самым решительным образом. Фон Бок сравнивает сложившуюся обстановку с обстановкой в сражении на Марне¹, указывая, что создано такое положение, когда последний брошенный в бой батальон может решить исход сражения»².

И он бросал один за другим не только батальоны, но и дивизии, чтобы сломить сопротивление Красной Армии и захватить Москву. К 25 ноября на Волоколамском направлении сложилось критическое положение. И тогда Рокоссовский принял решение об отводе основных сил левого фланга армии — 8-ю гвардейскую³, 78-ю и 18-ю стрелковые дивизии — на восточный берег реки Истры и Истринского водохранилища, чтобы на водном рубеже остановить продвижение противника. Вот что пишет об этом Рокоссовский: «В ходе трехдневных боев немецкое командование, видимо, убедилось, что на Волоколамском направлении ему не прорвать оборону советских войск. Поэтому, продолжая здесь наносить удар за ударом и медленно, по два-три километра за сутки, тесня наши части, оно начало готовить прорыв южнее Волжского водохранилища. Такое решение противника, вероятно, обуславливалось еще и тем, что немцы, наступавшие вдоль северного берега водохранилища в полосе Калининского фронта, сумели захватить железнодорожный мост и выйти на автостраду Москва — Ленинград.

На Клинском направлении быстро сосредотачивались вражеские войска. Угроза с севера все усиливалась. Нажим на наше левое крыло, где были пущены в дело все наши резервы, не прекращался. Все это заставляло думать о мерах, которые бы улучшили положение

¹ Под Марной произошло знаменитое сражение первой мировой войны. Официальные немецкие военные историки доказывают, что Германия тогда не проиграла эту битву, что немецкие войска отошли по недоразумению, в котором виноват некий подполковник Хенч, посланный ставкой Германии своим представителем на фронт. Надо было продолжать наступление, уверяют они, бросить в бой еще один батальон, и сражение было бы выиграно.

² Гельдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 64.

³ Бывшая 316-я дивизия генерала Панфилова, который погиб всего за несколько часов до присвоения ей этого почетного звания.

ние наших войск и позволили затормозить продвижение противника.

К этому времени бои в центре и на левом крыле шли в 10—12 километрах западнее Истринского водохранилища.

Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами. Тогда некоторое количество войск мы вывели бы во второй эшелон, создав этим глубину обороны, а значительную часть перебросили бы на Клинское направление.

Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом и просил его разрешить отвести войска на истринский рубеж, не дожидаясь, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище...

Командующий фронтом не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг»¹.

Как пишет далее Рокоссовский, он считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным и принципиальным и поэтому, не согласившись с решением Жукова, обратился по этому поводу к начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову, который санкционировал его предложение. Рокоссовский разослал распоряжение в войска с офицерами связи. Но, как он пишет, не успели еще все наши соединения и части получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова: «Войсками фронта команду я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков».

«Что поделаешь, — пишет далее Рокоссовский, — приказ есть приказ, и мы, как солдаты, подчинились».

В обязанности автора этой книги не входит давать оценку, чьи доводы в данной, конкретной ситуации предпочтительнее и более всего отвечали сложившейся обстановке. Не мне судить, кто прав, кто виноват. Это

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1980. С. 80—81.

задача военных специалистов. Я же как участник тех событий подробно остановился на этом эпизоде потому, что в результате отхода произошли неприятности, касающиеся, в частности, нашей 18-й дивизии. Дело в том, что часть подразделений, выполняя приказ командарма, перешла по мосту на восточный берег реки Истры еще до получения телеграммы Жукова, а другие остались на западном. Таким образом, дивизия разделилась, как бы раскололась. А ведь известно, что врага легче бить поодиночке, чем если он вместе. К тому же случилось именно то, чего боялся Рокоссовский. Как раз на плечах первых отходивших частей дивизии немцы и перешли на восточный берег Истры по невзорванному мосту. Да и разве можно было его взрывать, когда на западном берегу еще оставалось полдивизии?

Об остроте обстановки, сложившейся в результате всего этого, можно судить по донесению К. К. Рокоссовскому командира 18-й дивизии полковника Чернышева от 26 ноября:

«Ваш приказ на отвод двух полков на восточный берег Истры получил в 6.00 25.11, а по радио в 9.00. Части вели бой с противником на западном берегу, и удалось отвести только артиллерию, спецчасти, заградбатальон и понесший большие потери 1-й батальон 518-го стрелкового полка. Эти части и были посажены в оборону по восточному берегу реки Истры. В 10.00 25 ноября противник до 30 танков и двух батальонов пехоты начал наступать на Бужарово. Два стрелковых батальона 518-го стрелкового полка до 14 часов вели тяжелый бой за Бужарово. В 14 часов до 17 танков прорвались к мосту через реку Истра. Мост оказался невзорванным, и противник начал развивать наступление, к 17.00 окружил 1-й батальон 518-го стрелкового полка и к 23.00 занял Куртасово и Степаньково»¹.

В это же время на западном берегу реки Истра тяжелые бои вели оставшиеся подразделения дивизии. 1308-й полк удерживал оборону на линии Железняково — Дедешино, а 365-й стрелковый полк — в районе деревни Ефимоново. Ожесточенные схватки продолжались до вечера 25 ноября, когда был получен приказ отойти на восточный берег.

Отход 365-го полка прикрывал 3-й батальон под

Подвиг 36 героев-ополченцев 26 ноября 1941 года под деревней Ефимоново. Художник Н. К. Соломин

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, оп. 1, д. 12, л. 77—79.

командованием А. Дворянцева. С наступлением темноты подошли к деревне Никулино, но там уже были немцы. Решили переправиться на плоту несколько в стороне от деревни. Связали небольшой плот из бревен, укрепили на них ворота, снятые с сеного сарая. Рассчитывали, что за ночь группами по очереди переплывут на нем реку. Однако слишком ненадежным оказался плот. Накануне в верховье была взорвана электростанция, и Истра из спокойной превратилась в бурную реку, так что уже первая попытка батальона оказалась неудачной. Подхваченный быстрым течением плот с несколькими бойцами вскоре перевернулся, и люди в колушубках и валенках оказались в ледяной воде. Некоторые с трудом выбрались на берег, а других, в том числе командира, потащило вниз по реке.

Оставшихся 200 человек возглавил командир пулеметной роты лейтенант В. Г. Щемелев. Он принял решение идти лесами вверх по реке в тылу врага к Истринскому водохранилищу и там, по льду, в самом узком месте перейти на восточный берег. Когда были уже у цели, наткнулись на немецких разведчиков. В короткой схватке они были уничтожены, и батальон 27 ноября вошел в Бакеево, где находились тылы 1308-го стрелкового полка. Исполняющий обязанности командира полка капитан А. Н. Андреев был несказанно рад. Уже никто не верил, что батальон уцелеет. А после небольшого отдыха он занял оборону в районе совхоза «Общественник».

Менее счастливым оказался химвзвод 365-го полка под командованием младшего лейтенанта Николая Кульчицкого, прикрывавшего отход основных сил полка.

Из дивизионной газеты «За Родину» № 231.

«Часть командира Высоцкого уже целый день отбивала натиск врага. Несколько раз бойцы ходили в контратаку. Фашисты несли огромные потери, но продолжали рваться к пунктам С., М. и Ф., бросая в бой крупные силы.

В этой борьбе один взвод попал под угрозу окружения. Немцы напали на героев, которые продолжали сопротивляться, уничтожая одного фашиста за другим. Кольцо численно превосходящих сил противника все сжималось и сжималось. Оставалось 30—20 метров, но богатыри еще упорнее отбивались. Немцы на минуту

остановились. Они выжидали момента, чтобы броситься снова. Вот они со всех сторон пошли на обороняющийся взвод. Тогда помкомвзвода Озюменко крикнул:

— Гранатами их, ребята! Забрасывай!

Немцы остановились. Видя, что храбрецов атакой не взять, они открыли по ним ураганный огонь из минометов.

Долго дрался взвод против численно превосходящих сил противника, не один взвод бандитов уничтожил он, но не отступил ни на шаг.

Смертью героев, смертью храбрых пали патриоты, защищая свою Родину».

Случилось это 26 ноября 1941 года на окраине подмосковной деревни Ефимоново¹. Тогда еще не были известны подробности гибели взвода — слишком опасная и тяжелая обстановка сложилась на фронте, фашисты буквально рвались к Москве. Впоследствии многое прояснилось. Прежде всего стало известно, что во взводе было 36 человек. Они вступили в неравную смертельную схватку с 40 танками противника. Бой длился весь день. Все 36 героев погибли, но не пропустили врага через свои окопы. Об ожесточении этого беспримерного боя свидетельствует тот факт, что немцы потеряли 20 танков.

«Я хорошо знал Николая Кульчицкого — командира взвода химической защиты полка, — вспоминает бывший помощник начальника штаба 365-го стрелкового полка капитан С. Д. Юдкевич. — Мы вместе с ним получали офицерское звание. До армии он учительствовал. Природа одарила Николая прекрасным тенором, и в минуты затишья мы наслаждались его чудесным пением. Человек высокой культуры, Кульчицкий обладал завидным мужеством и добротой, олимпийским спокойствием и самоотверженностью. Одним словом, на него можно было положиться, доверить любое задание. И это доверие Николай блестяще оправдал подвигом у подмосковной деревушки».

«Наш саперный взвод занимал позиции недалеко от

¹ Ныне здесь возвышается рукотворный холм, обсаженный березами. Он сооружен благодаря стараниям ветеранов 11-й гвардейской стрелковой дивизии — бывшей 18-й дивизии народного ополчения. На мраморной доске у подножия холма высечены имена погибших воинов. А художник Соломин Н. К. написал об этом картину, которая экспонируется в ЦМ ВС.

бойцов Кульчицкого, — вспоминает ветеран дивизии В. И. Карпов. — Перед тем как отступить, мы заминировали все подходы к окопам его взвода, оставленного для прикрытия полка. Поэтому я хорошо помню Николая. Он был душой взвода, любил шутку, меткое слово. Издали в бинокли мы видели тот бой, конечно, не все разглядели, но некоторые подробности помню сейчас, например, лошадь с горящей повозкой, мчащуюся сквозь разрывы снарядов. Два с половиной дня фашисты не могли прорваться через этот редут, что дало нам возможность перейти на восточный берег реки Истры¹.
Но вернемся к тем ноябрьским дням 1941 г.

¹ Надо отдать должное члену президиума Совета ветеранов дивизии М. Н. Кашкарову, которому после долгих поисков удалось установить фамилии всех погибших героев. Он буквально не вылез из архива в Подольске, чтобы размотать клубок. Его настойчивость и упорство вскоре были вознаграждены. В списках безвозвратных потерь 33-го гвардейского стрелкового полка (быв. 365-го стрелкового полка) он обнаружил ведомость о выдаче денежного содержания химвзвода в октябре 1941 г. Ее подписал командир взвода младший лейтенант Н. С. Кульчицкий. Ведомость денежного содержания химвзвода за ноябрь 1941 г. в деле отсутствует, так как взвод в полном составе погиб смертью храбрых. (ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 2, д. 2-А; ф. 33 гв. сп., о. 15016, л. 42).

Переправившись вслед за первыми частями 18-й дивизии через невзорванный мост под Бужаровом, противнику с ходу удалось вклиниться в нашу оборону. Командованию, учитывая, что половина частей и подразделений ведет бой еще на западном берегу Истры, пришлось предпринять экстренные меры. Из разведчиков, связистов, саперов, химиков, комендантского взвода, работников штаба был срочно сформирован отряд во главе с капитаном П. Ф. Хабаровым и старшим политруком И. Ф. Халиповым. Он занял оборону вблизи деревни Сокольниково с приказом держаться до последнего человека. Ночью подошли танки из бригады Катукова и с их помощью, а также артиллеристов 978-го артполка продвижение врага на этом участке было приостановлено. Особенно решительно и умело действовала 4-я батарея 2-го дивизиона под командованием старшего лейтенанта Н. Тараненко, занимавшая огневые позиции на окраине деревни Сысоево. С его НП отчетливо просматривалось шоссе в сторону реки Истры. И когда здесь появилась вражеская колонна танков и пехоты, он буквально разгромил ее. Первыми же меткими выстрелами был подбит головной танк. Движение застопорилось. Немцы решили отбуксировать его другим танком, но не успели они подцепить трос, как Тараненко обрушил новый залп и был подбит второй танк. Горящие танки забаррикадировали шоссе, где уже скопились другие танки и машины с пехотой. Врага охватила паника. Мотоциклисты и грузовики с пехотой пытались объехать завал, но попадали под ураганный огонь батареи Тараненко. От полного уничтожения колонны немцев спасла лишь быстро опустившаяся осенняя ноябрьская ночь.

26 ноября на линии фронта 18-й дивизии в направлении на Степаньково наступало до двух полков пехоты и 60 танков. Им противостоял 518-й полк, в котором имелся только 1-й батальон, минометная батарея и пулеметная рота 2-го батальона. Из этих сил и остатков всех трех полков, прибывших с западного берега Истры в количестве 305 человек, был сформирован сводный батальон под командованием старшего лейтенанта Н. В. Харченко. Выполняя приказ, этот батальон, подержанный огнем 978-го артполка и танками старшего лейтенанта А. Бурды из бригады Катукова, пошел в наступление и выбил гитлеровцев из Степаньково, но

вскоре они снова овладели ею. Бои приняли столь ожесточенный характер, что деревня несколько раз переходила из рук в руки и дело доходило до рукопашной.

Более двух суток шли кровопролитные схватки за деревни Никольское, Сокольникови, Андреевское, Куртаково. 518-му полку, а также другим подразделениям дивизии в эти дни большую помощь оказывали своим огнем «катюши». Умело действовали артиллеристы 978-го арtpолка. Особенно гаубичная батарея, где комиссаром был А. Н. Рупасов, 3-я батарея лейтенанта М. А. Полевниченко (комиссар Н. С. Орлов) и 4-я батарея лейтенанта М. Ф. Федорова, который стал ее командиром после ранения Н. Тараненко. Теперь артиллеристы, посылая снаряды на головы фашистов, всякий раз писали на них мелом фамилию своего любимца: «А это вам за комбата Тараненко!»

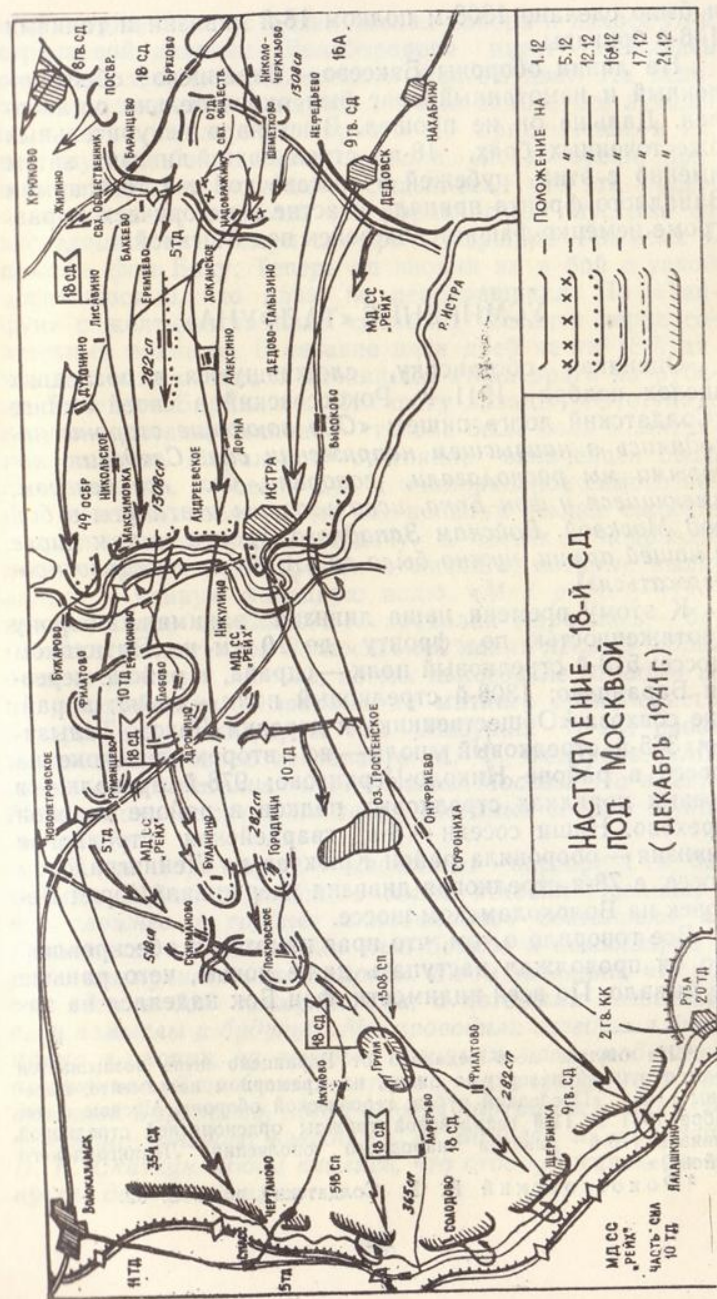
В последующие два дня при поддержке бомбардировщиков немцы пытались развить наступление на правом фланге дивизии в районе Бакеево и Баранцево, где действовал 1308-й полк, но получили решительный отпор. Однако на левом фланге противнику удалось 28 ноября занять Еремеево, Хованское и несколько домов деревни Дедово-Талызино. В этой связи произошло серьезное недоразумение. Толком не разобравшись, кто-то в спешке сообщил прямо в Кремль о том, что немцы захватили город Дедовск, расположенный на Волоколамском шоссе. Эта тревожная информация сильно взволновала Верховного Главнокомандующего, и он позвонил Г. К. Жукову¹.

— Вам известно, что занят Дедовск? — спросил он.
— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

Верховный приказал Жукову немедленно выехать на место, чтобы лично организовать контратаку и вернуть Дедовск. В свою очередь командующий фронтом позвонил Рокоссовскому и от него узнал, что Дедовск не сдан.

Однако Жукову пришлось вместе с Рокоссовским и командующим 5-й армией Л. А. Говоровым выехать в войска и разбраться с положением дел. Когда выяснилось, что речь идет о деревне Дедово-Талызино, то он приказал немедленно выбить оттуда фашистов, что

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 370.

и было сделано 1308-м полком 18-й дивизии и танками 146-й бригады.

На линии обороны Бакеево — Баранцево¹ обескровленный и измотанный враг был окончательно остановлен. Дальше он не прошел. Выстояв в изнурительных ожесточенных боях, 18-я стрелковая дивизия затем именно с этих рубежей в составе той же 16-й армии Западного фронта приняла участие в историческом разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

УСМИРЕНИЕ «ТАЙФУНА»

Оценивая обстановку, сложившуюся в последних числах ноября 1941 г., Рокоссовский в своей книге «Солдатский долг» пишет: *«Обе воюющие стороны находились в наивысшем напряжении сил. Сведения, которыми мы располагали, говорили, что все резервы, имеющиеся у фон Бока, использованы и втянуты в бой под Москвой. Войскам Западного фронта, в том числе и нашей армии, нужно было во что бы то ни стало прорваться»².*

К этому времени наша дивизия занимала оборону протяженностью по фронту до 10 км на Пятницком шоссе: 518-й стрелковый полк — справа, в районе деревни Баранцево; 1308-й стрелковый полк — слева, в районе совхоза «Общественник» и деревни Дедово-Талызино; 365-й стрелковый полк — во втором эшелоне на шоссе в районе Николо-Черкизово; 978-й арtpолк — в боевых порядках стрелковых полков в районе деревни Брехово. Наши соседи — 8-я гвардейская стрелковая дивизия — обороняла район Крюково на Ленинградском шоссе, а 78-я стрелковая дивизия удерживала город Дедовск на Волоколамском шоссе.

Все говорило о том, что враг измотан и обескровлен. Но он продолжал наступать даже ночью, чего раньше не бывало. По всей видимости, фон Бок надеялся на ка-

¹ На опушке леса недалеко от Баранцево ныне возвышается холм с пушкой наверху, а внизу, на мраморном постаменте, высечены слова: «Последний рубеж героической обороны Москвы в декабре 1941 г. 11-й гвардейской трижды орденоносной стрелковой дивизии (18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района)».

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 92.

кое-то чудо. А в последних числах ноября в полосе 78-й стрелковой дивизии Белобородова вдруг появились странные танки, окрашенные в желтый цвет. На белоснежном поле они были так хорошо видны, что лучшей цели для артиллеристов просто не придумаешь, и их, как шутили бойцы, «мы щелкали, словно орехи, прямой наводкой из гаубиц». Оказалось, что эти «чудотанки» срочно прибыли из африканских пустынь от экспедиционного корпуса фельдмаршала Роммеля в помощь фон Боку. Теперь он вводил их в бой с такой поспешностью, что даже не перекрашивал. Но «Тайфун» с желтыми танками оказался бессилён перед советскими войсками. В течение пяти дней части 18-й дивизии стойко отбивали отчаянные атаки врага на рубеже Бакеево — Баранцево. «Ни шагу назад!», «Отступить некуда — позади Москва!» — такова была воля защитников столицы. Моральное состояние ополченцев было столь высоко, а боевой дух и национальное самосознание людей так велико, что все попытки немцев сломить сопротивление терпели неудачу. В частях и подразделениях проходили собрания и митинги, которые выливались в единую народную волю. «Мой расчет, — сказал командир орудия 978-го арtpолка Карандась, — будет бить захватчиков до последней капли крови!» «Враг бешено рвется к Москве, но мы никогда не отдадим ее на разграбление», — заявили на митинге артиллеристы батареи, где комиссаром был Мазурин. А вот слова командира батареи лейтенанта М. Ф. Федорова: «Мы знаем аппетит немцев в отношении Москвы. Но вместо Москвы они получают на свои звериные головы тонны металла!»

«И что характерно, — вспоминает парторг 1-го батальона 518-го стрелкового полка Михаил Позднин, — чем сложнее и труднее складывалась обстановка на фронте, тем сильнее была тяга бойцов и командиров в ряды коммунистической партии. Люди заявляли, что хотят идти в бой коммунистами, с которыми связывали свои помыслы и будущее. Мы проводили заседания бюро прямо в окопах, на огневых позициях, часто под огнем противника. Так было, например, на опушке леса под деревней Баранцево, когда в ряды партии были приняты командир огневого взвода Р. А. Валиев и наводчик П. Н. Скаткин. Люди клялись, что отдадут жизнь, но не пустят дальше немцев».

И это не только слова. Можно привести десятки примеров отваги и мужества, проявленных советскими воинами на последних рубежах обороны дивизии. Деревни Бакеево и Баранцево неоднократно переходили из рук в руки. Особенно большую роль играло Баранцево, которое занимало выгодное место — на высоком взгорье, со скрытыми подъездами, недалеко от перекрестка нескольких дорог, а главное, всего в каких-то 38—40 км от Москвы прямо на Пятницком шоссе. Естественно, захватив его, немцы стали укрепляться здесь, создавать опорный пункт, откуда всегда можно угрожать Москве.

Командование дивизии тоже высоко оценивало географическое положение Баранцево и стремилось выбить оттуда немцев. Расскажем об одном из многих ожесточенных боев за эту деревню. Надо сказать, что к концу ноября 1941 г. личный состав дивизии из-за непрерывных оборонительных схваток с противником настолько поредел, что было точнее называть ее полком. На счету был каждый способный держать винтовку. Поэтому командиру 518-го стрелкового полка майору Н. Лубягину, которому поступил приказ выбить противника из Баранцево, пришлось долго и тщательно готовить этот бой. Прежде всего решили действовать не силой, а умением. Было решено с фронта лишь продемонстрировать наступление, а главный удар неожиданно нанести из леса, примыкавшего к домам и огородам деревни. Это и удалось. После небольшой артподготовки два взвода красноармейцев пошли в атаку, а когда немцы ввязались в бой, рота Долгова внезапно ударила слева, в тыл врагу.

«За деревней мы наблюдали еще с вечера, укрывшись в кустах,— пишет младший лейтенант И. Харин¹.— Видели, как туда вереницей подходили вражеские машины. Мы насчитали 104 грузовика, 3 легковушки, 5 мотоциклистов, 3 танка, 3 орудия и 4 миномета. Сколько сил до этого стянули немцы в Баранцево, не знаю. Наша задача состояла в том, чтобы атаковать противника сразу же за артиллерийской подготовкой. Как только смолк последний залп, мы поднялись и устремились вперед. Неожиданно ранило ротного. Я взял командование на себя. Зная, что нас

¹ «За родину». № 230.

меньше, чем немцев, я закричал: «Полк, за мной! Окружай деревню!»

Бойцы дружно поддержали меня. Вижу, меня обгоняют старший сержант Лазарев, красноармейцы Ермаков, Юдин, другие...

Обескураженные фрицы стали разбегаться. Их вдогонку мы поливали из автоматов. Вскоре они, однако, образумились, увидев, что нас с гулькин нос, открыли ответный огонь. Но тут последовал сильный взрыв. Загорелся один из немецких танков, потом загорелись несколько грузовиков. Огромные столбы дыма окутали деревню, и фашисты снова стали разбегаться, видимо, поняв, что защищаться бесполезно.

«Когда мы ворвались в деревню,— пишет красноармеец И. Баранов¹,— я залег в кювет у дороги. Оглядевшись, увидел легковую машину. «Наверное штабная»,— решил я и, прицелившись, стал стрелять по ней. Пули угодили точно. Из нее выскочили трое офицеров и побежали в сторону леса. Немного обождав, я подошел к машине и нашел там штабные карты и какие-то документы. Забрав все это, я передал трофеи в штаб».

«Немецкий танк стоял на обочине,— пишет красноармеец П. Исаев².— Подкравишься к нему, я швырнул в моторное отделение бутылку с «КС». Пламя мгновенно охватило его. И тут я услышал:

— Поджигай машины!

Это кричал младший лейтенант Харин.

Бутылок с горючим больше не было. Что делать? Огляделся. Вижу, соломенные маты. Спички были под рукой. Подпалив один за другим несколько легковоспламеняющихся матов, я забросал ими 6 кузовов. Пожар получился на славу, видимо, там находились какие-то горючие материалы».

В последние дни ноября на участках 518-го и 1308-го стрелковых полков бои продолжались с не меньшим напряжением, но по всему чувствовалось, что наступление противника слабеет, он атаковал все реже и реже. А первого декабря фон Бок — этот честолюбивый фанатик, отчаянно рвавшийся к Москве и утверждавший, что вот-вот захватит ее — шлет телеграмму главнокомандующему сухопутными силами Германии Браухичу, в

¹ «За родину». № 230.

² Там же.

которой просит дать ему из резерва 12 дивизий. «Мысль о том, что фронт противника «развалился», оказалась обманчивой,— с горечью сообщает он,— и это подтвердили последние 14 дней... даже если случится невероятное и мы сможем продвинуться вперед, то у меня нет минимальных сил, с которыми можно было бы окружить Москву и отрезать ее с юго-востока и северо-востока...»¹.

Наконец-то упрямый пруссак стал прозревать, а ведь все время твердил, что Красная Армия уничтожена, у русских больше нет никаких резервов. И все же на что-то рассчитывал, просил, правда, дать ему не «последний батальон», чтобы выиграть сражение, а 12 дивизий. Видимо, амбиции, обуревавшие его, были настолько сильны, что даже в этих условиях он еще строил какие-то планы. А может быть, тут его подстегивал день рождения, который приходился на 3 декабря, и он хотел чем-то отметить знаменательную дату? К тому же парадная форма у солдат и офицеров сохранилась. Правда, «вояки фюрера» уже надели ее, не дойдя до Красной площади. Надели потому, что стало холодно, а теплой одежды не оказалось — готовились за шесть недель, еще летом, покончить с Красной Армией. Не получился блицкриг. Не получился и день рождения у фон Бока. Между тем именно год назад, т. е. 3 декабря 1940 г. (какое совпадение!), Гитлер посвятил его в свой план «Барбаросса» по захвату Советского Союза. Как было хорошо все задумано (если не считать теплой одежды)! А все эти проклятые большевики виноваты. Это они спутали его карты.

Фельдмаршал негодовал!

Но не прошло и двух дней, как на него обрушились новые неприятности. Теперь не от большевиков, а от своих подчиненных — генералов. Когда он 5 декабря пришел в штаб, то увидел на своем столе доклады от командующих всех армий группы «Центр» с единодушным мнением: наступать больше невозможно, сил нет, а противник — о, майн гот! — переходит к контратакам.

В этой связи уместно будет упомянуть о заметке, опубликованной нашей дивизионной газетой «За родину». В ней рассказывается об одном эпизоде, который

¹ Дневник Бока. I.XII.1941.

произошел тоже 5 декабря на участке обороны 518-го полка.

Случилось так, что в районе Бакеево — Баранцево на некоторое время наступило затишье. Немцы решили воспользоваться таким благоприятным моментом и сходить в баню, располагавшуюся на реке Горетовка, что под деревней Бакеево. Они, видимо, считали, что у русских праздник, День Конституции, поэтому никаких козней ожидать не следует. Но выдался уж очень забавный случай, и наши бойцы решили действительно отметить этот день. Когда разведчики полковой артиллерии 518-го стрелкового полка увидели, как задымила баня и туда строем направились фашисты, они сообщили своему командиру. Но поскольку полковая артиллерия не могла достать цель, позвонили в 978-й артполк. Командир полка Андреев приказал командиру батареи И. А. Семенченко хорошенько попарить немчуру. Как только те заполнили баню, по ней ударил из своей гаубицы наводчик М. Я. Пеплов. Снаряд угодил точно — недаром Пеплова прозвали снайпером. Голые фашисты стали выскакивать наружу, однако следующий снаряд разорвался в самой гуще бегущих. Оставшиеся в живых кинулись обратно, однако их накрыл очередной снаряд.

О бане с «осколочным паром» вспомнилось потому, что к началу декабря «непобедимая» гитлеровская армия явно переживала моральный кризис. «Тайфун» шел к своему бесславному концу. Это чувствовали «солдаты фюрера». До чего они докатились, видно из эпизода, описанного в своих воспоминаниях генералом Белобородовым, командиром 78-й стрелковой дивизии — соседней с нашей 18-й. Первого декабря к нему прибыл командующий Западным фронтом Жуков в связи с известным случаем, связанным с деревней Дедово и городом Дедовск (мы уже упоминали об этом, т. к. в районе деревни Дедово действовал и наш 1308-й стрелковый батальон). Так вот. В завязавшей беседе Белобородов сообщил, что на его участке появились новые части противника. Жуков сразу ухватился за такую информацию и заметил, что было бы хорошо взять «языка» и уточнить, насколько это достоверно.

Но к тому времени разведчики 78-й дивизии, посланные накануне в тыл к врагу, только что вернулись из поиска и приволокли фрица, закутанного в шерстяной женский платок.

Снайпер-наводчик М. Я. Пеплов

Ветераны 30-го гвардейского полка [фото 1990 г.]

«Красавец,— пишет Белобородов,— стоял нахохлившись, а по шерстяному платку, по вороту шинели, по плечам ползали вши. То, что фашистская армия завшивела, для нас не было новостью. Но этот пленник далеко превзошел своих соплеменников, попадавшихся до сих пор разведчикам.

— Хоть бы венником обмели,— сказал я разведчикам.

— Неудобно перед командующим»¹.

К сожалению, фамилия «языка» неизвестна, но об этом случае в журнале боевых действий 78-й стрелковой дивизии осталась, прямо скажем, редкая и потому запоминающаяся запись:

«Захвачен пленный обер-ефрейтор, 1920 г. рождения, 90-го разведбатальона 10-й танковой дивизии. Из Берлина прибыл в октябре. Имеет массу вшей».

С 10-й танковой дивизией из армии Гепнера наша дивизия впервые встретилась в начале октября 1941 г. в боях под Волочком в верховье Днепра, когда началась операция «Тайфун». И вот теперь, спустя три месяца, в начале декабря, один из ее молодчиков попал в плен под Москвой.

Так шла к краху операция под кодовым названием «Тайфун», придуманным Гитлером. Загадочность и таинственность, однако, не помогли. И, получив 5 декабря от своих командующих армий доклады, фон Бок дает Гудериану разрешение на отход.

Разрешается отойти и Клюге. Рейнгарду он дает согласие на переход к обороне. С этим решением фон Бока были вынуждены примириться в «Волчьем логове». Но что интересно. Буквально накануне, т. е. 4 декабря, генеральный штаб сухопутных сил Германии, подводя итоги последних боев под Москвой, совсем по-другому толкует сложившуюся ситуацию, что свидетельствует о неспособности гитлеровского командования объективно оценить положение на фронте. В этом документе, между прочим, отмечается, что состояние противника (т. е. Красной Армии) сейчас «таково, что нельзя ожидать, чтобы он в настоящее время предпринял большое контрнаступление силами, имеющимися у него перед фронтом группы армий «Центр».

Что ж, немецкое командование с самого начала войны заблуждалось в оценке военного и экономического потенциала Советского Союза, в боеспособности Красной Армии. Между тем к Москве в строжайшей тайне прибывали стратегические резервы. Севернее столи-

¹ Маршал Жуков: полководец и человек. М.: АПН. С. 231.

цы, за стыком 30-й и 16-й армий, сосредоточились 20-я и 1-я Ударная армии. Подходили резервы и южнее столицы. Немецкое командование даже не догадывалось об этом. *«Все мы тогда думали,— пишет в немецком «Военно-историческом журнале» один из офицеров штаба Клюге,— что теперь нам предстоит спокойная зимняя спячка».*

Однако Советская Армия не дала войскам фон Бокка впасть в эту спячку. Измотав и обескровив фашистские полчища в тяжелейших оборонительных боях¹, Красная Армия перешла в контрнаступление, а затем и в мощное наступление. Один за другим последовали несколько ударов. 5 декабря перешел в наступление Калининский фронт. 6-го — Западный и Юго-Западный².

Надо подчеркнуть, что в контрнаступление советские войска перешли без всякой паузы. Учитывая, что враг полностью израсходовал все свои резервы и в последние дни вел наступление лишь с целью выиграть время и закрепиться на достигнутых позициях, Ставкой Верховного Главнокомандования было принято своевременное решение — не дать противнику организовать оборону.

Как отмечает в своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Жуков, чрезвычайность и сложность нашего контрнаступления состояла в том, что Западный фронт не имел численного превосходства над противником ни в танках, ни в артиллерии. К тому же, подчеркивает маршал, *«нам приходилось устанавливать нормы расхода... боеприпасов — 1—2 выстрела на одно орудие в сутки. И это, заметьте, в период наступления»*³.

Но, как известно, поражения вдруг не случаются, так же, как и победы сами собой не приходят. Развернув ударные группировки на широком фронте и далеко

¹ По докладу штаба группы «Центр» от 12 декабря 1941 г., «с момента, когда началась операция «Тайфун», группа армий «Центр» потеряла 126966 человек (в том числе после 15 ноября — 33295 человек), а считая с начала «Барбароссы» — 350000 человек. Эти цифры немецкого командования явно преуменьшены. Там же. С. 174.

² Василевский А. М. Дело всей жизни. Минск: Беларусь. С. 146.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 244.

замахнувшись своим бронированным кулаком, противник в ходе битвы за Москву растянул войска до такой степени, что в финальных сражениях на ближних подступах к столице они потеряли пробивную способность. Гитлеровское командование не ожидало таких больших потерь, а восполнить их и усилить свою подмосковную группировку не смогло.

В то же время ставка Верховного Главнокомандования Советского Союза сохранила основные резервы для решающего момента. Это и определило в конечном счете исход сражения за Москву. Контрнаступление войск Западного фронта, в том числе и 16-й армии Рокоссовского, в которую входила наша 18-я дивизия, началось для врага неожиданно, но он был начеку. Особенно ожесточенное сопротивление немцы оказали в боях за Крюково. Это и понятно — они никак не хотели отдавать такой важный населенный пункт, расположенный на автотрассе Ленинград — Москва. Однако в результате почти трехдневных сражений, а также обхода города с юго-запада сопротивление было сломлено, и гитлеровцы побежали на запад, бросая технику и оружие.

Из донесения командования 18-й стрелковой дивизии военному совету 16-й армии от 7 декабря 1941 г.

«В непрерывных и напряженных боях, проведенных 18-й стрелковой дивизией с 15 ноября по 6 декабря, противник потерял убитыми и ранеными до 4500 человек. Подбито и сожжено 57 танков, 49 автомашин, 50 мотоциклов, уничтожено 15 орудий, до 30 пулеметов, 24 миномета. Захвачено: 4 танка, 3 орудия, 4 мотоцикла, 9 пулеметов, 2 радиостанции, до 500 снарядов и 40 тысяч винтовочных патронов».

Наступление частей нашей дивизии началось 6 декабря. 365-й и 1308-й стрелковые полки утром атаковали Дедово-Тальзино, а на следующий день 518-й стрелковый полк должен был захватить Бакеево и совхоз «Общественник». Но враг успел здесь сильно укрепиться. Завязались ожесточенные бои, особенно за Бакеево. В одну из атак в тяжелое положение попал 3-й батальон 518-го полка. Бойцы залегли на подступах к деревне, прижатые огнем пулеметов и минометов. В это время поднялся коммунист Н. Бугров и с криком «За

мной, товарищи!» бросился вперед. Бойцы, воодушевленные его мужеством, ринулись на врага и отбросили его. Но тут подоспел немецкий танк. В завязавшейся схватке погиб командир роты старший лейтенант коммунист А. Скворцов. Тогда старший сержант член ВКП(б) П. Гаврилов вынул из его кармана партбилет, поднял вверх над головой, словно знамя, и все услышали его призыв:

— Товарищи! Погиб наш любимый командир. Отомстим за него!

Красноармейцы дружно устремились на врага и сорвали его атаку. Но положение оставалось тяжелым. На рассвете на помощь прибыл 2-й батальон. Общими усилиями, поддержанный артиллерией и танками, 518-й полк, наконец, овладел деревней Бакеево, а рота Долгова захватила соседнюю Горетовку. 365-й и 1308-й полки в то же утро освободили Дедово-Талызино. В этом бою был ранен комиссар 365-го полка П. Д. Куприянов. Его заменил старый большевик, участник гражданской войны Д. М. Каськович.

Преследуя противника, полки устремились вперед в направлении Истры. 8 декабря, при подходе к городу, в дивизию поступило пополнение — 282-й стрелковый полк под командованием майора И. К. Шербины (комиссар П. С. Браилов). Он прибыл из-под Черной Грязи, где в последних числах ноября в составе танковой группы генерала Ремизова решительно остановил противника, рвавшего по Ленинградскому шоссе к Москве. Прямо с марша полк вступил в бой, внезапно атаковал опорный пункт Еремеево и захватил его.

Отступая под ударами советских войск, немцы усиленно минировали деревни, просеки, перекрестки дорог, из-за чего наши части на первых порах несли немалые потери. У деревни Надовражино, например, одна из машин буквально была разнесена в щепки. Как оказалось, противник применил неизвестные до сих пор взрывные устройства, которые трудно обнаружить. Командиру саперного взвода старшему лейтенанту В. И. Карпову, до войны работавшему сотрудником физико-математического факультета, пришлось долго повозиться, чтобы разгадать секрет мин. Теперь саперы, обученные им, и он сам шли впереди двигавшихся частей и обезвреживали «дьявольские сюрпризы».

Наступление успешно развивалось. Преследуя 5, 10,

и 11-ю танковые дивизии, а также мотодивизию СС «Рейх» и пехотную дивизию противника, 16-я армия Рокоссовского 11-го декабря заняла город Истру, о чем сообщило Совинформбюро. В освобождении города вместе с 78-й стрелковой дивизией Белобородова, ставшей 9-й гвардейской, принимали участие части и подразделения нашей 18-й дивизии, в частности, 3-й батальон 365-го стрелкового полка, овладевшего его северной окраиной¹.

После освобождения города перед войсками армии появилась серьезная преграда — река Истра. Нашим частям не удалось форсировать ее с ходу. Поспешно бросая технику и снаряжение, немцы успели далеко оторваться и закрепиться на западном берегу. Продвижению мешали также разрушенные мосты, лесные завалы, снежные заносы и минированные дороги. Сугробы затрудняли маневренность танков, что не позволило отрезать пути отхода противника. *«Так что немецким генералам,— пишет Рокоссовский,— пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения»*².

Более того, при обороне на Истре они умело ее использовали. Уничтожив все переправы, немцы облили берег водой, в результате чего при 30-градусном морозе он превратился в ледяную неприступную гору. А затем, когда наши войска подошли к реке, взорвали плотину Истринского водохранилища. Мощные потоки, достигавшие двухметровой высоты, рванулись по льду, и неширокая река Истра образовала вдруг 60-метровую бушующую преграду. Попытки многих смельчаков переправиться с помощью подручных средств — бревен, плотов, ворот, заборов, резиновых лодок — как правило, кончались плачевно. Вода опрокидывала их, люди оказывались в ледяной купели, коченели и гибли. Лишь немногим удавалось спастись.

К реке Истра части вышли в разных пунктах: 518-й и 1308-й стрелковые полки в районе Максимовки и

¹ В память об этом одна из улиц города Истры ныне носит название «Народное ополчение».

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1980. С. 97.

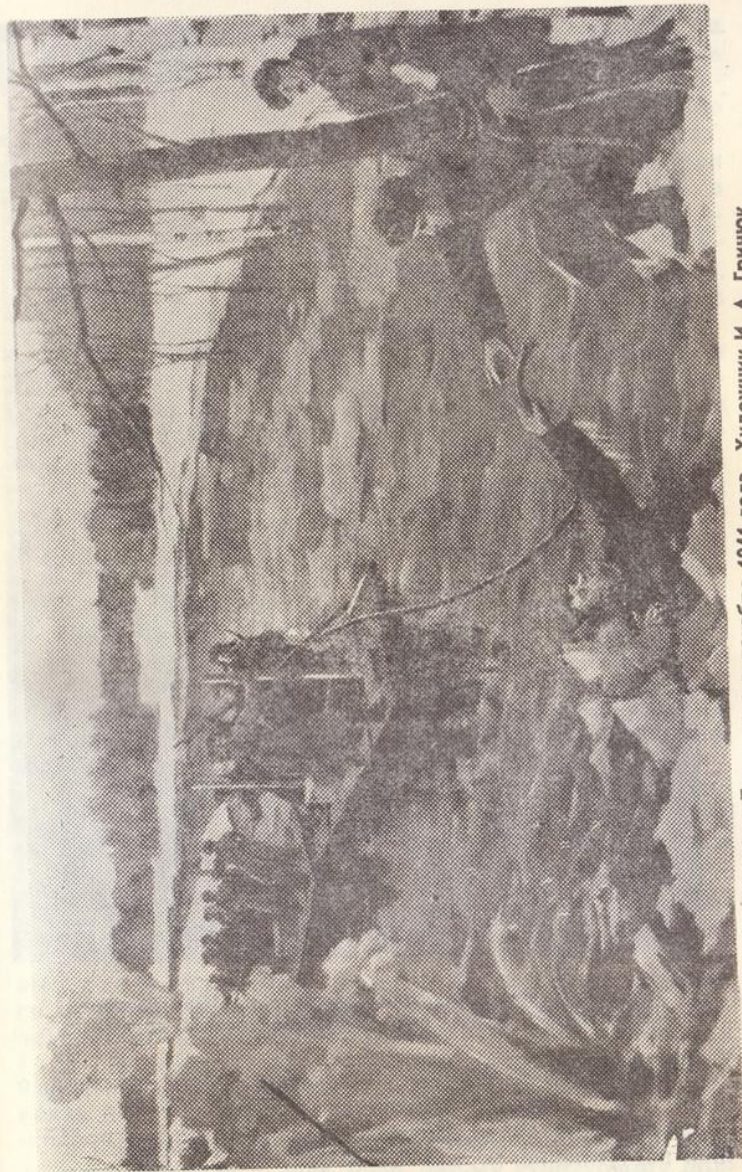
Андреевское, 365-й полк — у деревни Никулино. 561-й саперный батальон в пяти-шести местах начал строить переправы, однако враг вел настолько сильный огонь, что сделать это, казалось, было невозможно.

И тут сыграли решающую роль подвижные танковые группы Ф. Г. Ремизова и М. Е. Катукова, которые были созданы Рокоссовским в предвидении того, что противник при отходе взорвет плотину Истринского водохранилища. Продвигаясь с севера и юга водохранилища, они создали угрозу выхода в его тыл. Почувствовав такую опасность, немецкое командование часть сил стало перебрасывать для ликвидации такой опасности. В результате сопротивление врага ослабло, чем незамедлительно воспользовались наши саперы. Они быстро соорудили переправу, и подразделения дивизии под прикрытием артиллерии и минометов начали переправляться на западный берег. На одной из них, под деревней Никулино, 15 декабря совершил героический подвиг боец 365-го стрелкового полка комсомолец Тимофей Лаврищев. В самый разгар переправы, когда на плотях находились орудия и более сотни людей, немецким снарядом был перебит трос. Катастрофа казалась неминуемой. Рискуя жизнью, Лаврищев бросился в ледяную воду, подхватил конец троса и, с невероятным трудом доплыв до противоположного берега, передал трос саперу Власову. Тут разорвался второй снаряд, и Лаврищев, обессиленный и окоченевший, погрузился в пучину реки.

Так, ценой собственной жизни он спас многих своих однополчан и обеспечил условия для успешного форсирования войсками дивизии бурлящей Истры¹.

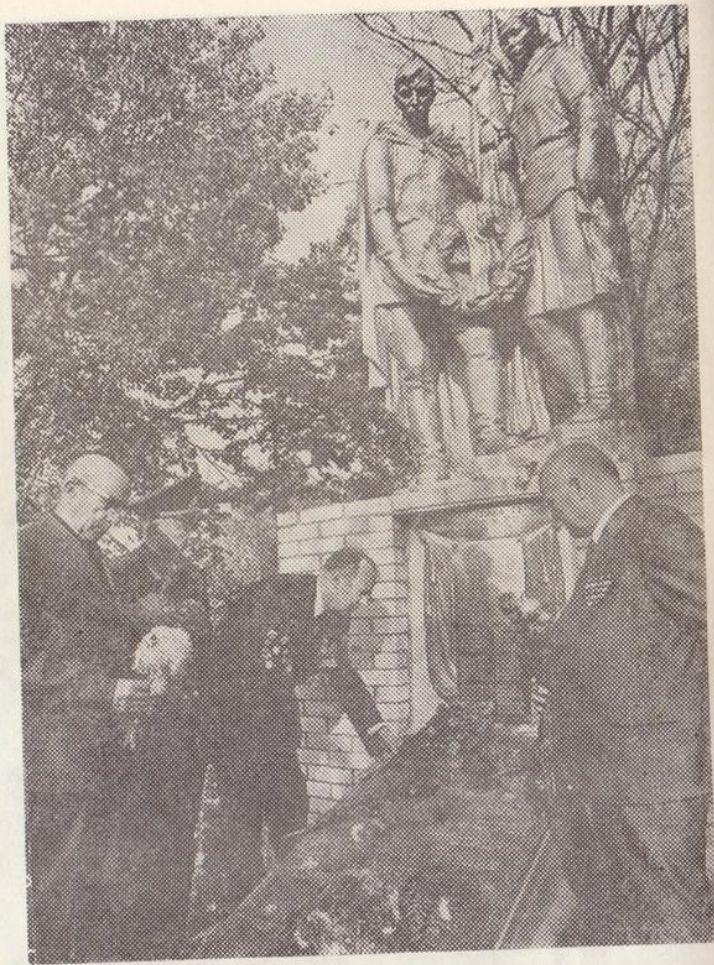
Первой перебравшись ночью на западный берег у деревни Никулино разведрота 365-го стрелкового полка под командой старшего лейтенанта Загуменного. Бойцы пробрались в тыл врага, внезапно атаковали его и выбили из деревни. Ранним утром на соседнем участке переправился 518-й стрелковый полк. Роты В. Д. Долгова и старшего лейтенанта Болового с ходу взяли деревню Бужарово.

¹ Ныне на окраине Никулино возвышается памятник погибшим здесь в боях войсками дивизии, в том числе Тимофеем Лаврищеву. А художник И. Гринюк, ополченец, нарисовал большую картину, которая находится ныне в Музее обороны Москвы.

Подвиг Тимофея Лаврищева в декабре 1941 года. Художник И. А. Гринюк

Гвардейцы живые возлагают цветы гвардейцам павшим
(д. Бужарово Истринского района Московской области)

Прибывший в дивизию 8 декабря 282-й стрелковый полк также успешно форсировал Истру, с боями занял деревню Филатово и вместе с другими частями продолжал наступление.

Совсем недавно, в ноябре, батальон А. Дворянцева,

отступая, с трудом преодолел Истру, чтобы выйти на восточный берег. Теперь ему пришлось с немальшими трудностями форсировать реку, чтобы выйти на западный берег. Это ему удалось. Ночью батальон скрытно подобрался к деревне Сайково и неожиданно атаковал. Застигнутые врасплох немцы полураздетыми выбегали из домов и попадали на штыки наших воинов. Здесь, в ожесточенной рукопашной схватке, погиб командир роты лейтенант В. Савельев и был тяжело ранен сам комбат Дворянцев. Приняв под свою команду батальон, старший лейтенант С. А. Игнатенко смело повел его в бой и отбросил немцев далеко на запад.

Преодолевая глубокий снег, бездорожье, в метель и трескучие морозы, часто волоком таща пушки и пулеметы, нередко голодные, без горячей пищи, ополченцы догоняли захватчиков и беспощадно громили их. Теперь они шли на запад по знакомым до слез дорогам, селам, готовые, как говорят, стерпеть все возможное и невозможное, лишь бы подальше отбросить ненавистного врага от родной Москвы.

Враг пытался закрепиться на реке Гряда, но был отброшен. Только с 17 по 20 декабря дивизия захватила у противника 24 орудия, 15 танков, 192 автомашины, уничтожив при этом свыше тысячи гитлеровцев. Повсюду — на дорогах, на опушках леса, в сугробах, среди сожженной и искаженной техники валялись трупы убитых вояк, помышлявших захватить Москву и превратить нас в рабов.

20 декабря части дивизии с боями заняли Акулово, Помогаево, Курово, захватив много трофеев, в том числе 2 танка и 8 орудий. Под Акулово погибли смертью храбрых командиры рот старший лейтенант С. Н. Соколов, И. М. Харин, а в Щербинке командир минометного дивизиона Н. Н. Лобов и комиссар О. А. Яронько.

Батальон Н. В. Харченко дошел до деревни Тупино, но попал в окружение, однако ночью с боями прорвался из кольца и соединился со своим полком. Так случилось, что в это время заболел майор Лубягин, и Н. В. Харченко был назначен командиром 518-го стрелкового полка, а комбат В. Д. Долгов стал его заместителем.

В конце декабря, преодолев с боями 100 километров, дивизия подошла к реке Рузе. 282-му стрелковому полку, в который 26 декабря влились остатки расформиро-

ванного 1308-го стрелкового полка, с ходу удалось захватить плацдарм на западном берегу в районе деревень Бражниково, Иваново. Однако закрепиться на нем он не смог. Во время этих боев был ранен комиссар полка П. С. Браилов. Под огнем противника его вынес старший лейтенант И. И. Кривой. «*Перебинтовав рану,—вспоминает он,—я понес его через лес на полковой медицинский пункт, находившийся в деревне Щербинка. Когда вышел на открытое место, немцы открыли огонь из крупнокалиберного пулемета. Я положил Браилова и залег сам в танковую колею, снял поясные ремни с себя и с раненого, привязал комиссара за командирский ремень и медленно пополз, подтягивая его за собой. Так добрался до леса, а там, вновь взвалив раненого на плечи, 4 километра нес до медпункта. Прощаясь со мной, он вытащил из планшета лист бумаги и вдруг неожиданно для меня написал мне рекомендацию о вступлении в партию.*

— Такой человек достоин называться коммунистом,—сказал.— Возьми. И благодарю за помощь. Так должны поступать большевики.

Потом секретарь партбюро полка майор Никитин дал мне рекомендацию о вступлении в ВКП(б). А несколько дней спустя, пока мы стояли в обороне на Рузе, я был принят кандидатом в члены ВКП(б)».

Прием в партию на фронте

На реке Рузе, на ее восточном берегу, наша дивизия заняла оборону. В ходе наступательных действий под Москвой она освободила 47 сел и деревень и уничтожила 17 тысяч солдат и офицеров противника. Захватчики потеряли 43 танка, 44 пушки разных калибров, 4 танкетки, 124 пулемета, 14 самолетов, 1181 автомашину, 211 мотоциклов, 4 радиостанции и много другого имущества, снарядов, мин, патронов¹.

О мужестве, героизме и высоком мастерстве личного состава дивизии красноречиво говорит и тот факт, что за период оборонительных и наступательных боев под Москвой советским правительством было награждено боевыми орденами и медалями 184 бойца и командира.

За стойкость, отвагу, дисциплину и организованность, проявленные дивизией в сражениях под Москвой, ей первой из всех ополченческих дивизий страны 5-го января 1942 г. было присвоено почетное наименование 11-й гвардейской, а полки были переименованы: 282-й в 27-й гвардейский стрелковый полк, 365-й — в 33-й и 518-й в 40-й гвардейские стрелковые полки; 978-й артполк — в 30-й гвардейский артиллерийский полк, 461-й саперный — в 15-й гвардейский отдельный саперный батальон, 866-й батальон связи — в 12-й гвардейский отдельный батальон, 477-я разведрота — в 9-ю гвардейскую отдельную разведроту, 312-я авторота — в 17-ю гвардейскую отдельную роту автоподвоза, 344-я рота химзащиты — в 14-ю гвардейскую отдельную роту химической защиты, 500-й медсанбат — во 2-й гвардейский отдельный санитарный батальон.

За стойкость и умелые действия, проявленные в битве за Москву, дивизия и 518-й полк (теперь 40-й) были награждены орденами Красного Знамени.

Заканчивая главу о великом сражении под Москвой осенью и зимой 1941 г., хочу добрым словом помянуть зенитчиков, которые оказали нашей дивизии помощь на последних рубежах обороны. Случилось так, что на протяжении всего 1941 г. немецкая авиация безраздельно господствовала в воздухе. Такое положение дорого обошлось нашим войскам. Мы несли огромные потери, особенно в первые месяцы войны, когда немецкая авиация буквально терроризировала советских воинов. Дело

¹ Логинов А. Ополченцы-гвардейцы. М.: Московский рабочий, 1961. С. 262—263.

Преследование отступающего противника

доходило до того, что фашистские стервятники часто гонялись не только за отдельными автомашинами, но даже одиноким солдатом. Соотношение сил стало меняться в нашу пользу лишь в 1943 г., когда промышленность сумела обеспечить отечественные ВВС большим количеством современных машин, а к моменту сражения на Курской дуге превосходство в воздухе стало переходить к Красной Армии.

Но тогда, во время битвы за Москву, нам приходилось очень туго. И только в ноябре 1941 г. положение стало улучшаться. По решению Ставки Верховного Главнокомандования для непосредственной поддержки войск в борьбе с вражескими самолетами и танками были созданы две зенитные артиллерийские группы. В их составе находилось по 84 зенитных орудия и по 48 зенитных пулеметов. Обе группы действовали с 24 ноября по 12 декабря 1941 г. Одна — с 7-й гвардейской стрелковой дивизией, другая — с нашей 18-й стрелковой дивизией¹.

Высокую боевую выучку показали воины 16-й батареи 864-го зенитного артиллерийского полка, действовавшего совместно с 518-м стрелковым полком 18-й

¹ ЦАМО СССР, ф. 741, о. 708648, д. 1, л. 184.

стрелковой дивизи. 28 ноября во время налета немецких бомбардировщиков на позиции полка расчет М. П. Торунова сбил 3 самолета¹. Эта батарея успешно защищала небо над нашей дивизией и в последующие дни во время боев в районе Жилино, Бакеево, Надовражино, совхозе «Общественник». Зенитчики сбили еще 3 бомбардировщика противника и уничтожили 2 танка, за что получили благодарность командира дивизии П. Н. Чернышева и ходатайство о награждении батареи².

Итак, позади осталось более 6-ти напряженных месяцев — формирования, боевого крещения в верховьях Днепра в начале октября 1941 г., отступления и окружения, кровопролитных оборонительных боев на подступах к Москве и, наконец, разгром немецко-фашистских полчищ, который стал первым в ходе войны сокрушительным ударом по Германии как в военном, так и в политическом отношении. Здесь, под Москвой, был окончательно развеян миф о непобедимости гитлеровских войск.

До 50-х годов в нашей военно-политической литературе было принято писать, что Красная Армия нанесла контрудар по немцам еще тогда, когда они продолжали рваться к Москве. Одновременно замалчивалось, что к началу нашего контрнаступления немецкие войска уже получили приказ о переходе к обороне. «Как выяснилось потом из документов, — отмечает Г. К. Жуков, — в ту ночь, когда мы начали свое наступление, Браухчи уже отдал приказ об отступлении на реку Нара, т. е. он уже понимал, что им придется отступить, что у них нет другого выхода»³. Такое изложение событий коекому казалось менее патриотичным и героическим. Однако это не только не приуменьшает заслуг советских войск, а скорее наоборот, свидетельствует о том, что немцы еще до наших контрударов, до нашего наступления были поставлены в критическое положение благодаря упорству, мужеству и отваге советских войск, умелому руководству командования Западным фронтом, возглавляемого Г. К. Жуковым. В битве под Москвой Германия потеряла в общей сложности более полумил-

¹ ЦАМО СССР, ф. 741, о. 708648, д. 1, л. 184.

² Там же, л. 81.

³ Маршал Жуков: полководец и человек. М.: АПН, 1988. С. 184.

лиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, свыше 15000 машин и много другой техники.

Иными словами, разгром гитлеровских войск был закономерным финалом операции «Тайфун», а не каким-то фатальным случаем, как стремятся доказать немецкие историки-фальсификаторы, сваливая все на бездорожье, снег и морозы, на отсутствие теплой одежды и даже на Гитлера, который будто бы мешал военному командованию. Горе-ученые до сих пор никак не могут трезво оценить (а может, сознательно не хотят) тот факт, что судьбу сражений под Москвой решали не погодные условия (они были одинаковы для всех) и не только танки, пушки и самолеты, но прежде всего люди, весь советский народ, его беззаветная любовь к родине и жгучая ненависть к врагу. Достаточно вспомнить беспримерные подвиги 28 панфиловцев под разездом Дубосеково и 36 ополченцев нашей дивизии под Ефимоново, отдавших свою жизнь, но не пропустивших фашистские танки к Москве. А ведь таких примеров сотни тысяч.

Вспоминая зиму 1941 г., Г. К. Жуков подчеркивал: *«Я должен вам сказать, что до первых чисел декабря в нашем замысле еще не было контрнаступления. Вся забота тогда была — остановить противника, измотать его, нанести контрудар с тем, чтобы отбросить вклинившиеся на флангах группировки. Когда же нашей разведкой и анализом поведения противника было установлено, что он окончательно выдохся и уже не выдерживает контрударов (особенно после того, как были введены 1-я Ударная армия генерала В. И. Кузнецова и части моряков), нам стало понятно, что мы не должны ограничиваться контрударами. Мы должны были немедленно использовать такой благоприятный момент и развернуть контрнаступление»¹.*

В этой связи уместно привести запись, которую оставил Ф. Гальдер в своем дневнике:

«2 января 1942 г. 195-й день войны.

Весь день ожесточенные бои. Прорыв противника севернее Малоярослава превратился в оперативный, и в настоящий момент трудно даже сказать, каким образом можно восстановить положение... Сложившаяся об-

¹ Безыменский А. Укрощение «Тайфуна». М.: Московский рабочий, 1987. С. 173.

становка побудила фельдмаршала фон Клюге запросить разрешения на отвод войск на соседних участках...»¹.

Контрнаступление под Москвой готовилось загодя, в условиях строжайшей тайны. Командующий Западным фронтом Жуков делал все возможное, чтобы подкреплять ослабевшие войска, но при этом не втягивать их по частям в бои и сохранить для решающего момента. Такая тактика оправдала себя. А когда враг окончательно обессилел, был осуществлен неожиданный удар, который произвел ошеломляющее впечатление на противника, и он в панике покатился на запад. В результате войска Бока были отброшены от Москвы на 120—300 километров, а северо-западнее столицы — на 400 километров. Были освобождены Московская, Тульская, часть Калининской и Орловской областей, 11 тысяч населенных пунктов.

Так была снята угроза Москве.

Поражение немецко-фашистских войск под Москвой как бы дважды ударило по вермахту. Во-первых, непосредственно по армиям группы «Центр», потерявшим наиболее боеспособные дивизии и лучшие офицерские кадры. Во-вторых, этот удар другим концом обрушился на верхушку германского генералитета. Гитлер был настолько взбешен, что снял с высших командных должностей 185 генералов, в том числе командующего сухопутными силами Германии фельдмаршала Браухича, командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока, с которым он, как известно, сам разрабатывал и план «Барбаросса» и операцию «Тайфун». Он отстранил даже своего любимца, теоретика «танковых клещей» генерала Гудериана, уверявшего фюрера перед началом войны, что ему нужно всего несколько недель, чтобы «бронированным кулаком» сокрушить Москву.

В результате этой кадровой перетряски в командных кругах вермахта начались грызня и ссоры за теплые местечки под крылышком самого Гитлера, ставшего верховным главнокомандующим сухопутных сил Германии. Уж теперь-то дела пойдут сами собой благодаря «гению фюрера».

Разгром под Москвой отрицательно сказался на моральном состоянии гитлеровских войск. Среди простых

¹ «Правда». 1987. 14 янв.

Приезд в 18-ю дивизию под Сухиничи командующего фронтом К. К. Рокоссовского (в центре) для вручения гвардейского знамени

немцев участились случаи сдачи в плен, дезертирства, упала дисциплина. Чтобы навести порядок, осенью 1941 г. и весной 1942 г. к смертной казни, каторге и тюремному заключению было приговорено 62 тысячи военнослужащих вермахта.

Поражение немецких войск под Москвой имело огромный международный резонанс. У порабожденных народов Европы появились надежды на избавление от фашистского ига. Вместе с тем оно породило уныние в самой Германии и в стане верховного командования. В своей книге «Гитлер главнокомандующий», вышедшей в свет в 1949 г., Гальдер события под Москвой назвал «катастрофой», «началом трагедии на востоке». «Собы-

тия под Москвой,— пишет он,— показали, что у немцев истощены силы. С этого момента я уже не верил в возможность решительной немецкой победы»¹.

Но не только Гальдер, и другие высшие военачальники, конечно, нехотя, но признавали, что в их глазах война против Советского Союза была проиграна именно под Москвой. В июне 1945 г. во время допроса в Бад-Мондорфе² Вильгельм Кейтель говорил:

— Русское контрнаступление оказалось полностью неожиданным. Мы грубо просчитались при оценке резервов Красной Армии...

Во время того же допроса фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Иодль заявили, что после Московской битвы не представляли себе «военного решения» всей восточной кампании.

Но, конечно, больше всего запомнился крах под Москвой Гитлеру. Его стенограф Питкер, ходивший по пятам и фиксировавший каждое слово фюрера, констатирует, что после поражения вермахта под Москвой Гитлер «без содрогания не мог слышать о снеге». В свою очередь ближайший сподвижник Гитлера Альберт Шперер свидетельствует, что во время одной из прогулок в гористом местечке Бергхоф — резиденции фюрера — он воскликнул:

— Как я ненавижу этот Восток! Стоит мне увидеть снег, как я впадаю в депрессию.

Разумеется, это рисовка. Снег он видел много раз. Не занимать его и в Бергхофе. Снег всюду одинаков. Но в снегу подмосковном были похоронены его бредовые мечты о всемирном господстве. Вот в чем дело. Вот почему он стал «впадать в депрессию».

Но, встав во главе сухопутных войск, Гитлер не отказался от покорения Советского Союза. Он поставил задачу отыгаться весной, когда не будет снега. И стал готовиться к тому, чтобы «проучить русских», смыть свой позор под Москвой. У него оставались еще огромные силы. Силы самой Германии и всей захваченной им Европы.

Между тем перед Красной Армией, отбросившей

¹ Безыменский А. Укрощение «Тайфуна». М.: Московский рабочий, 1987. С. 193—195.

² Там же.

немцев от Москвы, встал вопрос, что делать дальше. Еще накануне наступления под Москвой, 5 января, в Ставке состоялось обсуждение этой проблемы. О плане предстоящих операций, предложенном Сталиным, доложил на совещании маршал Шапошников. Он состоял в том, что советские войска должны начать наступление по всему советско-германскому фронту, на всех стратегических направлениях.

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, — заявил Сталин, — плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент.

Ему возразил председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, сказав, что сейчас страна не располагает необходимыми материальными возможностями для обеспечения наступления на всем фронте.

Высказал свое мнение и Г. К. Жуков. Он был за продолжение наступления только на Западном фронте. Пока противник не успел восстановить боеспособность своих соединений, доказывал Жуков, надо наступать, для чего необходимо пополнить войска Западного фронта людьми, техникой, направить сюда стратегические резервы, а не распылять их по всем фронтам.

Его мнение и доводы были отвергнуты. Как сказал Шапошников Жукову после заседания, Сталин все решил еще до совещания¹.

В одной из этих наступательных операций Западного фронта в составе 16-й армии мы и должны были принять участие.

¹ Как теперь мы знаем, предпринятые одновременно в январе-апреле 1942 г. по приказу Сталина наступательные операции Западным, Калининским, Ленинградским, Волховским, Южным и Юго-Западными фронтами, а также вновь созданным Брянским по существу ничего не дали, кроме огромных потерь наших войск.

Глава третья

ПОД ГВАРДЕЙСКИМ ЗНАМЕНЕМ

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

В ночь на 14 января 1942 года, по приказу командарма 16-й армии К. К. Рокоссовского, дивизия, сдавая занимаемую полосу обороны 180-й стрелковой бригаде и 354-й стрелковой дивизии, погрузилась в эшелоны на станциях Холщевики, Новый Иерусалим, Гучково и перегруппировалась в район города Белево в резерв Западного фронта. Однако в пути был получен новый приказ: выгрузиться на станциях Манаенки, Горбачево и сосредоточиться в районе города Сухиничи — крупного узла коммуникаций, связывающего Смоленск — Брянск — Калугу — Тулу¹. Изменение задачи было вызвано тем, что к тому времени здесь сложилась тревожная обстановка. Противник сумел не только остановить наступавшую 10-ю армию генерала Ф. И. Голикова, но, нанеся сильный контрудар, овладеть городом Сухиничи. Тем самым были перерезаны пути подвоза снабжения войскам левого крыла Западного фронта, выдвинувшегося далеко вперед в районе Кирова.

Восстановить положение было приказано 16-й армии Рокоссовского. От Голикова ей передавались 322, 323, 324, 328-я стрелковые дивизии и одна танковая бригада вместе с 60-километровым участком фронта. Из бывших соединений в 16-й армии осталась только 11-я гвардейская стрелковая дивизия. Она заняла оборону на рубеже: Веребьево, Цеповая, Болдырево².

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 4—5.

² Там же.

Как пишет Рокоссовский в своей книге «Солдатский долг»¹, Г. К. Жуков, ознакомив его с обстановкой на левом фланге фронта, предупредил, что на дополнительную помощь пусть не рассчитывает.

«Надеюсь,— сказал командующий Западным фронтом,— что вы и этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре доложите мне об освобождении Сухиничей».

Что ж, я принял эти слова Георгия Константиновича как похвалу в наш адрес...».

Соседями 16-й армии теперь были: слева 61-я армия генерала М. М. Попова, а справа 10-я армия, в командование которой вступил генерал В. С. Попов. Словом, среди двух Поповых, что, по поверью, приносит счастье.

Надо пояснить читателю, что когда мы сюда прибыли, Сухиничи занимала 216-я немецкая пехотная дивизия под командованием генерала фон Гильса, прибывшая из Франции и полностью вооруженная. Она легко оттеснила здесь 10-ю армию Голикова, захватив Сухиничи. Этой операцией немецкое командование преследовало далеко идущую цель: накопив силы, отбросить затем советские войска от важной магистрали Орел—Брянск и тем самым не только улучшить свои позиции после отступления из-под Москвы, но и создать за зиму плацдарм для весенне-летнего наступления. Сухиничи отлично подходили для решения этой задачи.

Незадолго до прибытия управления 16-й армии в район Сухиничей 324-я стрелковая дивизия 10-й армии блокировала дивизию Гильса и около трех недель удерживала ее в окружении, срывая все попытки пробиться ей на помощь 208-й и 18-й танковых и 21-й пехотной дивизиям. Однако 27 января противнику все же удалось войти в Сухиничи.

Ознакомившись с обстановкой, командарм К. К. Рокоссовский принял решение собрать все имеющиеся силы и атаковать Сухиничи. Наступление было назначено на утро 29 января. Главный удар должна была нанести 11-я гвардейская стрелковая дивизия, вспомогательный—324-я стрелковая дивизия. На рассвете артиллеристы обрушили мощный огневой налет на укрепления противника, вперед двинулась пехота. И тут

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат. 1980. С. 102.

произошло нечто неожиданное: немцы молчали, никто не стрелял и не сопротивлялся.

Что же случилось?

На войне, оказывается, иногда можно «выдавать» противнику и секретные сведения. Еще до прибытия сюда Рокоссовского, повсюду пошли «слухи» (они были сознательно инспирированы штабом 16-й армии), что в Сухиничи совершает марш его легендарная 16-я армия, которая так успешно громила фашистов под Москвой. «Слухи» день за днем ширились, одновременно стали прибывать подразделения нашей 18-й дивизии, теперь уже 11-й гвардейской! И генерал фон Гильс занервничал, а чтобы не искушать лукавого, отступил из Сухиничей на заранее подготовленные позиции. Его бегство было столь паническое, что в городе осталось большое количество военного имущества, в том числе шесть исправных танков, склад авиабомб, до сотни вагонов с боеприпасами и снаряжением, а также несколько десятков автомашин, в том числе новенькая легковая, брошенная во дворе, где размещался штаб фон Гильса. Никаких «сюрпризов» немцы приготовить не успели—мин в городе не обнаружено.

Вечером 29 января Рокоссовский доложил Жукову, что город Сухиничи взят, тот сначала не поверил, но когда командарм 16-й сказал, что звонит из Сухиничей и здесь уже разместился его штаб, поздравил с успехом. В Сухиничах разместился и штаб 11-й гвардейской стрелковой дивизии.

После отступления противник занял оборону по линии Попково, Ермолово, Бортное в 7—8 километрах от Сухиничей. Части нашей 11-й дивизии попытались преследовать противника. 40-й полк даже захватил несколько домов в деревне Козарь, но дальше продвигаться не смог—не было достаточных сил. К тому же мешали глубокие сугробы. Наступая, бойцы по пояс погружались в снег и, еще не дойдя до окопов врага, валились от усталости.

Бои продолжались до 18 февраля, но все безуспешно. Тогда было принято решение прекратить бесплодные атаки и закрепиться на достигнутом рубеже в районе Жердеево—Свобода¹.

Ветеранам дивизии надолго запомнились те дни кро-

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 5.

вопролитных безуспешных боев, в ходе которых слабели наши и без того малые силы, оставшиеся после битвы под Москвой. Не хватало пулеметов, артиллерии, боеприпасов, в полках осталось считанное количество людей. Некомплект в личном составе и вооружении составил в стрелковых подразделениях 50—70%. Резервы отсутствовали, а если и создавались, то за счет учебного батальона, роты автоматчиков, автомобильной роты, хозяйственных взводов. Ввиду некомплекта стыки между частями и подразделениями обеспечивались слабо. Средства ПВО в дивизии почти отсутствовали¹.

Между тем из штаба фронта один за другим шли приказы — наступать. Рокоссовский пытался объяснить, что это невозможно в сложившихся условиях, нет сил и резервов, что противник превосходит нас по всем статьям, хорошо окопался и укрепил свои позиции. Будет лучше, доказывал командарм, использовать выигрышную передышку, доукомплектоваться для мощного удара. Все это он подробно изложил в докладе командующему фронтом.

Ответ был короткий: «Выполняйте приказ!»²

Выполняйте приказ означало — наступать. Ведь так приказал Сталин (помните, мы писали в предыдущей главе о совещании 5 января в Ставке), который считал, что немцы все еще в шоке после разгрома под Москвой, не пришли в себя.

А они пришли в себя, представьте! И успели организовать крепкую оборону. Получилась парадоксальная ситуация: сильнейшая сторона обороняется, а ослабленная — наступает.

И мы наступали несмотря ни на что. Особенно много хлопот доставляло большое село Попково, расположенное в 6-ти километрах от Сухиничей на возвышенности, господствовавшей над всей местностью. Отсюда вокруг все было видно, как на ладони, и немцы постоянно вели прицельный огонь по городу³. Нужно было обязательно выбить противника из Попково, превращенного в укрепленный опорный пункт всей обороны

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 20.

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 110.

³ Между прочим именно отсюда немцы вели артиллерийский огонь, когда несколько снарядов 8 марта 1942 г. разорвались близ штаба армии и Рокоссовский был тяжело ранен.

противника на этом участке. Разведчики доносили, что здесь сосредоточено много танков и штурмовых орудий, до 2-х тысяч пехоты и все подготовлено для круговой обороны.

Взять Попково было приказано 33-му гвардейскому стрелковому полку (бывший 365-й). К тому времени шел уже февраль, и полк, как и другие части дивизии, получил небольшое пополнение людьми и оружием. Для его поддержки была создана дивизионная артиллерийская группа под руководством командира 30-го гвардейского артполка (бывший 978-й) майора Андреева, только что возвратившегося из госпиталя, а также выделены два армейских полка и дивизион РС — «катюш».

Одновременно должен был наступать 40-й гвардейский стрелковый полк (бывший 518-й) на сильно укрепленные узлы сопротивления Козарь и Бортное. 27-й гвардейский стрелковый полк (бывший 282-й) составлял второй эшелон.

10 февраля, после артиллерийской подготовки, наступление на Попково началось. Преодолевая сильное сопротивление, наши бойцы вплотную подошли к северной и восточной окраинам села, но дальше продвинуться не удалось. На рассвете следующего дня бой возобновился. Одна из рот 40-го гвардейского стрелкового полка прорвалась даже к церкви, стоявшей в центре. Но гитлеровцы двинули на них танки и пришлось отойти. Чтобы отвлечь часть сил противника, ввели в бой 27-й гвардейский стрелковый полк, который стал наступать на деревню Ермолово. Его первый батальон занял два дома на окраине, однако большего сделать не смог. В бою смело действовал политрук Василий Поддубский, был ранен, но остался в строю.

40-й гвардейский стрелковый полк еще несколько раз пытался овладеть Попковым, а также деревней Козарь и Бортное, но успеха не имел. Не удавались и ночные атаки. Противник упорно оборонялся, бросая в бой все новые и новые подразделения.

В одной из атак на Попково небольшая группа стрелков, среди которых был и комсомолец Никита Фомин, подобралась почти к самой околице и вела по немцам оружейный огонь. В это время на пролегающей вблизи дороге показались 8 подвод в сопровождении автоматчиков. Гвардейцы решили уничтожить фашистов. Пользуясь тем, что их не заметили, Фомин и его

товарищи пробрались ложбиной и залегли по обе стороны дороги. Когда немцы поравнялись с ними, дружно выскочили из засады и открыли огонь. Автоматчики и ездовые побежали врассыпную. Двоих из них Фомин тут же уложил из винтовки, взял автомат убитого и стал поливать убежавших, подстрелив еще нескольких. И тут Фомин заметил, что один, бросив оружие, устремился к лесу. Фомин за ним: он решил взять «языка», а чтобы тот не убежал, из винтовки подстрелил его. Когда немец упал, Никита подошел к легко раненому, тот сразу же поднял руки.

С поля боя Фомин отправился прямо в штаб батальона и сдал захваченного вояку¹.

Больше недели шли жаркие схватки за Попково и другие населенные пункты и все безуспешно. Обе стороны несли большие потери. Погиб комиссар батальона политрук М. Е. Ворончихин. Попав с группой бойцов во вражеское кольцо и не имея поддержки, он отбивался целые сутки. А когда из 45-ти человек осталось тринадцать, группу возглавил дважды раненный политрук Кинжалов. Ночью ему удалось пробиться к своим.

19 февраля дивизия перешла к обороне на достигнутом рубеже, а на другой день была снята со своих позиций и передана в состав только что прибывшего сюда 5-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Г. П. Короткова. В ночь на 21-е дивизия, а точнее сказать, то, что осталось от нее, сосредоточилась севернее Сухиничей для пополнения личного состава.

В День Красной Армии, 23 февраля, дивизии было вручено гвардейское знамя. По этому поводу из Ленинградского района г. Москвы прибыла делегация, которую возглавлял первый секретарь РК ВКП (б) А. Я. Секачев. Состоялись митинги, собрания, теплые встречи с земляками. Москвичи прислали подарки, письма от родных.

В то же время произошли кадровые изменения. Комиссар дивизии полковой комиссар А. М. Орлов был назначен комиссаром 5-го корпуса, а вместо него вступил в должность старший батальонный комиссар С. И. Нашанбургский. Начальника штаба дивизии полковника Буяшина заменил командир 27-го гвардейского стрелкового полка майор И. К. Щербина, а на его ме-

¹ «За родину», 1942. № 11. 14 фев.

Прием делегации Ленинградского района города Москвы

сто был назначен майор Н. В. Харченко. Перевели в другую дивизию командира 33-го гвардейского стрелкового полка майора Высоцкого, а батальонный комиссар Д. М. Каськович стал командиром полка.

Пока дивизия пополнялась и приводила себя в порядок, Попково наконец-то было взято. Это осуществила в начале марта 12-я гвардейская дивизия при поддержке 146-й танковой бригады. Только убитыми немцы потеряли здесь до тысячи солдат и офицеров. С потерей Попково противник лишился ключевого пункта обороны. Положение 16-й армии на Сухиническом направлении значительно улучшилось.

А наша дивизия, совершив 60-километровый марш, в начале марта сосредоточилась в 15 километрах юго-западнее Сухиничей. Ей была поставлена задача: овладеть сильно укрепленными узлами сопротивления — Слободкой, Зимницами и Маклаками. Последняя, как и Попково, имела столь же важное значение в системе обороны противника на Жиздринском направлении. С освобождением Маклаков открывалась возможность выхода дивизии к реке Жиздра.

Наступление началось 5 марта. В первом эшелоне наступали 40-й и 27-й гвардейские полки. За ними оставался 33-й гвардейский стрелковый полк. Уже на под-

ступах к Маклакам завязались ожесточенные бои. Противник ввел в действие крупные силы, и 40-й полк был остановлен. Артиллерийский и минометный огонь был настолько плотный, что наши бойцы надолго залегли в сугробах.

В этой ситуации смелый маневр предпринял командир 27-го гвардейского стрелкового полка майор Харченко. В ночь с 6 на 7 марта он направил 3-й батальон старшего лейтенанта Колесникова (комиссар старший политрук Н. И. Вожаев) в тыл врага, чтобы захватить деревню Слободку, насчитывавшую до 350 домов, многие из которых были кирпичными. Вокруг деревни, на высоких холмах, противник оборудовал дзоты, которые блокировали все дороги и перекрестки.

Умело используя перелески и преодолевая лощины, занесенные снегом, батальону удалось скрытно и незаметно достичь леса, а затем и выйти на его опушку перед самой Слободкой. На рассвете 7 марта, как и было условлено, артиллерия 30-го артполка нанесла мощный удар, и батальон ринулся вперед. Немцы не ожидали столь внезапной атаки и в панике бежали из Слободки, оставив шесть 152-миллиметровых орудия, две мортиры, несколько пулеметов, много различного имущества и продовольствия. Не мешкая, комбат Колесников приказал ротам занять наиболее выгодные позиции и организовать круговую оборону.

«Когда фашисты опомнились и разобрались,— вспоминал старший лейтенант И. И. Кривой,— что были атакованы сравнительно небольшими силами, а потеря Слободки создает угрозу окружения и уничтожения их гарнизона в Маклаках, они силой до одного пехотного полка с 7 танками предприняли контратаку. Завязались тяжелые бои. В течение дня батальон отразил до 10 контратак врага. Исключительную храбрость и большую изобретательность проявил командир взвода пулеметной роты лейтенант М. А. Коваль. Используя брошенные немцами орудия, он поставил их на прямую наводку, подбил один танк и уничтожил автомашину с пехотой. Однако, несмотря на потери, противник продолжал контратаки и захватил северо-западную часть Слободки. Бои шли за каждый дом. Доходило до того, что одну часть занимали немцы, другую — наши бойцы.

Я в это время находился на левом фланге батальона — в 8-й роте. В одной из схваток был убит наш пу-

лемчик. Когда я подбежал к нему, то увидел, что второй номер, молодой боец, набивает ленту патронами, но не стреляет. На мой вопрос, почему не стреляет, тот ответил, что не умеет, т. к. только вчера прибыл с пополнением. Не раздумывая, я залег за пулемет и стал вести огонь по атакующим фашистам. Когда кончилась лента, протянул руку назад и попросил дать новую, но никто не ответил. Парень был убит. Снарядив ленту, я стал отползать назад, захватив с собой коробку с патронами. Ведя огонь, отбиваясь, я растратил 5 лент, пока противник не прекратил наступать. На поле боя осталось несколько убитых фашистских автоматчиков и подбитая мною автомашина»¹.

Так 3-й батальон 27-го гвардейского стрелкового полка выполнил свою задачу и удержал освобожденную Слободку. А с наступлением темноты ему на помощь подошел 2-й батальон. Ворвавшись на трех танках Т-34 на окраину деревни, рота старшего лейтенанта С. А. Танаканяна с ходу захватила 10 домов и уничтожила несколько десятков фашистов. Сам он расстрелял девять фрицев. Это была его месь за старшего брата, которого немцы убили в боях за деревню Ново-Петровское под Москвой. А ночью, отправившись в разведку со старшим сержантом Т. Т. Горбыленковым, С. А. Танаканян совершил новый подвиг. Незаметно подобрался к одному из домов, где находился немецкий штаб, смельчаки бесшумно убрали двух часовых и ворвались в комнату. За столом сидели четверо офицеров. Трех уложил из автомата Танаканян², а одного прикладом прикончил Горбыленков. Затем они забрали штабные карты и документы и доставили их в штаб полка.

Мужество и отвагу показал в боях за Слободку секретарь комсомольского бюро 27-го полка политрук Григорий Гусаров. Он находился в одной из стрелковых рот 3-го батальона, когда выбыли из строя все командиры. Противник наступал и, оказавшись без руководства, бойцы не знали, что делать. Тогда Г. Гусаров сам повел роту в рукопашный бой. Расстреляв

¹ За мужество, проявленное в боях за деревню Слободку, приказом по войскам 16-й армии № 322 от 23.03.42 г. И. И. Кривой был награжден медалью «За отвагу».

² За этот подвиг С. А. Танаканян был награжден орденом Красного Знамени.

в упор офицера, он снял с него автомат и стал косить фашистов. Атака врага была отбита¹.

В уличных боях за Слободку отличились многие бойцы и командиры 33-го полка, особенно 1-го батальона старшего лейтенанта Шишкова. Сам он погиб в рукопашном бою, а командир роты лейтенант Крикун получил два ранения. Когда был убит заменивший его политрук Макеладзе, командование ротой взял на себя старший сержант Петр Федоров. Бойцы смело атаковали несколько огневых точек, уничтожили их и захватили 3 пулемета.

Бои за Маклаки велись в течение всего марта. Несколько раз пытался захватить этот сильно укрепленный пункт 40-й гвардейский стрелковый полк Лубягина, но не имел успеха. Однажды поддержанные двумя танками Т-34 два батальона полка подошли к самой окраине деревни, где находилась больница, но один танк был тут же подбит, а второй помочь не мог, так как сам застрял в сугробах. Не оказала помощь и 4-я стрелковая бригада, с которой полк должен был вместе наступать. Пришлось и на этот раз отойти с большими потерями.

Наступление 27-го гвардейского стрелкового полка на Зимницы также не имело успеха. Как и 40-й, он понес большие потери. В боях погиб комиссар 2-го батальона капитан П. Ф. Хабаров и много других бойцов и командиров.

Бои за Маклаки и Зимницы приняли затяжной характер и велись в течение всего марта. Обе деревни были освобождены только 2 апреля. Тогда же 33-й гвардейский стрелковый полк овладел деревней Каменка, а 27-й полк подошел к высоте 228,4, прикрывавшей важный пункт обороны противника Котовичи и господствовавшей над окружающей местностью. Несколько атак, предпринятых полком с целью овладеть высотой, не увенчались успехом.

В ночь на 10 апреля 11-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена во второй эшелон 5-го гвардейского стрелкового корпуса севернее Маклаков и присту-

¹ Г. Я. Гусаров за этот бой был награжден медалью «За отвагу». Вскоре его назначили помощником начальника политотдела дивизии по комсомолу.

пила к оборудованию обороны в районе Николаевка, Гремячевка, Бараново.

В итоге февральско-мартовских боев 1942 года войска 16-й армии на 30 км продвинулись на юго-запад и вышли на реку Жиздра. Противник понес большие потери. От двух пехотных дивизий — 211-й и 208-й, а также 18-й танковой дивизии остались лишь небольшие подразделения, а 216-я пехотная дивизия вообще перестала существовать¹.

Однако и наши соединения, в том числе 11-я гвардейская дивизия, сильно поределели. За два месяца частных наступательных операций потери были довольно значительными. По признанию командира 40-го гвардейского стрелкового полка майора Лубягина, в одной из рот 3-го батальона остались в строю лишь командир Харько и связной, в 1-м батальоне — 12 штыков, в роте автоматчиков — 19. Поэтому в середине апреля, выйдя во второй эшелон, дивизии предстояло не только пополниться и укомплектоваться техникой и людьми, но и обучить их владению оружием — ведь прибывали в стрелковые подразделения в большинстве совсем необученные, которые даже винтовку еще не держали в руках, не говоря об автомате. Вполне понятно, что в течение мая и июня командиры усиленно, по многу часов занимались с новобранцами боевой подготовкой, а бывалые солдаты, понюхавшие порох, передавали им свой опыт.

Одновременно поступало оружие. В 30-м гвардейском арtpолку был сформирован 3-й дивизион с двумя пушечными и гаубичной батареями. Его командиром стал капитан Г. Д. Куца, а комиссаром Н. П. Громов — ополченец, пришедший в дивизию в первые же дни ее организации. Вместе с ней, будучи комиссаром 4-й батареи, выходил из окружения, проявил незаурядное мужество в исторической битве под Москвой, за что был награжден медалью «За отвагу». Во втором дивизионе арtpолка комиссара — старшего политрука Т. Н. Блохина, — отозванного в штаб армии, заменил Рупасов, тот самый, который вывел из окружения под Вязьмой гаубичную батарею в полном боевом составе и так же, как и Громов, участвовал в ожесточенных подмосковных сражениях.

¹ Сквозь огненные вихри. М.: Воениздат. 1987. С. 106.

Командование 18-й стрелковой дивизии. Слева направо: Орлов А. М.—военком, Чернышев П. Н.—командир дивизии, Буняшин — начальник штаба, Кутин Н. В.—начальник политотдела. Во втором ряду: Бобров — начальник особого отдела, Пыпин — командующий артиллерией

Произошли изменения в политотделе дивизии. Его начальник старший батальонный комиссар Н. В. Кутин был переведен в другую дивизию, а вместо него временно назначен ополченец, профессор М. З. Селектор, старый коммунист, который быстро включился в работу и в короткое время завоевал заслуженный авторитет среди личного состава.

Следует отметить, что в эти «тыловые дни», партийные и комсомольские организации частей и подразделений провели большую массово-политическую работу. Надо было узнать людей, сплотить их, помочь освоиться с новыми условиями, поднять в них боевой дух, уверенность и гордость за то, что они служат в опаленной огнем войны гвардейской дивизии. В частях и подразделениях выходили «Боевые листки» об ополченцах-ве-

теранах, о тех, кто ковал честь и славу дивизии, об их мужестве и преданности Родине.

Важную роль в этом деле играла газета «За Родину», которая широко публиковала очерки и рассказы о боевом пути дивизии, героических эпизодах и подвигах целых подразделений в боях под Москвой. В газете публиковались портреты бойцов и командиров, показавших образцы мужества и храбрости.

Очень популярным стал конкурс на лучшую песню, объявленный редакцией. В нем приняли участие сотни красноармейцев. Стихи были напечатаны и их охотно распевали в часы досуга. Первое место и премию (тысячу рублей) получил боец Виктор Бабин за песню «Вперед же, товарищи». Она пелась на мотив «Конноармейской». Была отмечена также «Песня гвардейцев», которую написал заместитель политрука Аркадий Шелепин¹. Успехом пользовалась песня «Фронтная дружба» старшего сержанта А. Кудряцева и его стихи, посвященные любимому командиру, комсомольцу Василию Долгову, который не только вел бойцов в атаку, но показывал пример отваги и бесстрашия. Вот несколько строк:

С ним — хотя б в огонь и в воду,
Сокрушим любых врагов!
Твердо преданный народу
Нас ведет вперед Долгов.

Под Румянцевым бандиты
Полегли среди лесов,
Потому что были биты.
Потому что бил Долгов.

Всегда с нетерпением ожидали войны номера газеты «За Родину», в которых печатались письма с фронта и на фронт. В батарее полковой артиллерии 40-го гвардейского стрелкового полка служил наводчиком Леонид Форсюк. Он добровольно пошел в ополченческую дивизию Ленинградского района г. Москвы, а отец его работал на оборонном заводе. В битве за Москву Леонид Форсюк проявил мужество и отвагу. Комиссар батареи политрук М. Б. Горгиладзе написал об этом его отцу, а тот ответил комиссару:

¹ А. Шелепин прошел путь от сержанта до генерал-лейтенанта, заместителя начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

«Дорогой товарищ комиссар!

Я, отец Леонида Форсюка, приношу искреннюю благодарность за письмо, в котором вы меня благодарите за моего сына Леонида и описываете его подвиг. Дорогой товарищ комиссар! Ваше письмо принесло моей семье большую радость. Мы его читали несколько раз, также читали его и на заводе, где я работаю, и на военных занятиях по всеобучу, где я командиром взвода.

Мы обсуждали ваше письмо и говорили о вас, товарищ комиссар, а также о моем сыне Леониде, говорили о том, какими должны быть комиссары и бойцы Красной Армии.

Дорогой товарищ комиссар! Заверяю вас, что мне, как отцу, и вам, как комиссару части, где служит мой сын Леонид, не придется краснеть за моего сына и вашего бойца. Отцовское воспитание детей очень важно, но не меньшую роль имеет воспитание комиссаром своих бойцов.

Еще раз искренне благодарю вас за письмо и за вашу отцовскую заботу о своих бойцах. У меня три сына на фронте, два из них добровольцы, в том числе и Леонид, они добровольно ушли защищать нашу социалистическую Родину. Я, их отец, работаю на оборонном заводе, выполняю нормы на 300—400 процентов, а после обучаю бойцов всеобуча, и все мои бойцы всеобуча и рабочие цеха заверяют вас, товарищ комиссар, что мы будем работать так, чтобы скорей уничтожить фашистских гадов всех до единого.

Форсюк, отец Леонида».

В той же батарее служил разведчиком А. Е. Сысоев. За стойкость и мужество он был награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Комиссар политрук М. Г. Коротин послал родителям письмо и выразил им благодарность за то, что они вырастили такого достойного сына. Отец прислал ответ, в котором написал:

«Сообщаем Вам, что письмо, посланное 5 мая, мы получили. Приносим за него искреннюю благодарность. Тысячу раз спасибо за отзыв и внимание, проявленное Вами и всем коллективом к нашему сыну Анатолию Егоровичу. Мы глубоко обрадованы, что наш сын, уйдя добровольцем на фронт, сумел послужить Родине и советскому государству так, как и подобает советскому патриоту, любящему свою Родину и ненавидящему вра-

гов, посягнувших на нашу страну. Мы надеемся, что награду Правительства Анатолий и в дальнейшем оправдает.

Письмо я Ваше зачитал группе собравшихся колхозников и колхозниц. Тут же присутствовали два товарища Анатолия. Вы просите, чтобы написать Вам о нашей работе в тылу. Работать нам приходится тоже не покладая рук. С весенним севом справились скорее и лучше прошлогоднего. Овса мы посеяли больше плана на 2,5 га, картофеля — сверх плана 4,5 га, из коих в фонд обороны — 3 га. Посеяли 22 га гречихи, посадили овощей, капусты, огурцов, помидоров. Овощей тоже посажено больше, чем следовало по плану. Восстанавливаем понемногу молочно-товарную ферму, птицеферму. Скоро дадим стране молоко и мясо. Мы лично участвуем в работе колхоза так: по 1 июня я имел 195 трудодней, жена — 173 трудодня, сынишка 1927 года рождения, брат Анатолия, — 78 трудодней, а у всех у нас — 446 трудодней.

Передайте привет Анатолию и всему Вашему коллективу. От всей души желаем Вам здоровья, мужества и успехов в борьбе и скорейшей победы над немецким зверем — фашистами.

До свидания. С колхозным приветом Е. Сысоев».

Подобные письма переходили из рук в руки и зачитывались до дыр. Воиннам были очень дороги вести из тыла, им интересно было знать, что там, дома, делается, как живут их родные и близкие.

Случилось так, что на время нахождения дивизии на отдыхе пришелся Первомай. Политработники умело воспользовались случаем и сделали все, чтобы праздник удался. Они списались с РК ВКП(б) Ленинградского района Москвы, пригласили к себе делегацию трудящихся. И вот земляки приехали, привезли подарки, письма. Состоялись собрания, вечера, дружеские беседы, а 3 мая был проведен торжественный митинг по поводу того, что Указом Президиума Верховного Совета СССР наша 11-я гвардейская стрелковая дивизия и ее 40-й гвардейский стрелковый полк награждены орденами Красного Знамени за мужество и стойкость, проявленные при обороне Москвы. Высокая оценка высшим органом власти Советского Союза боевого подвига дивизии вызвала во всех частях и подразделениях горячее чувство благодарности и гордости.

Делегация москвичей привезла Красное знамя от трудящихся Ленинградского района. Его вручил командиру дивизии П. Н. Чернышеву, теперь уже генерал-майору, участник гражданской войны, бывший командир сводного партизанского отряда, трижды орденоносец Н. И. Чугарин.

В приподнятом настроении состоялось вручение правительственных наград бойцам и командирам, отличившимся в подмосковных сражениях. В числе делегации оказалось несколько художников из студии им. Грекова. Они тут же рисовали портреты героев дивизии и вручали их награжденным. Один из художников сделал коллективную зарисовку лучшего комсомольского орудийного расчета Евгения Смирнова с наводчиком А. Алексеевым, замковым С. Тетеринным, заряжающим Г. Шишкиным и правильными К. Чумакиным и М. Старковым. На счету этого расчета из батареи 40-го стрелкового полка Р. А. Валиева два уничтоженных фашистских танка с десантом автоматчиков, несколько разбитых дзотов и автомашин противника с боеприпасами.

Завершились торжества концертом агитбригады, в котором участвовали артисты московских театров, в том числе М. И. Кабалов и В. П. Гуренков, которые добровольно вступили в дивизию народного ополчения Ленинградского района.

Более двух месяцев — с апреля по июль 1942 г. — дивизия находилась в резерве 5-го гвардейского стрелкового корпуса, доукомплектовывалась и пополнялась. К началу июля она насчитывала 8500 штыков. Наличное вооружение состояло из 5115 винтовок, 769 автоматов, 237 ручных и 60 станковых пулеметов, 12 зенитных пулеметов, 91 орудия¹. В течение всего этого времени шла напряженная боевая подготовка личного состава. Особенно широко развернулось снайперское движение. Такие мастера отличной стрельбы, как Б. Куцев, Н. Башев, А. Григорьян, Южанинов, Воробьев, Бякишев, Морковкин, Артынов, имевшие свой личный счет мести и уничтожившие каждый по несколько десятков фашистов, передавали свое искусство молодым бойцам и готовили их к новым сражениям с гитлеровской нечистью, которая все еще тешила надежды покорить советский народ. В дивизии состоялся слет снайперов,

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 37, л. 8.

лучшие из лучших были награждены почетными знаками: «Отличный снайпер», «Отличный пулеметчик», «Отличный артиллерист», «Отличный разведчик».

Но вот закончились мирные дни отдыха и учебы. Совершив ночной марш, дивизия вышла на исходные позиции в районе Котовичи — Дмитровка. Отсюда ей предстояло начать наступление в составе 16-й армии с задачей овладеть сильно укрепленным пунктом Котовичи и выйти к городу Жиздра.

Как мы уже писали, на пути к Котовичам была высота 228.4. Она господствовала над окружающей местностью, немцы сильно ее укрепили, понимая важность этого пункта. Если читатель помнит, в конце марта 27-й гвардейский стрелковый полк несколько раз пытался овладеть этой высотой, но так и не смог. Теперь, по данным разведки, противник еще более укрепил ее, опоясал системой траншей, насытил множеством огневых средств и заминировал все подходы.

Но опыт не пропал даром, да возросла и оснащенность дивизии, ей были приданы 94-я танковая бригада и два армейских артиллерийских полка. Кроме того, теперь все смелее и активнее начала действовать наша авиация, которую мы так редко или совсем не видели.

Командование учло и такой немаловажный психологический момент: вместо 27-го гвардейского стрелкового полка на этот раз высоту должен атаковать 40-й гвардейский стрелковый полк под командованием гвардии подполковника Н. Е. Лубягина (комиссар Т. И. Крутоверцев).

Наступление началось 6 июля 1942 г. Накануне, ночью, саперы 15-го гвардейского батальона разминировали подступы к переднему краю противника, проделав проходы в проволочных заграждениях перед траншеями. Особенно отличились при этом саперы Елистраткин, Андреев, Соловарев, Матюхов, Сидуков, которые извлекли 240 противотанковых мин и 23 фугаса. Взвод лейтенанта Н. С. Дженжебера, пробравшись в это время в расположение врага, подорвал железнодорожное полотно вблизи полустанка Котовичи и уничтожил несколько пулеметных гнезд.

И вот в 6 ч 10 мин утра вся дивизионная артиллерия, а также приданная ей армейская и «катюши» обрушили на врага тысячи снарядов. Затем земля загудела от грохота бомбовых взрывов — это стали утюжить фашист-

ские укрепления наши знаменитые штурмовики. А как только они улетели, в 8.30 взметнулась красная ракета и при поддержке танков в атаку двинулись полки: 40-й — на высоту 228,4, а 27-й — на Котовичи. В ходе ожесточенных схваток, продолжавшихся весь день, гвардейцы продвинулись на 5—6 км в глубь оборонным противника, захватив высоту, село и полустанок Котовичи, совхоз «Коммуна» и подошли к деревням Букани и Дмитровке.

Противник не ожидал такого напора советских войск и ночью спешно вернул с марша 53-й и 71-й мотополки 19-й танковой дивизии, которые направлялись в район Минска для борьбы с партизанами Белоруссии. С рассветом 7 июля фашисты, поддерживаемые авиацией, перешли в контратаку и несколько потеснили наши части, заняв полустанок. Но вскоре 27-й гвардейский стрелковый полк совместно с 33-м гвардейским стрелковым полком и 3-м артдивизионом 30-го полка восстановили положение и вернули полустанок. Во время этих боев смертью храбрых погиб командир 3-го дивизиона Г. Д. Куш, а также тяжело ранены командир 40-го гвардейского стрелкового полка Н. Е. Лубягин и комиссар полка Т. И. Крутоверцев, инструкторы политотдела дивизии — батальонный комиссар Эпштейн и батальонный комиссар К. Тозик, политруки рот — Старовойтов, Халыев, Вандышев, Баждаев. Погибли политруки Сидельников, Хебнев, Пушкарев и Золотарев. Отдал свою жизнь, защищая Родину, и комсомолец Леонид Форсюк, о котором мы упоминали.

Шесть дней продолжались кровопролитные бои, в ходе которых гвардейцы показали исключительное мужество и храбрость. Особенно отличилась полковая артиллерия 27-го гвардейского стрелкового полка. Командир орудия Григорьев прямой наводкой разбил танк, а затем уничтожил два взвода пехоты. Наводчик «сорокопятики» кандидат в члены партии Жебров подбил танк и подавил четыре дзота. Наводчик Ерохин уничтожил два танка и два дзота с пулеметчиками.

Командир пулеметного взвода того же полка лейтенант Жулев, преследуя гитлеровцев, подобрал два брошенных исправных немецких станковых пулемета. Он тут же организовал два дополнительных расчета и ввел их в бой, истребив при этом до 70 фашистов. Жулев получил ранение, но продолжал драться. Пример ис-

ключительной выдержки и самообладания в борьбе с танками показал старший политрук С. К. Подолицин. Его рота ПТР¹, имевшая три ружья, отбила атаку десяти танков. Будучи раненым, Подолицин так и не ушел с поля боя.

Измотав врага и нанеся ему большие потери, части и подразделения нашей дивизии, другие соединения 16-й армии также исчерпали свои возможности для дальнейшего наступления и перешли к обороне. 12 июля дивизия заняла рубеж в районе Запрудное — Буда — Монастырская, имея в первом эшелоне 33-й и 27-й гвардейские стрелковые полки. 40-й стрелковый полк был выведен во второй эшелон севернее Котовичей. В те дни Ставка Верховного Главнокомандования назначила К. К. Рокоссовского командующим Брянским фронтом, а в командование 16-й армией вступил генерал-лейтенант И. Х. Баграмян. В составе 16-й армии после вывода в резерв фронта нескольких соединений остались три корпусных управления (5-го гвардейского стрелкового, 1-го гвардейского кавалерийского и 10-го танкового), семь стрелковых дивизий, в том числе и наша 11-я, четыре стрелковые и три танковые бригады, ряд частей усиления. *«Этими силами,— пишет И. Х. Баграмян,— надо было оборонять полосу шириной до 70 километров, надежно прикрывая от удара противника из района Жиздры на Сухиничи. Передний край обороны проходил в 20 километрах до устья реки Катерянки и далее по течению рек Жиздра и Ресета до Моилова»².*

ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ ПОД ЖИЗДРОЙ

Почти месяц, с 12 июля по 11 августа, дивизия пополнялась личным составом и вооружением, вела боевую подготовку. Лето было в разгаре, погода выдалась отменная, в полосе 16-й армии установилось затишье и, казалось, ничто не предвещает бури. Но вскоре она разразилась да с такой яростью, что трудно было представить.

¹ ПТР — противотанковое ружье.

² Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977, С. 143.

Потерпев сокрушительное поражение под Москвой, Гитлер решил взять реванш летом 1942 г. На этот раз немецко-фашистские войска обрушились на юг страны с тем, чтобы овладеть районами Нижней Волги и захватить Кавказ. Наступление, предпринятое крупными силами, успешно развивалось, и уже в августе вражеские дивизии подошли к стенам Сталинграда.

В создавшейся обстановке Западному фронту предстояло нанести частные удары по болховской группировке врага, чтобы не дать возможность группе армий «Центр» помочь силам вермахта на юге. Еще 16 июля Ставка приказала командованию Калининского и Западного фронтов провести наступательную операцию, получившую наименование Ржевско-Сычевской, чтобы очистить от противника территорию к северу от Волги в районе Ржева и территорию к востоку от Вазузы в районе г. Зубцов и закрепиться на реках Волга и Вазуза. 30 июля удар по врагу нанес Калининский фронт, но успеха не имел, втянувшись в затяжные бои. 4 августа в наступление перешли войска правого крыла Западного фронта и уже через два дня углубились в расположенные немецких войск на 30 километров по фронту и 25 — в глубину.

В ответ 11 августа противник предпринял мощный удар по армиям левого крыла Западного фронта, чтобы прорвав оборону 16-й и 61-й армий, захватить Сухиничи, выйти в район Юхнов и поставить тем самым под угрозу все левое крыло Западного фронта¹. Для проведения этой операции немецкое командование привлекло крупные силы: группировку 2-й танковой армии в составе 5 танковых дивизий (500 танков) и семи пехотных дивизий. Удар пришелся в стык 16-й и 61-й армий между реками Ресета и Вытебеть в 50-ти километрах южнее Сухиничей и Козельска, и уже 12 августа противник захватил районный центр Ульяново.

Учитывая сложившуюся обстановку, командарм И. Х. Баграмян решил срочно перебросить 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию на северный берег реки Жиздра и совместно с другими соединениями левого фланга армии остановить врага.

В ночь на 12 августа дивизия была по тревоге под-

¹ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 150.

нята и в 3.00 маршем выступила на Куклино. Отсюда личный состав стрелковых и минометных подразделений, погрузившись на автомашины, а также полковая артиллерия на прицепах двинулись в район Жиздры. Другие подразделения на конной тяге следовали различными маршрутами самостоятельно. Это движение не осталось незамеченным, и вражеская авиация постоянно бомбила колонны. В результате было убито и ранено до 40 человек, погибло 100 лошадей. Однако ничто не смогло остановить дивизию, и в 8.00 14 августа 1942 года, преодолев 60-километровый путь, она заняла оборону по северному берегу реки Жиздра на рубеже Гретня, Восты с задачей: приостановить наступление противника и не дать ему выйти на северный берег реки Жиздра¹. Справа оборонялась 324-я стрелковая дивизия, слева выдвигалась 4-я стрелковая бригада. Впереди действовали 322, 350, 387-я стрелковые дивизии, которые с боями отходили в район Чернышено, Колодези. На Козельском шоссе на южном берегу Жиздры вели тяжелые бои с танками врага малочисленные силы 10-го танкового и 1-го гвардейского кавалерийского корпусов.

В полосе обороны дивизии местность была закрытая. На северном берегу Жиздры раскинулся огромный лесной массив. Наиболее удобным местом наступления противника, по оценкам нашего командования, был левый фланг дивизии на линии Полошково, Восты, Клиницы (здесь было два моста и три брода), а также в районе Гретня, Колодези, где также имелся брод, но к Гретне подходила только одна дорога из Глинной да и та находилась в непосредственной близости от переднего края нашей обороны. Река имела ширину от 30 до 50 метров и глубину от двух и более метров. Берега на значительном протяжении обрывистые. Танки могли пройти только по бродам или мостам. Северный берег был значительно ниже южного, с которого вся наша оборона хорошо просматривалась противником на всю глубину. В то же время наши части могли наблюдать его позиции только на расстоянии 2—3 километров, что позволяло врагу скрытно подтягивать свои войска и маневрировать.

Надо сказать, что после июльских боев в наших

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 6.

частях был значительный некомплект личного состава, стрелковые роты имели всего лишь по полсотни человек. Однако обширный лесной массив на северном берегу Жиздры, где оборонялась дивизия, в какой-то мере компенсировал этот фактор.

Итак, в центре полосы обороны дивизии расположился 40-й Краснознаменный полк под командованием майора А. Н. Андреева¹, на правом фланге, южнее Колодези, — 33-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника Д. М. Каськовича, на левом — 27-й полк под командованием подполковника Н. В. Харченко. Его участок обороны разделяла болотистая речка Дрисенка, в пойме которой на глубину 2—3 километров местность была открытая, безлесная. Разведройте дивизии и взводу кавалерийского эскадрона была поставлена задача оборонять стык 2-го батальона 33-го гвардейского стрелкового полка с 40-м полком. В резерве командира дивизии генерал-майора Чернышева оставались учебный и заградительный батальоны, 13-й противотанковый дивизион и рота ПТР.

30-му гвардейскому артиллерийскому полку была поставлена задача: плотно прикрыть своим огнем действия стрелковых полков и недопустить прорыва танков противника на северный берег реки Жиздра. 3-й дивизион поддерживал 33-й стрелковый полк, 2-й — 40-й, а 1-й — 27-й стрелковый полк. Наблюдательные пункты командиров дивизионов находились рядом с НП командиров стрелковых полков, а наблюдательные пункты командиров батарей — рядом с НП стрелковых батальонов. Это обеспечивало тесное взаимодействие и оперативные действия артиллерии и пехоты. Наблюдательный пункт 30-го артиллерийского полка расположился рядом с НП 27-го стрелкового полка. Связь с дивизионом и батареями обеспечивалась четырьмя каналами — двумя проводкой и двумя по радио непосредственно и через штаб полка.

Соседом 11-й гвардейской стрелковой дивизии была 4-я стрелковая бригада. Днем 14 августа на усиление дивизии подошла 32-я танковая бригада. Она имела 44 танка: КВ — 7, Т-34 — 17, Т-60 — 20 машин. Танки были расположены вдоль дороги и южной опушки леса от

¹ Бывший командир полка Н. Е. Лубягин был назначен заместителем командира дивизии.

Колодезей до дома лесника. Мотострелковый батальон танковой бригады занял участок обороны на стыке 40-го и 33-го полков. Дивизию поддерживали также 41-й гвардейский и 887-й артиллерийские полки усиления, 523-й пушечно-артиллерийский полк резерва главного командования, 10-й и 240-й отдельные минометные дивизионы.

В такой группировке 11-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия преградила путь танковой лавине врага, катившейся на север, чтобы захватить Сухиничи.

Организация обороны дивизии закончилась к исходу 14 августа. К этому времени противник занял Дудино, Воробьево и Восты, и уже к концу дня около 60 танков и пехота противника попытались с ходу переправиться через реку Жиздра¹.

Первым в бой вступил 27-й гвардейский стрелковый полк. Во второй половине дня 14 августа из Дудино вышли две колонны немецких танков с пехотой в крытых грузовиках. Одна колонна направилась в Восты, другая — в Полошково. Занявшие Восты танки, а их было свыше двадцати, попытались затем переправиться через Жиздру по мосту, но он был заминирован, и когда немцы взошли на него, комполка Харченко приказал взорвать мост. В тот же миг наши орудия и минометы открыли шквальный огонь по высыпавшей из машин пехоте. Гитлеровцы устремились к броду, но попали под автоматный и пулеметный огонь бойцов 2-го батальона. Противник потерял 300 человек убитыми и ранеными. Другая колонна немецких танков и пехоты вышла к переправе из Полошково. Она находилась под наблюдением заместителя командира полка старшего лейтенанта В. Г. Щемелева. Он подал сигнал саперам уничтожить мост, однако взрыва по неизвестным причинам не последовало. Пришлось пустить в ход заранее припасенные бутылки с «КС», а когда фашисты приблизились к пылавшему мосту, наша артиллерия накрыла их дружным залпом. Умело действовали артиллеристы. Командир отделения разведки 1-го дивизиона 30-го артиллерийского полка старший сержант Н. Орехов засек минометную батарею противника, которая вела интенсивный обстрел позиций 27-го стрелко-

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 7, д. 1, л. 14.

вого полка. Он доложил об этом в штаб старшему лейтенанту В. П. Верещагину. Батарея капитана И. А. Семенченко по его координатам открыла точный огонь, и вражеские минометчики замолкли.

На следующий день немцы возобновили борьбу за переправу у деревни Восты. Под прикрытием артиллерийского огня противнику удалось перейти на северный берег, но дальнейшее их продвижение было приостановлено огнем 2-го батальона 27-го гвардейского стрелкового полка и 1-й роты 40-го гвардейского стрелкового полка. В это же время два батальона гитлеровцев подошли к броду севернее Полошково, но и здесь атака была отбита. В полдень вклинившиеся в нашу оборону на северном берегу автоматчики получили подкрепление. Чтобы ликвидировать нависшую опасность, командир 27-го гвардейского стрелкового полка Харченко предпринял энергичную контратаку, и фашисты были отброшены назад, за реку. Их попытки форсировать реку на участке 3-го батальона также были ликвидированы. Но дорого это стоило гвардейцам. Только 2-й батальон потерял убитыми и ранеными до восьмидесяти воинов. Вышли из строя расчеты двух орудий полковой артиллерии и до десятка ручных и станковых пулеметов. Был контужен командир батальона капитан В. С. Богданович. Его заменил старший лейтенант Н. В. Смирнов.

Успешно действовал 2-й дивизион 30-го артиллерийского полка майора Н. П. Баранова. Разведчики старший сержант М. Д. Рогачев, рядовые Жигалин и Широлев обнаружили скопление танков и пехоты противника перед участком обороны 40-го гвардейского стрелкового полка. Они сообщили об этом командованию. Быстро были подготовлены необходимые данные, и орудия обрушили огонь на врага. Загорелись несколько танков, а пехота стала разбегаться от разрывов снарядов. Смелчаки-разведчики все это видели и сообщили на батарею о результатах.

В течение всего дня не прекращались ожесточенные схватки с противником. Шесть предпринятых им атак были отбиты. Немалая заслуга в этом принадлежит 30-му артиллерийскому полку. Огнем его батарей было уничтожено до батальона пехоты, семь танков, 11 станковых пулеметов, минометная батарея и пушечная 105-я батарея противника.

Утром 16 августа противник со стороны Гретни попытался форсировать Жиздру на участке 33-го полка, но по нему нанесли уничтожающий удар «катюши». Место сосредоточения танков и автомашин у Гретни превратилось в сплошной бушующий огонь. Горели танки, машины, лес — все, что было вокруг. На участке 33-го гвардейского стрелкового полка успешно поддерживал действия стрелков 3-й дивизион арtpолка капитана Н. П. Соколова. При отражении атаки его батареи подбили два танка и уничтожили до роты немецких автоматчиков. Больше под Гретней в тот день фашисты не появлялись.

А под Востами они вновь дважды бросались в атаку на позиции 2-го и 3-го батальона 27-го полка Харченко, но плотный автоматный и пулеметный огонь и огонь артиллерии и на этот раз вынудили фашистов откатиться назад.

Так и третья попытка противника переправиться на северный берег Жиздры была отбита, а ночью в 27-й стрелковый полк пришло 300 человек пополнения.

Наступило 17 августа — 4-й день ожесточенных боев. С рассветом противник начал мощную артиллерийскую подготовку. Командиру 27-го полка со своего наблюдательного пункта была хорошо видна впереди лежащая местность, передвижение немцев под Востами. И как только артиллерийский налет окончился и противник начал переправляться через реку, он послал в помощь 2-му батальону пулеметную роту 1-го батальона, роту противотанковых ружей. Бой длился несколько часов. Очередная атака была отбита.

Однако утром того же дня на линии 40-го полка противнику удалось форсировать Жиздру под Гретней и северо-западнее деревни Восты. Все попытки 2-го батальона отбросить врага не дали результата, и он отступил к лесу. В результате образовался разрыв между 2-м батальоном 27-го полка и 40-м полком. Этим незамедлительно воспользовались немцы. Не встречая сопротивления, они устремились к речке Дрисенка, где располагался 1-й батальон 27-го полка. Так в обороне этого полка, на участке до трех километров от реки Жиздры до сарая, образовался новый передний край фронтом на запад. И сразу же полк оказался без своего второго эшелона.

Понимая нависшую опасность, командир Харченко

силами двух батальонов провел смелую контратаку, выбил противника из леса севернее деревни Восты, но отбросить его за Жиздру не смог.

Тяжелое положение сложилось в 40-м полку. С отходом в лес 2-го батальона командование полка потеряло управление боем. Командир полка майор А. Н. Андреев обратился по телефону к командиру дивизии П. Н. Чернышеву за помощью. Она была оказана, но обстановка с приходом пополнения не улучшилась. Противник продолжал наступать и проселками подошел к дому лесника, угрожая командному пункту полка.

Прорыв обороны дивизии определился и в стыке 33-го полка с 40-м, где с утра 17 августа тоже разгорелся ожесточенный бой. Здесь отличился 3-й батальон 40-го полка капитана Долгова, находившегося на правом фланге у самой реки. Когда противник появился на переправе под Гретней, его бойцы открыли ураганный огонь по пехоте, а с танками вступили в поединок артиллеристы начальника артиллерии полка капитана Р. А. Валиева. Прямой наводкой они подбили три танка. В ходе предшествовавших боев у него было разбито четырнадцать 45-миллиметровых пушек и осталось всего пять. Но и это, если действовать с умом, кое-что значит. И он решил воевать не числом, а умением. Надо было показать противнику, что силы полка не сломлены, что их еще достаточно. И тут появилось так называемое «кочующее орудие Валиева». Расставив оставшиеся пушки на наиболее угрожаемых участках, он одно противотанковое орудие с помощью саперов и взвода солдат быстро переносил с одной позиции на другую. Сделает два-три выстрела по врагу, а потом немедленно перекатывает на другую позицию и опять по два-три выстрела. И так по нескольку раз. Взаимодействуя с другими орудиями, он таким образом создал у противника впечатление, что на его участке сосредоточено большое количество артиллерии. О том, что уловка Валиева вполне удалась, рассказал пленный немец, который был захвачен в одной из контратак полка.

— Почему вы не наступали вчера на этом участке? — спросили его.

— Потому что у вас здесь было слишком много артиллерии.

Батарею Валиева поддержал 3-й дивизион 30-го ар-

тиллерийского полка майора Н. П. Соколова. Он действовал решительно и смело. Даже будучи раненым, не ушел с поля боя и, управляя огнем своих пушек, уничтожил несколько десятков автоматчиков врага.

В тот же день гитлеровцы прорвались на правом фланге 33-го полка у деревни Колодези на стыке с 324-й стрелковой дивизией.

Обстановка накалялась на всей полосе обороны дивизии. Но в самом тяжелом положении оказался 40-й полк. Его командир Андреев вторично запросил помощи у командира дивизии. Генерал Чернышев принимает решение послать туда начальника штаба дивизии полковника И. К. Щербину, дав ему резервный батальон и роту автоматчиков. К тому времени, когда он прибыл в полк, Андреев был ранен. Щербина выяснил обстановку и направил его в медсанбат.

Из воспоминаний бывшего начальника штаба 11-й гвардейской стрелковой дивизии полковника И. К. Щербины:

«Часа два ушло на то, чтобы познакомиться с людьми и сформировать из штабных офицеров и спецподразделений полка, а также прибывших со мной учебного батальона и роты автоматчиков довольно внушительную силу — более двух батальонов. Всем объявил, что с этого часа я командир 40-го полка, но обязанность начальника штаба дивизии с меня не снята. В своем распоряжении оставил комиссара полка майора Сидорова, начальника артиллерии полка капитана Валиева, начальника связи капитана Тимофеева, парторга полка капитана Позднина, командира учебного батальона старшего лейтенанта И. Кривого и двух радистов. Это была группа управления.

Учитывая данные разведки, мы решили, что противник готовится к очередной атаке, а поэтому надо взять инициативу на себя и предупредить его. В пользу такой тактики говорил тот факт, что в то время танки противника находились за рекой, значит, нам противостояла одна пехота, находившаяся на северном берегу Жиздры. Так и поступили. На рассвете 18 августа, без артиллерийской подготовки (для ее организации просто не было времени), мы двинулись на противника, который находился от нас на расстоянии 300—350 метров. Всю ночь шедший дождь перестал, начало светать.

Примерно в 4—4.30 я передал по цепи: приготовиться к атаке. Вместе со мной впереди шел Валиев. От противника нас теперь отделяла небольшая возвышенность, заросшая кустарником и высокой травой. Поэтому немцы не могли нас видеть.

Но вот осталось метров 80. Мы взойшли на вершину, а там — спуск вниз, к реке. Когда батальоны в строгой цепи вышли на опушку леса (было около 5.00), мы увидели, как немцы подвозят кухни и раздают пищу в котелки солдатам. Разве может быть момент удачнее! И мы им воспользовались. Без команды цепи бросились вперед. Атака была столь неожиданной и стремительной, что ошеломила фашистов. Огнем, штыком, прикладами гвардейцы буквально косили их, а те, кто не выдержал удара, бросились бежать. Но позади была река. Тогда часть немцев стала удирать вдоль реки по кустарникам, а другие прыгнули в воду, чтобы спастись вплавь. Их наши бойцы расстреливали из автоматов.

Атака продолжалась большие часы. Противник потерял до тысячи солдат и офицеров. Оборона 40-го полка была восстановлена. Только небольшой заболоченный участок в районе группы сараев севернее деревни Восты остался в руках немцев. Намечавшееся наступление противника бойцов сорвано, а настроение личного состава наших бойцов резко изменилось. У всех появилась уверенность. Значит, можно бить фашистов и летом.

Во второй половине дня, подтянув новые силы, противник несколько раз пытался восстановить положение, пять раз он атаковал позиции 40-го полка, но все они были отбиты с большими для него потерями.

Успешно в тот же день отбил несколько атак немцев и 27-й полк Харченко. Тяжелые бои завязались и на участке 33-го полка Каськовича. Утром 18 августа враг стал наступать на него полком пехоты и танков, но, потеряв 5 машин, отступил. Не имели успеха фашисты и при повторных атаках, однако на участке соседнего мотострелкового батальона 32-й танковой бригады, занимавшего оборону между 33-м и 40-м полками, им удалось прорваться. До батальона пехоты, поддержанные 15 танками, не встречая сопротивления, двинулись вперед и вышли северо-восточнее Гретня во фланг и тыл боевых порядков 33-го полка. Затем в образовавшуюся брешь противник ввел танковую дивизию — до 60 машин — и двинулся на Алешинку, к штабу 11-й

гвардейской дивизии и атаковал его. Внезапное нападение застигло штаб врасплох, но генералу Чернышеву все же удалось перевести его на запасный пункт, в овраг в полутора километрах восточнее Алешинки, но поскольку рации были оставлены на старом месте, то он потерял связь с частями и подразделениями.

В это время противник нанес танками мощный удар по обороне 33-го полка и захватил деревню Колодези. Полк отошел к юго-западу за реку Медведку и продолжал вести бои в полном окружении. Оказать ему помощь мы не имели никакой возможности.

Для дивизии сложилась очень тяжелая обстановка. Полки оказались отрезанными, без путей подвоза боеприпасов, продовольствия, пополнения. Над нами нависла угроза атак танков и пехоты с флангов и с тыла. Необходимо было предпринять срочные меры. Двум саперным ротам я приказал немедленно заминировать все подходы к обороне. К счастью, мин у нас было в достатке. Кроме того, я приказал валить деревья и делать завалы против танков.

Несмотря на столь тяжелое положение, настроение личного состава было боевое, гвардейцы твердо наделись на себя, что они и доказали в последующие дни.

Будучи командиром 40-го гвардейского стрелкового полка и начальником штаба дивизии, не имея связи с генералом П. Н. Чернышевым, мне пришлось взять командование дивизией на себя. Прежде всего связался со всеми частями и подразделениями, кроме 30-го артполка. Затем решил установить радиосвязь с командующим 16-й армией Баграмяном. Трудности состояли в том, что мне были известны только позывные сигналы его радиостанции, но я не имел кодированных позывных должностных лиц. И тут вспомнил о полковнике Бобкове, с которым мы учились в Военной академии им. Фрунзе. Теперь он занимал должность начальника оперативного отдела штаба армии.

Пока продолжались попытки связаться со штабом армии, немцы на рассвете 19 августа силами 134-й пехотной дивизии при поддержке примерно 130 танков и крупных групп авиации начали стремительное наступление из района Колодезей на Сухиничи.

А в 9 часов около 40 танков врага вторично атаковали теперь уже совсем отрезанный от нас штаб дивизии. На этот раз враг обрушился сначала огнем артиллерии,

но когда на штаб пошли танки, с ними вступил в бой 2-й дивизион 30-го артполка под командованием майора Баранова. Завязалась ожесточенная дуэль. По команде комиссара батареи политрука А. Н. Рупасова орудийные расчеты прямой наводкой открыли по танкам огонь. Вот загорелся один из них, второй, третий. Завертелся волчком с подбитой гусеницей четвертый танк. И тут из-за кустов появился еще один с автоматчиками за башней. Командир орудия Колоненков расстрелял в упор и его, но сам был тяжело ранен.

Фашисты, прыгнув на землю, устремились на Рупасова. Тогда наводчик комсомолец Белоусов схватил с горящего передка орудия ручной пулемет и, поливая свинцом фашистов, бросился ему на помощь. Но было поздно. Рупасов с револьвером в руке вышел один на один с целым взводом немцев, застрелил троих из них, а сам погиб. В неравном бою храбро сражались лейтенанты Климов, Светланов, много других бойцов, в том числе санинструкторы Тамара Морозова и Асеева.

Но дорого стоила схватка и противнику: на поле боя осталось 7 танков и до 70 солдат и офицеров.

— Когда фашистские танки напали на нашу батарею, — рассказал мне участник этих боев комиссар батареи политрук А. И. Помогаев, — я приказал открыть огонь. Мы успели сделать несколько выстрелов, как оно было подбито из танковой пушки. Погиб командир расчета сержант Н. Д. Тайченачев и еще несколько человек, затем вышла из строя вся батарея, и я с оставшимися 15-ю артиллеристами лесом пробрался в расположение 27-го полка. Вскоре туда же прибыл и командир 30-го артполка подполковник А. В. Андреев со штабом¹.

Между тем противник, развивая наступление, вышел на рубеж Нижней Опалинки, Руднева Хутора, Костино, т. е. оказался в тылу нашей дивизии. Обстановка еще более осложнилась. Но, наконец-то, наши усилия связаться со штабом армии удались. Я объяснил Бобкову, что произошло, и он соединил меня с командармом Баграмяном. Доложил ему, пользуясь кодированной картой, о том, где мы находимся. Командующий не сразу

¹ Что касается штаба дивизии, то он также понес большие потери. С его остатками командир Чернышев отошел в сторону Козельска.

поверил, что наши полки удерживают оборону на прежних позициях и отражают атаки по несколько раз в день. Тогда Баграмян сказал: «Передайте всем, и Вам, товарищ Щербина, спасибо за старания». И добавил: «Ждите помощь!». Комиссар полка подполковник А. Я. Сидоров тут же отправился в подразделение полка и рассказал обо всем бойцам. Он же сообщил об этой радостной новости в другие полки и подразделения.

20 августа к нам прибыли офицеры связи 16-й армии с пакетом от командарма Баграмяна. Как стало известно, в то время на КП армии находился Г. К. Жуков, а вскоре сюда были подтянуты два танковых корпуса и несколько стрелковых дивизий.

В свою очередь противник, используя прорыв в районе Колодези, продолжал ввод танковых частей. Всего с 19 по 22 августа прорвалось примерно 400—500 танков, однако большая часть пехоты, отрезанная от танков гвардейцами 11-й дивизии и 4-й стрелковой бригадой, по-прежнему находилась на реке Жиздра, на линии Гретня, Восты, Дретово.

Прибывшие к нам на помощь танковые корпуса, стрелковые дивизии и артиллерия 21 августа атаковали прорвавшиеся немецкие соединения и разгромили их. Всего лишь 30 танков осталось у противника. Рыская по лесу, они искали выхода. Утром 23 августа подошли по просеке к штабу 40-го полка. Все мы, офицеры, связисты, открыли по ним из-за кустов огонь из стрелкового оружия, но немцы почему-то не отвечали. Видимо, танкисты уже израсходовали все боеприпасы. Обогнув нас, танки направились в сторону Гретни и там переправились на южный берег.

В своих воспоминаниях полковник Щербина, ныне генерал-майор в отставке, естественно, не мог рассказать в подробностях о всех боях, о мужестве гвардейцев. Поэтому приведем здесь воспоминания и другого участника тех ожесточенных боев комиссара 30-го артиллерийского полка старшего политрука А. В. Спиридонова, сыгравшего большую роль в борьбе с танками противника. Ведь именно на танки, на их массированное применение рассчитывали немецкие военачальники, начав наступление в августе 1942 года в районе реки Жиздра.

**Из воспоминаний бывшего комиссара
30-го артиллерийского полка
старшего политрука А. В. Спиридонова:**

«Бои в августе 1942 года на Жиздре можно назвать дуэлью между танками и артиллерией. С первых же дней немцы бросили против нас свою огромную бронированную армаду, чтобы с ходу опрокинуть 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Это были тяжелые и кровопролитные бои и обо всем, конечно, не расскажешь. Поэтому поделюсь своими впечатлениями, которые наиболее ярко запали в голову.

Все три наших артиллерийских дивизиона действовали согласованно с тремя стрелковыми полками — по одному дивизиону в полку. И мне пришлось в ходе боев бывать то в одном, то в другом, то в третьем. Хорошо помню 16 августа, т. е. третий день наступления немцев. Я находился в штабе полка. Бои тогда принимали все более ожесточенный характер. Почти одновременно в штаб поступили от разведчиков полка С. Вязова, Г. Цуканова и П. Сысоева — с трех разных наблюдательных пунктов — донесения, что большая колонна танков противника двигается в направлении Гретня. Командир полка подполковник А. В. Андреев принимает решение: встретить их с открытых позиций, прямой наводкой. Эту задачу поручается выполнить 7-й 76-миллиметровой батарее гвардии старшего лейтенанта И. Н. Талала. Заняв указанные огневые позиции, подпустили врага на близкое расстояние и открыли огонь сначала по головному танку, а когда он был подбит и не мог двигаться, обрушились по замыкающему и тоже подбили. Дорога была узкой, по обе стороны тянулись высокие обочины, и танки оказались в своеобразном ущелье. И тут началась дуэль. Вскоре батарея Талала подбила еще два танка, но начались потери и у нас. В расчете старшего сержанта Н. А. Галишева ранило наводчика М. Мальцева. Его заменил замковый Л. Бушуев. Молодой боец не растерялся, подбил танк, но тут же был ранен. Галишев сам встал к орудию. Ему помогали заряжать рядовые Головня и Шабров. Два прямых попадания в ближайший танк сорвали с него башню. Но тут погиб старший на батарее лейтенант А. Демченко. Его заменил политрук В. Р. Сазонов. Воспользовавшись замкну-

той, остальным танкам удалось уйти, а пять навсегда остались стоять неподвижно.

17 августа бои разгорелись снова. Основной удар на этот раз противник предпринял против 40-го гвардейского стрелкового полка, с которым взаимодействовал 2-й дивизион нашего полка. Командир 40-го гвардейского стрелкового полка майор А. Н. Андреев приказал артиллеристам уничтожить минометную батарею противника, которая вела огонь по стрелковым подразделениям. Разведчики дивизиона вскоре обнаружили немецких минометчиков, дали точные координаты, и через несколько минут орудия всего дивизиона обрушились на врага. Минометы замолчали. Затем артиллеристы 2-го дивизиона вступили в схватку с танками и пехотой противника. Тут успеха добились 4-я батарея старшего лейтенанта И. Ф. Сикача и 5-я батарея старшего лейтенанта В. П. Каверина, подбившие по одному танку. Еще два танка подбила 6-я батарея капитана А. Д. Чигринова, а стрелковые подразделения в это время расправились с пехотой противника. Я это видел сам, находясь на КП 2-го дивизиона.

18 августа, подтянув дополнительные силы, противник нанес удар в стык 33-го и 40-го полков, прорвал оборону и устремился в направлении деревень Алешинка и Колодези — на магистральную дорогу, ведущую к городам Сухиничи и Калуга. В районе Алешинки находился штаб дивизии. Командир 11-й стрелковой дивизии генерал-майор П. Н. Чернышев в 9 утра 19 августа приказал командиру 30-го артиллерийского полка подполковнику А. В. Андрееву поставить 3-й дивизион на прямую наводку, чтобы ликвидировать прорыв танков. Двадцать минут спустя 5-я и 6-я батареи, еще не успев сняться с огневых позиций, были атакованы танками и пехотой. Завязался жаркий бой. Командир орудия 5-й батареи сержант А. Тайченачев встретился с немцами на марше. Он моментально развернул орудия и первым же снарядом подбил танк. Но тут раздался оглушительный взрыв. Вражеский снаряд угодил в орудие и смертельно ранил отважного сержанта. В то же время комиссар дивизиона старший политрук А. Н. Рупасов поднял артиллеристов в рукопашный бой. Сам он из пистолета сразил трех фашистов, а заряжающий Н. Белесов, схватив ручной пулемет с горящего передка орудия, стал поливать немцев свинцовым огнем. Из

карабинов в упор расстреливали врага артиллеристы Н. Воробьев, Д. Маточкин, М. Коньков, Ф. Жеребцов, С. Дроздов, И. Федорчук, И. Дрызгалин, К. Сычугов, С. Обухов, И. Огурцов. Смертью храбрых погибли в этой схватке старший политрук А. Н. Рупасов, командиры взводов лейтенант Н. Светаков, лейтенант А. Клинов, старшина А. Горелов, командир отделения связи М. Золотухин и другие. Многие командиры и бойцы были ранены.

Враг подобрался к штабу 3-го дивизиона. Начальник штаба капитан Н. А. Тихомиров собрал все службы и отбил нападение автоматчиков. Одновременно немцы обложили штаб артиллерийского полка, но тут все службы встали на его защиту и отбросили врага. Фашисты нанесли удар по тылам 27-го стрелкового полка, однако наши артиллеристы 1-го дивизиона пришли стрелкам на помощь, подбили 5 танков и уничтожили несколько десятков автоматчиков. Трудно сказать, чем бы закончился этот натиск противника, но в 11 часов в бой с немецкими танками вступил подошедший наш танковый корпус. Схватка была стремительная, враг был отброшен и прижат к реке Жиздра. Так была ликвидирована брешь между 33-м и 40-м стрелковыми полками.

Всякий раз, предпринимая атаки, немецкое командование широко использовало авиацию. Бомбардировщики, сопровождаемые истребителями, буквально висели над оборонительными рубежами наших полков, нанося им большие потери. Редкие попытки нашей авиации помочь наземным войскам не имели особого значения, более того она несла потери, в том числе от немецких зенитчиков. Командир артполка однажды приказал разведчикам засечь зенитную батарею, которая особенно много доставляла хлопот нашим бомбардировщикам. Она располагалась где-то в лесу, поблизости, на южном берегу реки Жиздра. Нелегко пришлось нашим следопытам, но задание они выполнили, пробравшись в расположение врага. А потом свое дело сделала батарея капитана И. А. Семенченко. Несколько точных залпов, и зенитки замолчали. Особенно точно стрелял расчет сержанта Л. Р. Зикратова — наводчик С. Романов, заряжающий Кудин и замковый Садыков».

В течение 12 дней и ночей — с 14 по 26 августа — 11-я гвардейская стрелковая дивизия стойко отбива-

ла бешеные атаки превосходящих сил противника, удерживала свои позиции и полностью выполнила поставленную перед ней задачу: остановила врага. А спустя два дня, перегруппировавшись, перешла в наступление. Во взаимодействии с 326-й дивизией и частями 10-го танкового корпуса гвардейцы нанесли удар на Восты и Глинная, разгромили засевшего там противника и отбросили его за реку. 26 августа дивизия форсировала ее и, развивая наступление, оттеснила фашистов к Дудинской высоте. Здесь, захватив на южном берегу Жиздры важный плацдарм глубиной от 2 до 10 километров, дивизия заняла оборону.

Так закончилась кровопролитная схватка 11-й гвардейской дивизии с немецко-фашистскими ордами на реке Жиздра. Части и подразделения понесли большие потери: в 27-м полку осталось всего 480 человек, в 33-м — 415, в 40-м — 962. Но еще больший урон дивизия нанесла противнику, оставившему на поле брани до 7 тысяч убитыми и ранеными, 72 танка, 7 самолетов, 36 орудий и минометов, около 60 автомашин.

Бои на берегах — северном и южном — реки Жиздра в августе 1942 г. вошли золотой страницей в историю дивизии как образец мужества, стойкости и боевой зрелости. Она с честью и полностью выполнила задачу — срочно закрыть подступы к городу Сухиничи и не допустить продвижения противника на север.

В конце августа в дивизию прибыл новый командир генерал-майор А. А. Борейко, а вместо полкового комиссара А. С. Писаренко был назначен старший батальонный комиссар Н. А. Балашев. Полковник И. К. Щербина стал заместителем командира дивизии, начальником штаба — подполковник А. Г. Ткачев. Командиром 30-го артиллерийского полка был назначен подполковник Н. Г. Шульгинов.

После кровопролитных боев на Жиздре дивизия почти полгода стояла в обороне. Пополнялась людьми и вооружением, обучалась, совершенствовалась боевое мастерство. В обороне находилась и вся 16-я армия.

Но вот пришел 1943 год. После ожесточенных сражений зимой 1942—1943 гг. наступило затишье. Линия фронта стабилизировалась. Воюющие стороны изучали опыт прошедших боев и намечали планы новых действий.

В течение нескольких месяцев наша дивизия, нахо-

дьясь в обороне на рубеже Воробьево, Восты, Гребень¹, совершенствовала ее, занималась боевой подготовкой, поочередно выводя части в тыл, в район лесов южнее Дретово, чтобы проводить учебные стрельбы. В январе дивизию принял новый командир генерал-майор И. Ф. Федюнкин. Занятия стали более интенсивными и целенаправленными. Одновременно совершенствовались в инженерном отношении занимаемые позиции.

А 9 февраля 1943 года дивизия получила приказ сдать полосу обороны частям 217-й дивизии, совершить 60-километровый марш и прибыть на правый фланг 16-й армии в район деревни Маклаки, чтобы принять участие в наступательной операции в направлении Жиздры в целях содействия войсками Брянского и Центрального фронтов в овладении Брянском. Как помнит читатель, примерно такую же операцию 16-я армия, в том числе и наша 11-я гвардейская дивизия, проводила в июле 1942 г. Тогда она была неудачной.

Что-то будет теперь, после нескольких месяцев затишья? Разведка доносила, что немцы время даром не теряли и здорово укрепились на занимаемых позициях. Одной из особенностей вражеской обороны стала система опорных пунктов, позволявших немцам создавать сильное фланкирующее огневое прикрытие. Вдоль переднего края противник разместил различные танковые препятствия, а пространства между заграждениями и траншеями были напичканы, словно пирог, минами. Ими были насыщены также все подступы к тылам, угрожаемые дороги и перекрестки. При этом немцы умело использовали овраги, лощины, высоты и населенные пункты, превратив их в укрепленные пункты обороны. Гитлеровское командование «позаботилось» и о личном составе. По рассказам пленных, каждый солдат давал подписку, что ни при каких обстоятельствах не покинет свой окоп, иначе будет расстрелян.

Если учесть к тому же, что противник еще 16 февраля знал, что советские войска начнут наступление 22 февраля, и подтянул сюда дополнительные силы — 211-ю и 321-ю пехотные дивизии и до 100 таков, — то будет понятно, в каких условиях начались бои. Прибавьте еще снежные заносы и сугробы. И морозы, которые трещали в те дни.

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 6.

Но приказ есть приказ. Как и намечалось, наступление началось 22 февраля. Совместно с нашей 11-й гвардейской дивизией наступали 31-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал теперь знакомый нам полковник И. К. Щербина, и 18-я гвардейская стрелковая дивизия. Задача: прорвать оборону противника в районе южнее Котовичей и к исходу первого дня выйти в район между городами Жиздра и Людиново. В помощь нашей дивизии была придана 187-я танковая бригада.

В первом эшелоне развернулись 27-й и 33-й полки. 40-й оставался во втором эшелоне. Уже в первый день, после артиллерийской и авиационной подготовок, наши части прорвали оборону противника и продвинулись вперед до 5—6 километров. Затем был введен 40-й полк, и дивизия на второй день продвинулась еще на несколько километров в глубь обороны противника, овладев деревней Дмитриевка. В ожесточенных схватках здесь погибли командир 40-го полка майор К. Н. Воейков, его заместитель майор С. А. Игнатенко, адъютант старший лейтенант Ф. Ф. Проба, а также комиссар подполковник А. Я. Сидоров.

Продолжая наступать, два батальона 40-го полка, которым стал командовать начальник штаба майор В. И. Карпов, совместно с 27-м полком вскоре штурмом взяли сильно укрепленную высоту 209,3. При этом особо отличилась пулеметная рота 2-го батальона 40-го полка лейтенанта Николая Омелечко.

Преследуя отходящего врага, пулеметный расчет сержанта Федора Сисейкина вырвался далеко вперед и оказался перед немецким дзотом, который изрыгал непрерывный огонь. Долго не раздумывая, Сисейкин подполз к нему и метко бросил в амбразуру гранату. Дзот замолк. Отважный гвардеец ворвался в него, рассчитывая расправиться с пулеметчиками, но те были убиты, однако пулемет остался невредим. В это время он увидел, что к дзоту направляется большая группа немцев. Поближе подпустив их, Сисейкин обрушился на фашистов из их же пулемета и уничтожил 25 человек, а оставшегося в живых унтер-офицера взял в плен и доставил его в расположение роты.

Ночью командир 2-го батальона капитан В. П. Шарпов приказал Омелечко зайти с ротой в тыл врага и «оседлать» дорогу. На рассвете бойцы увидели, как, ни-

чего не подозревая, прямо на них идет до взвода немцев. Близко подпустив их, Омелечко выскочил из засады и громко крикнул: «Хенде хох!». Те в растерянности подняли руки вверх и сдались. Через некоторое время с другой стороны, так же ничего не подозревая, появилась вторая группа фашистов. Омелечко приказал пленному офицеру выйти к ним навстречу и сказать, что они окружены и должны сдаться. Офицер выполнил приказ, и вся группа сложила оружие, кроме двоих, пустившихся наутек, которые тут же попали под огонь гвардейцев.

Фашисты, наконец, поняв, что это русские пробрались в их оборону, открыли по роте сильный огонь из минометов. Трое наших бойцов были убиты, но когда немецкие автоматчики пошли в атаку, наши пулеметчики открыли по ним уничтожающий огонь и отбросили назад. Немцы предприняли новую атаку при поддержке трех танков, однако к этому времени Омелечко связался с артиллеристами, которые меткими залпами рассеяли вражескую пехоту и отбросили ее на исходные позиции. Сам Николай в этой схватке лично подбил гранатами 2 танка и расстрелял из пулемета более десятка фашистов, а Сисейкину приказал выйти с пулеметом наперерез отходившей пехоте. Подпустив фашистов менее чем на 100 метров, отважный пулеметчик стал поливать фашистов свинцом. Сначала они растерялись, но, обнаружив, что перед ними один лишь русский, решили захватить его живым. Экономя патроны, Сисейкин стал стрелять одиночными, а потом и совсем перестал. Немцы решили, что он убит, осмелели и бросились в атаку. Тогда Сисейкин вновь обрушил на них пулеметный огонь. Неизвестно, чем закончилась бы эта схватка, но тут на помощь ему подоспела рота под командой Омелечко. Фашисты были разгромлены, семерых пулеметчики взяли в плен. А вокруг отважного Сисейкина валялись трупы 68 гитлеровцев¹.

В это время на правом фланге сражался 27-й полк. Против него враг бросил 8 танков и до батальона пехоты. На помощь гвардейцам пришли артиллеристы 2-го дивизиона 30-го арtpолка. Прицельным огнем они отбили атаки врага.

¹ За мужество и отвагу, смекалку и храбрость Омелечко и Сисейкину было присвоено звание Героев Советского Союза. ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 7.

Не успел затихнуть бой, как к гвардейцам прибыл командир полка майор Н. В. Харченко и наградил отличившихся. Медали «За отвагу» получили бойцы Романов, Щелоков, Мозгалин, Садыков и Сусликов. Своим огнем они уничтожили несколько десятков фашистов, а троих захватили в плен.

К 5 марта полки дивизии, медленно продвигаясь, достигли рубежа Крестьянская Гора и Ашково-Верхнее. Противник силами 296-й пехотной и 9-й танковой дивизий попытался контратаковать, но был отброшен. И тут решающую роль сыграли артиллеристы 30-го гвардейского арtpолка. 2-я батарея коммуниста капитана И. А. Семенченко подбила 9 танков, два из них уничтожил сам командир, но был смертельно ранен. Отличилась также 1-я батарея, которая сопровождала боевые порядки пехоты, поставив орудия на лыжи. У деревни Островская на нее обрушились танки. В завязавшейся кровавой схватке погибли наводчики рядовые Люстин и Щеголев. Они погибли, но врага не пустили. Отличился командир 3-й батареи капитан Полевничий. Прямым попаданием он сам разбил два самоходных орудия, а остальные повернули обратно. Командир орудия 7-й батареи Карандась и старший лейтенант Куликов подбили три танка и уничтожили несколько блиндажей с пулеметами.

Большие потери понесли и наши части. Погибли смертью храбрых старый большевик, участник гражданской войны командир 33-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник Д. М. Каськович и его заместитель по политической части майор Г. К. Халичев, начальник оперативного отдела штаба дивизии подполковник А. Н. Андреев, скоропостижно умер командир 30-го артиллерийского полка подполковник Н. Г. Шульгинов. Вместо него был назначен майор В. П. Семенко.

В последующие дни противник предпринял еще несколько сильных контратак из района Ясенок. Чтобы остановить врага, 11-я дивизия была перебросена сюда из-под Крестьянской Горы. Активными действиями ей удалось отбросить противника на рубеже Пыренка — Пузановка и с 17 марта перейти здесь к обороне.

И на этот раз наступление 16-й армии на Жиздру успеха не имело. С тяжелыми боями наши войска про-

двинулись всего на десять-двенадцать километров.

«Так окончилась Жиздринская операция,— пишет в своей книге И. Х. Баграмян.— Несмотря на проявленные в боях героизм и настойчивость, войска армии не выполнили в полном объеме поставленных перед ними задач. Однако итог боев был явно не в пользу врага.

Должен сказать, что уже в то время я видел, что причины невыполнения армией поставленной задачи сводились не только к нашим упущениям.

Почти все наступательные действия на западном направлении весной 1943 года носили отпечаток торопливости, спешки. Тогда у всех нас были еще свежи в памяти достигнутые под Сталинградом блестящие победы Красной Армии, положившие начало массовому изгнанию фашистских оккупантов с советской земли. В той обстановке многим казалось, что моральный дух врага надломлен и если не дать ему опомниться, непрерывно наносить удары на все новых и новых направлениях, то он вскоре будет окончательно сокрушен. К сожалению, даже у некоторых командующих войсками фронтов появилось такое ошибочное убеждение и настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу»¹.

Вместе с тем надо отметить, что хотя активные действия армии в феврале — марте 1943 года в районе Жиздры и не повлекли за собой больших результатов, они внесли определенный вклад в ликвидацию так называемого Ржевско-Вяземского плацдарма, который Гитлер и его высшие советники долгое время не без основания считали трамплином для броска на Москву. Это было высоко оценено Верховным Главнокомандованием. Вскоре 16-я армия была преобразована в 11-ю гвардейскую.

В конце апреля 1943 года наша дивизия оставила свои позиции под Ясенком и сосредоточилась в районе Думиничи в 25 километрах юго-западнее Сухиничей для пополнения и подготовки к новым боям, теперь уже к грандиозной битве на Курской дуге.

¹ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 174.

Глава четвертая

ВПЕРЕД НА ЗАПАД

НА ОРЛОВСКОМ ВЫСТУПЕ

К началу летне-осенней кампании 1943 года линия советско-германского фронта проходила от Баренцева моря к Ладожскому озеру, далее к Ленинграду, а оттуда на юг. У Великих Лук она поворачивала на юго-восток и в районе Курска образовывала огромный выступ, глубоко вдававшийся в расположение немецких войск. Далее от Белгорода шла восточнее Харькова, протянувшись к Азовскому морю, а затем до самого Новороссийска¹.

Глядя на карту с такой замысловатой и извилистой линией, сложившейся после разгрома немцев под Сталинградом, даже неискушенный в военных вопросах человек невольно обращал свое внимание на огромный Курский выступ, выдвинувшийся до 200 километров на запад. Он, словно гигантский гриб-нарост, выступал на стволе березы, и его так и хотелось срубить или спилить. Ну, конечно, именно здесь должно что-то произойти летом 1943 года,— невольно проносилось в голове, смотря на карту. Об этом же думали немецкие стратеги, а также наш Генштаб.

В самом деле, здесь сходились важные в стратегическом отношении районы с развитой сетью дорог, здесь были сосредоточены самые крупные группировки войск обеих сторон. Важно и то, что дуга могла быть с выгодой использована и той и другой стороной: немцами — для окружения оборонявшихся там войск Центрального и Воронежского фронтов, а нами как плацдарм для наступления на запад.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Воениздат, 1970. С. 237.

Так что же делать, как поступить с этим выступом?

У немецкого командования так и чесались руки использовать такую для них благоприятную ситуацию и запереть в дуге почти 7 советских армий, а затем, после окружения, вновь двинуться на восток и юг и захватить стратегическую инициативу. В Курском выступе гитлеровские генштабисты видели также трамплин для осуществления реванша за свои зимние поражения. Заправилам рейха позарез был нужен решающий успех на Восточном фронте, чтобы восстановить пошатнувшийся после битв под Москвой и Сталинградом авторитет Германии, поднять дух населения и предотвратить, пользуясь отсутствием второго фронта, распад фашистского блока. Планируя весной 1943 года крупное наступление, нацистское руководство надеялось, что победа на Курской дуге повернет войну вспять, докажет всем, что она не проиграна и что все еще можно изменить. Чтобы осуществить эту цель, вермахт решил летом провести крупную операцию против группировки советских войск, находившихся внутри Курской дуги. 13 марта Гитлер подписал приказ № 5. В нем ставилась задача после весенней распутицы упредить советские войска и тем самым навязать Красной Армии свою волю. В соответствии с этим группе армий «Юг», которой командовал Манштейн, надлежало к середине апреля создать сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр» фельдмаршала Клюге сосредоточить ударную группировку южнее Орла. Обе они должны были встречным ударом в общем направлении на Курск окружить и уничтожить наши войска внутри Курской дуги. Условно эта операция была названа «Цитадель». Ее задачи изложены в оперативном приказе № 6, подписанном Гитлером 15 апреля 1943 года, где говорится следующее: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и полным успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года... Каждый командир, каждый рядовой солдат обязаны проникнуться сознанием решающего значения этого наступления»¹.

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974. С. 306.

Советские вооруженные силы, сохраняя стратегическую инициативу, также готовились к летнему наступлению, чтобы завершить наметившийся перелом в войне. Уже в конце марта 1943 года Ставка начала разработку летней кампании. Главный удар намечался на юго-западном направлении. Ставилась задача: разгромить группы армий «Центр» и «Юг» и изгнать оккупантов за линию реки Сож, среднего и нижнего течения Днепра¹.

Но вскоре в намеченный план были внесены серьезные поправки. Стало достоверно известно, что немцы интенсивно готовятся к наступлению на Курской дуге, стягивают туда огромные силы. Удалось установить даже дату наступления. Советское командование оказалось перед дилеммой: наступать или обороняться? После нескольких совещаний в Генштабе, Ставке и ГКО было решено выехать на Курскую дугу Г. К. Жукову. 8 апреля он прислал доклад, в котором высказал свои соображения. В нем, в частности, говорилось: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выведем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»². Генштаб придерживался того же мнения — о преднамеренной обороне с последующим переходом в контрнаступление. Но было и противоположное мнение: не ждать, пока противник сосредоточит здесь крупные силы и укрепитесь, а упредить его и разгромить войсками Западного, Брянского и Центрального фронтов.

Тем временем в Генштабе приступили к разработке операции «Кутузов». «Во второй половине апреля, — пишет И. Х. Баграмян, — нас ознакомили с предварительным замыслом крупной наступательной операции. На первом этапе предполагалось концентрическими ударами окружить Орловскую группировку противника и уничтожить ее. Это дало бы возможность развернуть в дальнейшем общее продвижение на Брянск к верховью Днепра... Нашей 11-й гвардейской армии, имевшей в своем составе девять стрелковых дивизий, два танковых

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974. С. 306.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 458.

корпуса и другие средства усиления, предстояло про-
рвать оборону противника южнее Козельска и развить
удар строго на юг — на Хотынец, с тем чтобы выйти во
фланг и глубокий тыл Орловской группировки немцев.
После прорыва вражеской обороны из-за нашего левого
фланга должны были выдвинуться вперед три дивизии
соседней с нами 61-й армии Брянского фронта. Их за-
дача — свертывать оборону противника, обеспечивая на-
ше наступление с востока.

Очень важная роль в операции отводилась главным
силам Брянского и Центрального фронтов. Первому
надлежало нанести из района Новосила мощный удар
по вершине Орловского выступа и овладеть Орлом. Вой-
ска же Центрального фронта должны были наступать
из района Поньрей на северо-запад — навстречу 11-й
гвардейской армии, с тем чтобы в районе Хотынца за-
мкнуть кольцо окружения¹.

После долгих размышлений командарм 11-й и его
штаб усомнились в выполнении этой задачи в условиях
столь сложной организации взаимодействия соединений
различных фронтов, которым надлежало осуществить
одну задачу. Возможно ли столь тесное взаимодействие
между фланговыми армиями двух фронтов в военных
условиях? Смущало и направление наступления — стро-
го на юг, на Хотынец. Что, если 11-я армия, входившая
в Западный фронт, глубоко продвинется, а войска
Центрального фронта не подспеют? О своих сомнени-
ях и предложениях ограничиться для армии более
скромной, но реальной задачей: сходящими ударами
11-й гвардейской армии из района к югу от Козельска и
61-й армии Брянского фронта с северо-востока окру-
жить и уничтожить Болховскую группировку противни-
ка И. Х. Баграмян доложил командующему Западным
фронтом В. Д. Соколовскому, но тот нашел их необе-
дительными. Однако, когда в конце апреля в Москве в
Ставке состоялась встреча командующих Западным и
Брянским фронтами и командующих 11-й и 61-й армий,
И. Х. Баграмян вновь поднял этот вопрос. Сталин со-
гласился с ним.

Нам передавались все дивизии, которым предсто-
яло прорвать вражескую оборону южнее Козельска,—

¹ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 185—186.

пишет И. Х. Баграмян.— Задача 11-й теперь сводилась к
тому, чтобы преодолеть оборону противника на участке
Глинная, Жуково, повернуть главные силы на юго-во-
сток и наступать на Болхов, куда навстречу нам с се-
веро-востока будут идти войска 61-й армии Брянского
фронта. И уже после разгрома Болховской группировки
противника наша армия двинется на Хотынец¹.

Итак, все свидетельствовало о том, что именно на
Курской дуге назревают грозные события. Обе стороны
выжидали. Кто начнет первым? Немцы считали, что
вот-вот начнет наступать Красная Армия, а наша Став-
ка получала донесения, что вермахт уже назначил точ-
ную дату для операции «Цитадель». Наконец, в Ген-
штаб поступило сообщение, что немецко-фашистские
войска перейдут в наступление 6 июля. А 4 июля
противник предпринял разведку боем. Захваченный при
этом пленный показал, что наступление начнется
5 июля. Это подтвердил и перебежчик.

Вот тогда-то советское командование решило про-
вести в ночь на 5 июля артиллерийско-авиационную
контрподготовку, что было полной неожиданностью для
противника. В результате его войска, сосредоточенные
на исходных для атаки позициях, понесли большие по-
тери и задержались с наступлением: вместо трех часов
утра начали тремя часами позже. (Как потом стало из-
вестно, противник принял нашу контрподготовку за на-
ступление.)

Так началось одно из самых крупных сражений Ве-
ликой Отечественной войны — битва на Курской дуге.
Обе группировки противника одновременно двинулись
с севера и юга навстречу друг другу с целью сомкнуться
и окружить почти 7 армий двух наших фронтов — Во-
роневского и Центрального. Завязались кровопролит-
ные бои, в которых приняло участие огромное количест-
во войск: вражеская группировка насчитывала около
900 тысяч солдат и офицеров, до 10 тысяч орудий и ми-
нометов, около 2700 танков и свыше 2 тыс. самолетов.
Наши оба фронта имели более 1337 тыс. человек,
19300 орудий и минометов, свыше 3300 танков и само-
ходных артиллерийских установок и 2650 самолетов².

Как видно из этих цифр, Красная Армия имела пре-

¹ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. С. 191.

² Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Воениз-
дат, 1970. С. 238—239.

восходство и в людях, и в вооружении, но гитлеровское командование рассчитывало на свою новую технику. Они перебросили на Курскую дугу мощные танки «пантера» и «тигр», а также самоходные орудия «Фердинанд» с непробиваемой, как они думали, броней и более современные самолеты «Фокке-Вульф-190-А» и «Хейнкель-129». *«Ни одно наступление не было так тщательно подготовлено, как это»,* — пишет бывший начальник штаба 48-го немецкого танкового корпуса генерал Ф. Меллетин, участвовавший в боях на Курской дуге. Однако столь хорошо подготовленное наступление не оправдало надежду Гитлера. Ценой огромных потерь противнику удалось на первых порах углубиться в боевые порядки Красной Армии на севере Курской дуги лишь на 10—12 км, а на юге — до 30—35 км. Дальше наступление захлебнулось, противник выдохся.

А 12 июля Красная Армия нанесла мощный ответный удар. В тот же день повела наступление и 11-я гвардейская армия. Ее задача оставалась прежней: самостоятельно взламывать оборону противника южнее Козельска в междуречье рек Рессета и Вытебеть и развивать удар в юго-восточном направлении, в сторону Болхова. Оперативное взаимодействие с соседями начиналось лишь в глубине обороны противника. После его разгрома в районе Болхова армия должна двинуться на Хотынец, во фланг и тыл Орловской группировки немцев¹.

Полоса обороны, занимаемая армией, протянулась по реке Жиздра, от Чернышено до Ожигово почти на 40 километров. Однако командарм Баграмян решил основные усилия армии сосредоточить на фронте 16 километров, а главный удар нанести соединениями 8-го и 36-го гвардейских корпусов на 7-километровом участке Белый Верх, Ожигово. Здесь было сосредоточено 56 артиллерийских и минометных полков — 200 орудий и минометов на 1 км фронта. На участке же 8-го корпуса, куда входила наша 11-я гвардейская стрелковая дивизия, плотность доходила до 260 стволов². Авиационное обеспечение осуществлялось 720 самолетами 1-й Воздушной армии генерала М. М. Громова.

¹ Сквозь огненные вихри. М.: Воениздат, 1987. С. 125.

² История Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1974. Т. 3. С. 275.

Тщательно, с полной отдачей и в строжайшей тайне готовилась к летнему наступлению на Орловском выступе 11-я гвардейская стрелковая дивизия. С получением боевой задачи она была выведена на северный берег реки Жиздра в район Павлово, Алешня, Шемякино. Здесь развернулась напряженная боевая подготовка по отработке наступления с прорывом сильно укрепленной обороны.

«Еще в середине июня, находясь во втором эшелоне 11-й гвардейской армии, — вспоминает бывший коман-

Ветераны 27-го гвардейского стрелкового полка. 1990 год

дир 3-го батальона 27-го стрелкового полка капитан И. И. Кривой, — мы начали готовиться к этому великому сражению. Под видом усиления обороны мы скрытно готовили огневые позиции для орудий прямой наводки и площадки для пулеметов на переднем крае перед фронтом предстоящего прорыва обороны противника — Юдино, Колосово, сооружали ступеньки и лестницы для быстрого выхода бойцов в атаку. Офицерский состав производил рекогносцировку, уточнял задачи для стрелковых подразделений с приданными им артиллерийски-

ми и танковыми средствами. В ночное время подвозились к переднему краю боеприпасы, подтягивалась материальная часть. Все тщательно маскировалось. Командный состав вплоть до командира роты, а также приданных средств усиления заранее знал свои задачи в предстоящем наступлении.

А в ночь на 10 июля дивизия скрытно была выведена на передний край, сменив находившуюся в обороне 108-ю стрелковую дивизию, и заняла исходное положение для наступления восточнее Юдино».

Одновременно с боевой подготовкой проводилась большая массово-политическая и партийная работа. Зная, с какими тревожными чувствами ожидают люди предстоящие бои, в подразделениях накануне наступления состоялись собрания, прошли беседы с личным составом. Командиры и политработники ознакомили бойцов с приказом о наступлении, рассказали о положении на фронте. Живой интерес вызвали групповые читки специального номера газеты «За родину» с призывной шапкой «С честью выполним приказ Родины! Вперед к победе, доблестные гвардейцы!» Тут же была помещена фотография о клятве воинов дивизии при вручении ей в 1942 году гвардейского Знамени. Под ним был напечатан текст этой клятвы: не щадить ни сил, ни самой жизни в борьбе с захватчиками, свято хранить закон нашей советской гвардии: «Там, где гвардия наступает, враг не устоит!»

Жгучую ненависть к фашистам вызвали письма родных и знакомых, присланные воинам дивизии и опубликованные на другой странице того же номера. Вот текст этих потрясающих строк:

«Немцы повесили твоего друга».

Письмо гвардии сержанту С. Глухову из деревни Черепеть Калининской области.

«Здравствуй, друг — товарищ Сережа!

По твоей просьбе опишу тебе подробно, как мы жили при немцах в нашем поселке Черепеть. Как только немцы пришли, начались грабежи и обыски.

Ты помнишь нашу школу, где мы с тобой учились и с которой у нас связано столько воспоминаний? Фашисты сожгли все парты, книги, шкафы. Переломали все приборы, а в классе устроили конюшню.

Однажды ночью немцы забрали 12 человек активистов и расстреляли их. Потом они взяли твоего друга

Шуру Чекалина и повесили его посреди деревни. Нас всех сгоняли посмотреть на его казнь. Труп Шуры не давали убирать две недели.

Фашисты обесчестили наших девушек. Мне тяжело тебе писать,— не пощадили и твоей сестры. Не забуду, как немец вынул револьвер и выгнал твою мать из дома. Помочь ничем мы не могли.

Наша жизнь превратилась в каторгу. Мы с утра и до ночи рыли канавы, чинили дороги, мыли у немецких телег и автомашин колеса, чистили солдатам сапоги и шинели.

Отступая, немцы зажгли поселок, но сгорело только 14 домов, так как красноармейцы уже подошли к деревне.

Дорогой друг! На фронте сражается твой отец и два твоих брата. Ты сам теперь держишь оружие. Беспощадно мсти фашистам за все, что они натворили.

Твой друг Петр Филипенко»¹.

«Фашисты сожгли нашу деревню»

Письмо артиллеристу Лобанчикову Михаилу Ивановичу от сестры Лизы Соколовой из г. Вязьмы.

«Здравствуй, дорогой Миша!

Сообщаю тебе о своем великом горе, которое трудно перенести. Когда отступали фашисты, они угнали с собой моего отца и твою сестру Маню с детками.

Дядя Митя жив. Он приезжал к нам в отпуск на несколько дней. Когда узнал от нас, что его жена Маня и дети уведены фашистами, его горю не было конца. Он снова уехал на фронт, не прожив дома до конца отпуска.

— Бил я,— говорит,— фашистское зверье, да, видно, плохо бил, мало бил. За каждую,— говорит, слезинку и за каждую каплю крови моих детей и жены фашисты ответят.

Затем сообщаю тебе, что немцы убили Маню Копытову. Угнали Толю Лобанчикова, невестку Нюру и многих других. Немцы сожгли нашу деревню, затем Грыдино и Быково. В Трегубове сгорело 19 домов.

Миша! У нас в Вязьме стало веселее. Понемногу на-

¹ «За Родину». 1948. № 94.

чинаем восстанавливать нашу советскую жизнь. Бей фашистов и приезжай домой скорей.

Пока до свидания! Жду ответа.

Твоя сестра Лиза Соколова¹.

Чтение этих писем-документов вызвало гнев и возмущение гвардейцев:

— Сегодня,— сказал гвардии красноармеец Т. Петриченко,— когда наступил грозный час расплаты с ненавистным врагом, я с гордостью за себя и товарищей могу заявить: мы по-гвардейски подготовились к сражениям с немцами. Мужественно и умело будем громить врага. Я знаю, что каждый мой шаг вперед на запад приближает меня к родному дому. Ведь там, под гнетом немецко-фашистского рабства, томятся мои родные: мать и отец, малолетние сестры и братишки.

— Из своей снайперской винтовки,— сказал старший сержант Ч. Арлахаев,— я уничтожил 110 фрицев. Моя рука не устанет бить врага до полного его разгрома. Неугасимой яростью и гневом наполнено мое сердце. Недавно я возвратился из госпиталя. Сейчас я повторяю свое клятвенное слово, данное моим товарищам в то время, когда я был ранен: «Во сто крат отомщу фашистам за свою пролитую кровь»².

Но вот пришел тот тревожно ожидавшийся день — 12 июля 1943 года. Общему наступлению армии предшествовала артиллерийская подготовка. Свою огневую мощь на врага обрушили более 3 тысяч орудий и длилась она 2 часа 40 минут. Разрывы снарядов и гул слышались даже в Сухиничах и Козельске, находившихся от фронта на расстоянии 30—40 километров.

Наша 11-я гвардейская дивизия перешла в наступление в составе 8-го гвардейского стрелкового корпуса с рубежа Юдино, Колосово на направлении главного удара 11-й гвардейской армии с задачей: прорвать оборону противника и, двигаясь в сторону Старица, Крапивна, Клен, Михайловка, Жудре, станция Самороково, перерезать железную дорогу Орел—Карачев³. Соседями дивизии были справа — 31-я, слева — 83-я гвардейские стрелковые дивизии.

На участке наступления дивизии немцы сильно укре-

¹ «За Родину». 1943. № 94.

² Там же.

³ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 30.

пились, используя выгодный для обороны рельеф местности. Первая ее полоса с траншеями и проволочными заграждениями простиралась на глубину от 5 до 7 км, вторая с той же глубиной находилась на удалении 8—9 км. Наиболее мощные узлы сопротивления были в районе Дудино и Перестряж. Поэтому командование дивизии и частей, вплоть до командиров рот, еще 10 июля провели рекогносцировку с командирами батарей и танковых подразделений, изучили маршруты выхода танков на исходные позиции и движения в атаку.

В ночь на 11 июля саперы проделали для танков проходы в минных полях и по два прохода для каждой стрелковой роты. Утром одиннадцатого июля была произведена разведка боем, в результате чего были уточнены огневые точки на переднем крае и система артиллерийского огня противника перед фронтом наступления дивизии.

А в 8.00 12 июля, после мощной артиллерийской подготовки, дивизия во взаимодействии с 43-й танковой бригадой перешла в наступление. Атака была стремительной. Части и подразделения с ходу овладели первой позицией обороны противника, потери были минимальными. Однако на следующий день враг предпринял несколько контратак, поддержанных танками и крупными силами пехоты. Одну из них против 27-го гвардейского полка, который вскоре ворвался в траншею второй полосы. Здесь отличился взвод лейтенанта Владимира Ионесяна из 9-й стрелковой роты. Его бойцы первыми оказались в окопах противника и в завязавшихся кровавых схватках уничтожили 38 гитлеровцев и 18 взяли в плен. Особенно смело и решительно действовали Лопатин, Игембердаев, Глебов, Бычков, Петрухин, Хреков, Шеркулаев. Не задерживаясь, рота продолжала продвигаться вперед и вскоре подошла к деревне Белый Верх. Но тут по ней открыла огонь вражеская батарея. Гвардейцы залегли. Тогда командир роты приказал взводу Ионесяна зайти в тыл врага и уничтожить ее. Умело используя кустарники и огороды, взвод незаметно подобрался к позициям батареи и напал на нее. Бросив шесть исправных гаубиц с большим запасом снарядов, немцы пустились наутек, оставив до 70 убитых. Воспользовавшись успехом взвода Ионесяна, рота поднилась и устремилась к деревне и захватила ее.

Не менее ожесточенные бои завязались в районе

деревни Старица. Оттуда фашисты предприняли сильную контратаку, поддержанную танками, но были отброшены с большими потерями. Воспользовавшись этим, командир 27-го гвардейского стрелкового полка майор Харченко осуществил дерзкий маневр: оставив часть своих сил на месте, он двумя батальонами обошел Старицу с запада и неожиданно атаковал деревню. И опять отличился взвод Ионесяна. В одной из схваток он уничтожил до 20 фашистов и шестерых захватил в плен. В другой схватке его однополчанин Алабердаев расстрелял из ручного пулемета шестерых гитлеровцев и добыл исправный трофей — станковый пулемет. Затем в рукопашной схватке он прикладом ручного пулемета убил немецкого офицера и солдата, а еще одного взял в плен. Смело действовал в этом бою командир взвода младший лейтенант В. М. Перерва. Он незаметно подполз по высокой пшенице к минометному расчету, мешавшему продвигаться роте вперед, и из автомата уничтожил его. А когда оказался раненым командир роты, возглавил бойцов и стремительной атакой захватил траншею, выбив оттуда немцев.

Исключительное мужество и отвагу в боях за Ста-

Рота связи 27-го гвардейского стрелкового полка. 1942 год

рицу показал пулеметчик 9-й роты 40-го гвардейского стрелкового полка парторг С. А. Кукунин. Заняв удобную позицию, он метким огнем своего пулемета отбил две контратаки противника, уложив наповал до сотни гитлеровцев. Но когда рота приблизилась к окраине деревни, вдруг ожил молчавший до этого дзот противника. Гвардейцы залегли совершенно на открытом месте, не смея поднять головы. Кукунин решил уничтожить огневую точку врага. Захватив гранату, он быстро пополз к дзоту. Будучи раненым, бросил ее в амбразуру, но неудачно, а враг продолжал поливать его однополчан свинцовым дождем. Тогда, собравшись с последними силами, он подполз к дзоту и закрыл амбразуру своим телом. Пулемет врага замолчал, и рота снова ринулась в атаку и ворвалась в деревню. Пожертвовав своей жизнью, славный воин-коммунист Сергей Кукунин обеспечил победу товарищам¹.

Смело действовал комсорг 3-го батальона того же 40-го полка лейтенант Емельянов. Пробравшись во вражеский тыл, он уничтожил из автомата 10 фашистов. Стрелки взвода 2-го батальона этого же полка под командованием лейтенанта Харитонов за два дня истребили до 50 фашистов, восемь из них сам лейтенант.

Беспримерное самообладание и стойкость показали в этом бою гвардейцы-бронейщики Родионов и Держев.

Из специального выпуска газеты «За Родину»²

«Прорвав вражескую оборону, гвардейцы нашей части неотступно преследуют отходящего противника. Враг пытается во что бы то ни стало остановить наше продвижение вперед, но все его попытки не имеют успеха.

Вчера, рано утром, фашисты предприняли контратаку при поддержке 60 танков и авиации. Но контратака гитлеровцев захлебнулась. В первые же минуты боя было подбито и подожжено 16 немецких танков.

25 танков противника шли навстречу гвардейцам подразделения товарища Костина. Наши доблестные воины встретили бронированных разбойников сокруши-

¹ За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 8.

² «За Родину». 1943. 14 июля.

тельным огнем из всех видов оружия. И гитлеровцы не устояли.

Исключительную отвагу и умение проявили в этом бою гвардейцы, красноармейцы товарищи Родионов и Дерезев. Родионов уничтожил из противотанкового оружия 4, Дерезев — 2 немецких танка.

Потеряв только на этом участке до 10 танков и большое количество живой силы, немцы вынуждены были отойти».

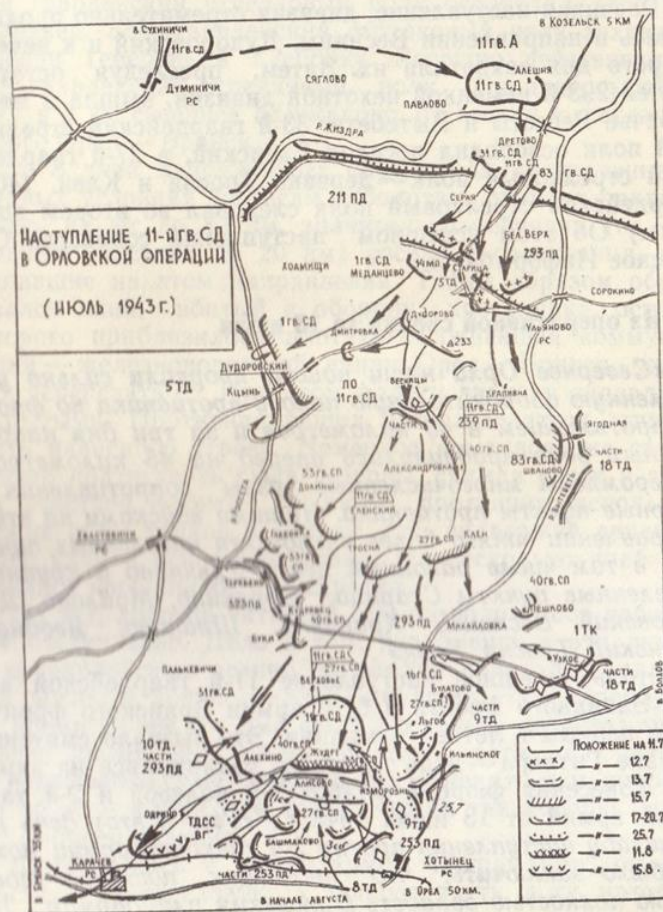
В следующем номере газета «За Родину» рассказала о подробностях схватки бронейщиков с немецкими танками. Вот что произошло.

Захватив первую траншею врага, подразделение товарища Курбатовского закрепилось в ней на случай контратаки фашистов. Вскоре она и последовала. Но к этому времени гвардейцы успели хорошо подготовиться. Отличную огневую позицию облюбовал Владимир Родионов. Он не новичок в этих делах, не раз приходилось ему схватиться с немцами, награжден медалью «За отвагу». Вот и теперь не дрогнул, увидев как 15 танков, а за ними до сотни автоматчиков вышли из деревни и направились в его сторону. Противник решил вернуть потерянные рубежи.

Стреляя на ходу из пушек и пулеметов, танки быстро приближались. Один из них оказался уже в зоне прицельного огня ПТР, но Родионов молчал. Он решил бить наверняка. Стоявшие в окопе товарищи заволновались, однако бронейщик был невозмутим. И только когда до танка оставалось 70—100 метров, Родионов нажал на спуск. Шипя и оставляя красный хвост, маленький снарядик устремился вперед. Угодил он в цель или нет, но танк продолжал приближаться. Родионов снова выстрелил, и тут только танк вспыхнул и остановился.

В это время второй танк оказался буквально в нескольких метрах. Владимир моментально, один за другим, послал в него свои снарядики. Танк загорелся, и фашисты стали выпрыгивать на землю, чтобы спастись бегством, но меткие пули товарищей Владимира косили их наповал.

Однако бой продолжался. Несмотря на потери, немцы наседали — во что бы то ни стало хотели отбить потерянные окопы. На помощь подразделению Курбатовского пришла наша артиллерия, а Владимир Родионов

успел поджечь еще два танка. Они дымили на поле боя, словно стога сена.

Так, в одном бою мужественный и умелый броневойщик поджег 4 немецких танка. Контратака немцев была отбита.

Развивая наступление, дивизия стремительно продвигалась в направлении Веснины, Дудоровский и к вечеру второго дня захватила их. Затем, преследуя остатки частей 293-й немецкой пехотной дивизии, вышла в междуречье Ресеты и Вытебети. 33-й гвардейский стрелковый полк освободил поселок Еленский, а 27-й гвардейский стрелковый полк — деревни Тросна и Клен. (40-й гвардейский стрелковый полк следовал во втором эшелоне.) Об этом успешном наступлении сообщило Советское Информбюро.

Из оперативной сводки за 15 июля

«Севернее Орла наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника по фронту протяжением в 40 километров и за три дня напряженных боев продвинулись вперед на 45 километров. Разгромлены многочисленные узлы сопротивления и опорные пункты противника. Нашими войсками на этом направлении занято более пятидесяти населенных пунктов, в том числе районный центр Ульяново и крупные населенные пункты Старица, Сорокино, Мойлово, Дудоровский, Веснины, Крапивна, Шваново, Ягодная, Еленский, Тросна, Клен»¹.

Столь успешное наступление 11-й гвардейской армии Западного фронта и 61-й армии Брянского фронта было первым в летней кампании. Это вызвало смятение в стане Гитлера — ведь теперь не свалишь все на зиму. Вот донесения фюреру штабов 9-й полевой и 2-й танковой армий от 13 июля 1943 г.: *«Уже в этот день по масштабу наступления против 2-й танковой армии можно было заключить, что противник поставил своей целью полностью овладеть Орловским плацдармом... На широком участке Восточного фронта в течение 48 часов произошли коренные изменения. Центр тяжести боевых операций переместился в район 2-й танковой ар-*

мии. Здесь кризис продолжает развиваться с невероятной быстротой»¹.

В последующие дни 11-я гвардейская дивизия, направляясь на направлении главного удара армии, продолжала продвигаться вперед. 17 июля введенный в бой 40-й гвардейский стрелковый полк освободил деревню Кудрявец, 33-й гвардейский стрелковый полк захватил деревни Теребень и Глебовку. Успешно действовал и 27-й гвардейский стрелковый полк. Овладев высотой 219,7 в 2 км севернее Башмаково, он вышел к железной дороге Орел — Брянск.

За 8 дней напряженных боев, ведя наступление в трудных условиях по лесам и болотам, дивизия продвинулась на юг до 80 км, значительно опередив (на отдельных участках на 20 км) соседние соединения, наступавшие на этом направлении. Таким образом образовался клин, вбитый в оборону противника, острие которого приблизилось вплотную к важнейшей коммуникации — железнодорожной линии Орел — Брянск, угрожая перерезать ее. При этом фланги дивизии оказались открытыми. Противник решил воспользоваться этим и снять нависшую угрозу. Немецкое командование стало спешно подтягивать сюда резервы, снимая части с других участков фронта². 20 июля противник, используя свежие силы танков и пехоты, при поддержке авиации нанес удар в основание клина. На несколько дней завязались кровопролитные схватки.

Но тут, дорогие читатели, мы позволим себе небольшое отступление. Дело в том, что именно в эти дни в 11-ю гвардейскую армию Баграмяна приехал специальный военный корреспондент писатель Илья Эренбург. Во время войны его имя было буквально на устах миллионов людей, его слово разило врага, как штык. И, естественно, нам хотелось бы сообщить вам подробнее об этом факте, тем более, что он так хорошо написал о нашей дивизии.

Встретившись с командармом Баграмяном, он попросился на передовую, в лучшую часть, в ту, которая сейчас впереди всех. Иван Христофорович сразу же и сказал, что, раз в самую-самую, то, значит, в 11-ю гвардейскую дивизию. И вот Эренбург у нас в политотделе.

¹ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. С. 212.

² ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 31.

¹ Сообщение Советского Информбюро. Т. 5, М., 1944. С. 26.

Это было 21 июля. Меня вызвал заместитель начальника политотдела Селектор, познакомил с Ильей Григорьевичем и поручил сопровождать в 27-й полк, так как он был на самом острие наступления.

Помню, был тогда солнечный день. По пути мы дважды подверглись нападению «мессершмитта». Заметив наш газик, немецкий летчик, решив, что едут важные командиры, сделал над нами круг и с небольшой высоты дал пулеметную очередь. К счастью, она прошла мимо. Это понял фашист. А так как я уже знал, что раз немец не попал, то, обозленный, он обязательно повторит свой маневр, и сказал водителю съехать на обочину, а сами мы легли в кювет. Догадка оправдалась. Развернувшись, стервятник снова появился над нами. Не знаю, видел ли он нас, но патронов не жалел и выжал гашетку до конца. Однако и на этот раз нам повезло и мы продолжили путь, а вскоре были в штабе 27-го полка. Статный, черноусый майор Николай Васильевич Харченко понравился Эренбургу своим спокойствием и рассудительностью. Он рассказал гостю о положении на его участке, о героизме и мужестве личного состава. Не скрыл, что тяжело в эти дни (вся беседа проходила под непрерывный гул самолетов и грохот орудейных взрывов), но «мы — гвардейцы», а это обязывает. То и дело звонили телефоны, пищала рация. Эренбург понимал — командиру надо руководить боем, и, поблагодарив Харченко, мы уехали.

Перед тем, как вернуться в политотдел дивизии, мы заехали к нам в редакцию газеты «За Родину». Еще по дороге я попросил Эренбурга написать статью о впечатлениях. Он согласился. Тут же под огромным раскидистым деревом его усадили на стул, на другой такой же поставили машинку, и вскоре она застучала. Минут через 30 статья была готова, а на утро опубликована в газете и доставлена в части и подразделения.

Вот эта статья.

«Вперед, товарищи гвардейцы!»

Фрицы свято верили, что война проходит по немецкому календарю. Они считали, что лето принадлежит им. Мы им показали, что мы умеем бить немцев во все времена года. Прежде мы видели фрицев, которые драпали по снегу. Теперь мы видим фрицев, драпающих по зеленой траве.

Откуда такая перемена? Может быть, фриц не фриц?

Нет, фриц остается фрицем. У немцев есть и танки, и самолеты, и автоматы. Почему же они отступают? Мы стали другими. Мы научились по-настоящему ненавидеть немцев. Мы научились переводить эту ненависть на язык снарядов, мин, пуль. Мы научились воевать. Довольно немецкие танки катались на нашей земле. Нашлась на фрицев управа. Теперь они хнычут и притворно хитрят: «Русь, мы капут, мы работать!» Хватит! Поработали. Мы теперь не разговариваем с фрицами. Мы их судим — судом скорым и справедливым.

Два года тому назад в этих самых лесах немцы кричали: «Сдавайтесь! Вы окружены!» Теперь они произносят слово окружение с трепетом. Проклятые колбасники хотели окружить Россию. В Сталинграде они поняли, что такое окружение. Сталинград был только началом, холодной закуской, а жаркое впереди. По-немецки окружение — «кассел». Это есть котел. Они туда обязательно попадут.

Уж ничто не поможет немцам. Они еще месяц тому назад верили в «тигров». Мы им показали, что их «тигры» тоже умеют полыхать. Теперь они надеются на каких-то «пантер». Не вывезут их и «пантеры». Не вывезут их жалкие шакалы, кучка русских предателей. По ним тоскуют осины. Иуда получил за предательство тридцать серебряников, а потом повесился. Русские предатели, которые одеты в немецкую форму и сражаются за Гитлера, получают от немцев 360 рублей. Эти не повесятся. Этих повесят.

С восхищением смотрит мир на подвиги бойцов, которые за десять дней прошли 80 километров по орловской земле. Немцы дрожат: угроза повисла над важной для них магистралью¹. Пленный фриц мне сегодня сказал: «В Карачеве все наши потеряли голову». Ничего, мы найдем их головы в Карачеве, в Орле, в Брянске, в Берлине. Мы вышли в путь и ничто нас больше не остановит. Молодой боец Дмитрий Буйлов был под сапогом немцев в Калининской области. Он говорит: «Я на них сильно осерчал». Он говорит: «Теперь мы идем вперед. Мы все осерчали, а идти вперед весело». Пусть нас ведет великое русское слово — «вперед». По нас заждались каждый русский дом. По нас заждались каждое дерево. По нас заждались победа.

¹ Имеется в виду ж. д. Орел—Брянск. Высота 219, 7.

Каждый день союзники бомбят немецкие города. Бомбят всерьез, не жалея фугасок. От четырехтонных бомб просветлели даже головы немцев. Война кричит с неба: «Я иду!» Война уже зашагала по земле. Она переплыла море. Она пробирается к границам Германии. В солидном котле мы сварим проклятую Фрицландию.

Наше наступление с каждым днем растет. История не забудет прекрасного дня 12 июля¹, когда доблестные бойцы прорвали немецкую оборону. Два года фрицы топтали орловскую землю. Теперь они отступают.

Младший лейтенант Ионесян замечательно поработал.

Он сократил немецкое стадо на 38 голов. Он взял 18 колбасников живьем. Вместе с семью бойцами он захватил пять орудий. Товарищ Ионесян мне сказал: «Я их ненавижу и презираю». Прекрасные слова — в них все чувства нашей исстрадавшейся Родины. Я мог бы упомянуть много имен. Ионесян — армянин. Рядом с ним героически сражаются все дети России: русский Родионово, украинец Шевченко, узбек Игейбердиев, еврей Плавник. У нас много разных языков, но когда мы говорим с немцем — у нас один язык ненависти. У нас одно горе. У нас одна мечта и одна любовь.

Вперед, друзья — к победе, к счастью, к жизни!

Илья Эренбург².

Однако вернемся к боям в районе деревни Башмаково, что в километре от железной дороги, связывающей Орел и Брянск. Понимая огромное значение этого факта, противник ввел 3 августа в бой дивизию СС «Великая Германия»: по существу именно здесь решалась судьба Орловского выступа. Противник не считался с потерями. Мощное контрнаступление он начал в направлении деревень Изморозь и Алисово. Большое количество танков и пехоты, поддержанные авиацией, обрушились на позиции 40-го гвардейского стрелкового полка, занимавшего деревню Кудрявец, и на 27-й гвардейский стрелковый полк, закрепившийся на высоте 219,7. Противнику удалось потеснить наши части. Особенно туго пришлось 33-му гвардейскому стрелковому

¹ Имеется в виду начало наступления нашей дивизии.

² «За Родину». 1943. 22 июля. Статья публикуется без сокращений.

полку, который оказался в окружении. В течение целой ночи он отбивал яростные атаки и только к утру, прорвав кольцо, занял новый рубеж¹.

О напряжении сражения 3 августа можно судить по таким цифрам: частями дивизии за день было подбито и сожжено 43 немецких танка, из них три «тигра», уничтожены 2 бронемшины, 10 орудий, 7 минометов, более 20 станковых пулеметов. Противник потерял только убитыми 680 солдат и офицеров².

Ожесточенные бои продолжались еще несколько дней, в ходе которых личный состав показал множество примеров героизма, мужества и высокие образцы военного мастерства.

Под напором крупных сил немцев нашей дивизии пришлось, однако, оставить высоту 219,7 и закрепиться на рубеже Алисово — Изморозь. На помощь пришли по приказу Баграмяна 31-я гвардейская и 169-я стрелковая дивизии. Вражеские «пантеры», «тигры» и «фердинанды» пытались атаковать стык дивизии с 31-й гвардейской стрелковой дивизией, где действовали 27-й и 40-й полки, но были отброшены мощным огнем артиллерии. В поисках спасения они повернули к ближнему лесу, но там стояли на прямой наводке орудия 30-го артиллерийского полка майора В. П. Семенко.

«Рассыпавшись в линию, немецкие танки устремились к лесу, где стояли наши Т-34 и батареи 30-го гвардейского артиллерийского полка, — вспоминает майор В. П. Семенко. — Мы открыли ураганный огонь прямой наводкой. Было видно, как снаряды попадают в броню «тигров» и «пантер», но они шли как ни в чем не бывало. Думаю: «Неужели не остановим?» Казалось, вот вот дрогнут мои ребята. Но тут один из «тигров» вдруг завертелся на месте с подбитой гусеницей. Потом вижу, и другого «тигра» заклинило башню. Значит, можно с ними расправляться. Настроение у артиллеристов поднялось. И дело пошло. Целый день продолжался бой. Мы находились в лучшем положении, за кустарником и деревьями, а немцы на открытом месте и это нам помогло. Совместно с танкистами Т-34 было подбито несколько фашистских бронированных чудовищ, в том

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 31.

² Там же, л. 32.

числе 10 «тигров» и «пантер». Особенно умело руководили своими артиллеристами в этой схватке командиры Федоров, Полевничий, Аверкин, Арясов.

В одну из контратак немцы бросили на огневые позиции артиллеристов 30-го гвардейского артполка 16 танков. За ними шла пехота. Выскочив из-за вышки, они атаковали батарею Разоренкова. С каждой минутой враг приближался. Танки вели огонь из пушек и пулеметов, чтобы ошеломить гвардейцев. Но те не растерялись. Подпустив их поближе, они прямой наводкой встрелили врага. Особо отличился расчет парторга Панкратова, подбившего два танка. А всего немцы в этой схватке потеряли 7 «тигров».

Хорошо показала себя и артиллерия стрелковых полков, в частности 40-го гвардейского стрелкового полка под командованием начальника артиллерии майора Р. А. Валиева. Дивизионная газета «За Родину» поместила в те дни стихи о его бомбардирах. Есть там такое четверостишие:

На большой лесной поляне
Догорают вражьи танки,
Там Валиева ребята
Разгромили супостата.

Надо сказать, что к этому времени полоса наступления 11-й гвардейской армии расширилась до 120 км, войска вклинились в глубину обороны до 70 км. Ее соединения и части поредели, задействованы были даже резервы. Понесла большие потери и наша 11-я гвардейская дивизия, но, несмотря на это, армия продолжала наступать. 8-й корпус медленно, но неуклонно обходил Болхов с запада. Вот-вот его соединения перехватят шоссе, связывавшую Болховскую группировку противника с его базами в Брянске. Передовые части 16-й и 11-й гвардейских дивизий приблизились на 15 км к Хотынцу. А ведь именно в Хотынце должна была встретиться 11-я гвардейская армия Западного фронта с 61-й армией Брянского фронта, чтобы окружить фашистские войска на Орловском фронте. Бой за Хотынец приняли затяжной характер. Он был освобожден лишь 10 августа.

Затем дивизия приняла участие в освобождении г. Карачева — важного узла дорог. Это произошло 15 августа. В Карачеве был похоронен Герой Совет-

ского Союза Владимир Ионесян, получивший смертельную рану в одной из схваток с противником.

После освобождения Карачева 11-я гвардейская армия, уже переданная в состав Брянского фронта, приняла участие в боях за крупный промышленный и дорожный узел город Брянск вместе с 3-й и 50-й армиями. 7 сентября она овладела железнодорожной станцией и городом Навля, а затем глубоким обходом отбросила противостоящие ей гитлеровские войска за Десну, успешно форсировав реку. Активно действуя к югу от Брянска, армия отвлекла значительные силы противника и тем самым во многом помогла освобождению Брянска.

Так завершилось участие 11-й гвардейской стрелковой дивизии в операции «Кутузов» — составной части грандиозной битвы на Курской дуге. Более двух месяцев вместе с другими соединениями 11-й гвардейской армии она прошла с боями почти 230 километров и участвовала в Болховской, Хотынецкой и Карачевской операциях, освободив от захватчиков более 80 населенных пунктов. За время наступательных боев с 12 июля по 15 августа 1943 года части 11-й гвардейской стрелковой дивизии подбили и сожгли 101 немецкий танк, уничтожили 9 самолетов, 21 орудие, 27 минометов, 71 станковый пулемет. Истреблено 4650 солдат и офицеров противника. Взято в плен 138 человек¹.

В своей книге «Так шли мы к победе» маршал Советского Союза Баграмян неоднократно отмечал боевой дух наших гвардейцев, стойкость и дисциплину, готовность пожертвовать собой ради свободы и независимости социалистической Родины. Свыше 900 бойцов и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями за бои на Орловском выступе.

«Курская битва, — пишет Баграмян, — по своему ожесточению и упорству не имеет себе равных. Именно в ходе ее летом 1943 года был сломлен хребет фашистской армии, она окончательно утратила стратегическую инициативу, а в результате последующего успешного наступления Красной Армии к концу года был завершён коренной перелом в ходе второй мировой войны»².

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 32.

² Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 253.

Битва на Курской дуге имела широкий международный резонанс. Вот что писал о ней известный американский журналист и историк Г. Солсбери: «Эта битва, пожалуй, самая большая битва второй мировой войны и уж наверняка крупнейшее танковое сражение. С обеих сторон участвовало более шести тысяч танков. Поражение немцев было столь страшным, что они больше не могли вернуть стратегической инициативы на Восточном фронте... Результаты были уничтожающими. Немцы покатались назад с огромными потерями. Через несколько дней стало ясно, что им нанесен удар такой страшной силы, что они уже никогда не смогут полностью прийти в себя»¹.

Участие в Курской битве значительно обогатило боевой опыт командиров и политработников, всех воинских дивизий в заблаговременной подготовке к прорыву сильно укрепленной, глубоко эшелонированной обороны противника, в стремительном выходе на оперативный простор, в отрыве от главных сил армии и отражении мощного танкового контрудара. Опыт этот был успешно применен позже при освобождении Белоруссии и Литвы, а также в Восточно-Прусской операции.

ГВАРДЕЙСКАЯ ГОРОДОКСКАЯ

К началу октября 1943 года обстановка на советско-германском фронте в целом сложилась для нас благоприятная. Это было результатом прежде всего исторической победной битвы на Курской дуге. Контрнаступление советских войск здесь переросло в общее стратегическое наступление Красной Армии, потрясшее весь немецкий фронт от Великих Лук до Черного моря. Войска Калининского и Западного фронтов достигли подступов к Витебску, Орше и Могилеву. Центральный, Воронежский и Степной фронты вышли к среднему течению Днепра и во многих местах форсировали его. Брянский фронт, в который входила и 11-я гвардейская армия, в том числе и наша 11-я гвардейская дивизия, к этому времени продвинулся на 250 километров и вышел к верхнему течению Днепра, к северу от Гомеля.

¹ «Коммунист». 1970. № 1. С. 89.

Но враг, образно говоря, был лишь смертельно ранен, еще очень силен и в своей агонии мог наделать много бед. Еще томились под пятой фашистов часть Украины, Молдавия, большая часть Белоруссии, Прибалтика. Неважно сложились дела на 1-м Прибалтийском фронте, где две его армии — 3-я и 4-я ударные — после успеха под Невелем оказались в мешке, а точнее в «графине» (как шутили военные, имея в виду конфигурацию линии фронта) с узкой горловиной южнее Невеля, которую враг мог закупорить пробкой в любое время.

Вот сюда, после расформирования Брянского фронта, и прибыла наша 11-я гвардейская армия и вошла сначала во вновь созданный 2-й Прибалтийский фронт, а затем в 1-й Прибалтийский, командующим которого был назначен генерал И. Х. Баграмян, а командармом 11-й гвардейской стал генерал К. Н. Галицкий. К 25 октября соединения армии по железной дороге были перебросены с Брянского направления в район юго-западнее Великих Лук, а затем, совершив с 16 по 20 ноября трудный из-за бездорожья 120-километровый марш, сосредоточились в районе юго-восточнее Невеля по обе стороны шоссе Невель — Усвяты на удалении 20—25 км от линии фронта. В составе армии были 8-й, 36-й и 16-й гвардейские стрелковые корпуса, в последний вошла наша 11-я гвардейская дивизия.

Задача 1-го Прибалтийского фронта к тому времени состояла в том, чтобы разгромить Городокскую группировку противника, облегчить положение двух армий, о которых уже упоминалось, а в последующем, развивая наступление, овладеть Витебском. Основную роль в этой операции должна была сыграть 11-я гвардейская армия, усиленная 1-м танковым корпусом. Ей же была придана основная масса артиллерии фронта. Главный удар должны были нанести 36-й и 16-й гвардейские корпуса. Глубина намечавшейся по плану операции должна достигнуть 100 километров.

В задачу 16-го гвардейского корпуса, усиленного 10-й гвардейской танковой бригадой, входило: прорвать оборону на трехкилометровом участке Мамоново, Пухляки. Он наносил главный удар в направлении Кошкино, развивая его вдоль шоссе на Городок. К исходу первого дня ему ставилась задача продвинуться на 12—

14 км и овладеть рубежом Воронята, Николаенки, Будница и в дальнейшем наступать на Городок.

Устанавливался срок готовности армии к утру 24 ноября. В ночь на 25 ноября ударной группировке, т. е. 36-му и 16-му корпусам, предстояло сменить части 83-го стрелкового корпуса.

Но операцию пришлось отложить из-за невероятно тяжелых погодных условий. Стал быстро таять выпавший накануне снег, пошли дожди, небо сплошь закрылось тучами, поэтому совершенно исключалось применение авиации. Дороги стали непроходимыми даже для гусеничного транспорта. Особенно тяжело было с подвозом боеприпасов из Великих Лук, между тем дивизии пока имели от 0,3 до 0,5 боекомплекта. Даже для неискушенного в военных делах было ясно, что наступать с таким запасом просто невыносимо. Поэтому повсюду в частях и подразделениях были созданы специальные отряды по доставке боеприпасов. О применении каких-либо транспортных средств не могло быть и речи. Использовались только лошади для вьюков и люди — только по цепочке, передавая снаряды из рук в руки на расстоянии от 15 до 20 км. Это была поистине титаническая, ни с чем не сравнимая работа. Невозможно было вытащить ногу из грязи, не оставив там сапог.

В течение нескольких дней солдаты в руках и на спине таскали на 25 км продукты, мины, снаряды вплоть до тяжелых 122-миллиметровых¹. И тут особенно сказались значение массово-политической работы партийных организаций, личный пример коммунистов и комсомольцев. Находясь вместе со всеми, во время перекуров и перекуров они разъясняли личному составу создавшуюся обстановку, рассказывали о положении на различных фронтах. О том, что к этому времени Красная Армия освободила Киев и там идут бои по очищению от захватчиков Правобережной Украины, что враг изгнан из восточных районов Белоруссии и теперь дело за нашей и другими дивизиями. Все это вдохновляло людей, вселяло бодрость духа и надежды, и дело спорилось. Уже к 8 декабря, на которое намечалось наступление, в частях и подразделениях удалось накопить почти 1,5 комплекта снарядов и мин и почти 7-дневный запас продовольствия.

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 51.

Но погода не улучшалась. Ставка дала отсрочку еще на неделю, так как больше ждать было нельзя: готовилось крупное наступление войск Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов. Поэтому 1-й Прибалтийский фронт должен был начать наступление первым, чтобы сковать силы противника и тем самым помочь войскам на северных направлениях, а также содействовать дальнейшему успеху Красной Армии на юго-западе страны.

И вот пришел день наступления — 13 декабря. Полки заняли исходные позиции для атаки. Надо сказать, что в полосе нашей дивизии противник сильно укрепился, особенно после потери Невеля и Великих Лук. Его оборона состояла из нескольких линий траншей, блиндажей в 3—5 накатов, соединенных ходами сообщения. Все подступы к ним были заминированы и опутаны колючей проволокой. Кроме того, немцы использовали ранее подбитые танки и бронетранспортеры, вкопав их в землю и превратив в пулеметно-артиллерийские точки. Серьезным орешком был город Городок. Расположенный недалеко от крупного транспортного узла железных и шоссейных дорог города Витебска, он был как бы его форпостом. Трудность обуславливалась еще и тем, что с трех сторон Городок прикрывался озерами. Этим немцы умело распорядились, создав здесь опорные пункты почти на непрерывной цепи высот. Так что рассчитывать на легкий успех не было никаких оснований, что и подтвердилось.

Перед атакой на врага обрушился массированный артналет. Раздался первый залп «катюш». Вслед за тем открыли огонь артиллерия и минометы, а когда огневой вал был перенесен в глубь обороны и взвились сигнальные ракеты, началась атака. Из-за тумана и сплошной низкой облачности в атаке не могла принять участия авиация, тем не менее уже в первый день 40-й гвардейский стрелковый полк прорвал глубоко эшелонированную оборону противника в районе Кошкино, Мамоново, Голынино, Грибачи и продвинулся вперед до 4 км. Большую помощь ему оказали артиллеристы 30-го гвардейского артполка. Особенно отличились орудийные расчеты Суханова и Завьялова, уничтожившие стопятидесятимиллиметровую батарею и несколько огневых точек и блиндажей противника. Вражеское орудие и несколько дзотов подавил из своей гаубицы знаменитый

и 83-й гвардейским дивизиям почетного наименования Городокских.

Подводя итоги Городокской операции, следует еще раз подчеркнуть, что она проводилась в сложнейших и тяжелейших условиях местности и погоды. Тем не менее в ходе ее осуществления, преодолевая исключительно упорное сопротивление немцев и сильную оборону, советские войска освободили свыше 1220 населенных пунктов, уничтожили более 65 000 солдат и офицеров врага, взяли в плен 3300 гитлеровцев и захватили большое количество боевой техники и военного имущества¹.

«Страшную картину увидели мы после освобождения Городка,—вспоминает парторг 40-го гвардейского стрелкового полка майор М. С. Позднин²,—отовсюду, из ям и подвалов, из разных щелей выходили люди, чтобы встретить нас. Изможденные, голодные, они еле стояли на ногах. Через силу улыбались, радостно приветствовали нас. Я немедленно организовал питание. Вскоре задымили солдатские кухни. Каждому мы выдали котелки, наливали горячего супа, поили чаем. С помощью военторга организовали продпалатки, которые торговали с утра и до позднего вечера хлебом, крупой, сахаром. На наиболее крупных улицах, на центральной площади открыли пункты медпомощи, чтобы подлечить наиболее нуждающихся. Как заместителю коменданта города, пришлось оказывать помощь оставшимся в живых, чтобы они похоронили трупы убитых и повешенных. Сколько пережили люди—ведь два с половиной года томилась в неволе. Два с половиной года над ними издевались, их убивали и расстреливали фашисты без жалости за малейшее подозрение. Уже в первый день мне рассказали о потрясающих фактах, о зверских притисах над ни в чем не повинными людьми. О жуткой картине рассказала Ефросинья Афанасьевна Степанова. «Я видела,—говорила она,—десятки повешенных мужчин и женщин на аллее, которая проходила от вокзала до шоссе на Витебск. На каждом дереве, через каждый метр висели люди на протяжении целого ки-

¹ ЦАМО СССР, ф. 235, оп. 2074, д. 829, л. 13—14.

² М. С. Позднин был назначен после освобождения города Городок заместителем коменданта города. Позднее он стал его почетным гражданином.

лометра. Когда родственники пытались снять их, гитлеровцы их тут же расстреливали или вешали. Повешенных можно было увидеть на каждом углу, на телефонных столбах». О масштабах разбоя фашистских зверей свидетельствует также цифра: каждый второй житель Городка был убит, расстрелян или повешен.

Спросил как-то ребятишек: «А детей расстреливали?»

— Нет. Маленьких живыми бросали в глубокую яму, и на них кидали расстрелянных взрослых и закапывали,—отвечали мне.

Во дворе комендатуры гитлеровские вандалы устроили ледяную площадку, где ежедневно мучили людей. Однажды в лютый мороз на эту площадку вывели раздетого и разутого партизана, продержав его на льду несколько часов. Не добившись от него нужных сведений, палачи сначала отрубили ему одну ногу, а потом другую. Но партизан молчал. Тогда разъяренные людоеды принялись его поливать водой, пока он не превратился в ледяную горку.

Некоторых фашистов-душегубов мы захватили при освобождении Городка. В городе состоялся над ними военно-полевой суд, и они получили по заслугам. Население ликовало. Свершилось отмщение».

Отбросив противника к озеру Лосвида, что севернее Витебска, дивизия в конце декабря перешла к обороне в районе Батали и Каменка. Попытки прорваться к Витебску западнее Лосвида в первой декаде января 1944 года успеха не имели. После этого дивизия была выведена во второй эшелон армии и заняла оборону южнее Городка, прикрывая Витебское шоссе. Во второй половине февраля 11-я гвардейская армия передается в состав 2-го Прибалтийского фронта. Ее войска перегруппировались из-под Витебска на северо-запад. 11-я гвардейская дивизия, совершив стокилометровый марш, сосредоточилась в районе юго-западнее Усть-Долыссы. В это время, накануне 23 февраля 1944 года, в дивизию вместо генерал-майора А. И. Максимова прибыл новый командир полковник Н. Г. Цыганов, несколько раньше—в январе—начальником штаба был назначен вместо погибшего 17 декабря 1943 года в районе Бычихи полковника Овсянникова подполковник П. Г. Яновский. Новому командиру Цыганову было 35 лет, перед войной окончил Военную академию. Забе-

гая вперед, можно сказать, что в последовавших боях дивизия под его руководством приумножила свою боевую славу, а самому ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В феврале и марте 11-я гвардейская дивизия участвовала в боях за Свибло, Сутоки, Уклеино, но без особых успехов: противник крепко держал оборону, не считаясь с потерями.

В начале апреля 11-я гвардейская армия была выведена в резерв Верховного Главнокомандования. Наша дивизия сосредоточилась для отдыха и пополнения в районе озера Неведро.

Хотя февральско-мартовские бои 1944 года не принесли 11-й гвардейской армии желаемых результатов, тем не менее она сыграла важную роль в успехе Красной Армии под Ленинградом и Новгородом, отвлекая на себя крупные силы противника.

Итак, начало 1944 года было отмечено новыми успехами советских войск по изгнанию врага с нашей родной земли. На юге была освобождена Правобережная Украина. Фашисты были отброшены здесь за Луцк, Черновцы и Днепр. В апреле — мае оккупанты были изгнаны из Крыма. На очереди встал вопрос об освобождении Белоруссии и Прибалтики.

27 мая 11-я гвардейская армия была передана в состав 3-го Белорусского фронта. В тот же день, вечером, наша теперь уже 11-я Городокская Краснознаменная стрелковая дивизия выступила в поход по маршруту: Бычиха, Курино, Яновичи, Лиозно. Семь дней скрытно продолжался марш, и к утру 6 июня наши подразделения вошли в район Горбово, что юго-западнее станции Рудня. Отсюда она вновь по тревоге будет поднята, чтобы принять участие в знаменитой исторической операции «Багратион» по освобождению Белоруссии и Литвы. И если в этом свете рассматривать Городокскую операцию, то можно сказать, что она создала важные предпосылки для последующих успехов Красной Армии в районе Витебска, удара на Полоцк и территорию Прибалтики¹.

В апреле — мае 1944 года наша дивизия вместе с другими соединениями 11-й гвардейской армии находи-

¹ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 286.

лась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования в районе южнее города Невель. Здесь она доукомплектовывалась личным составом, лошадьми, вооружением и боевой техникой, а также проводила напряженную учебу по взаимодействию подразделений и частей для предстоящих наступательных операций. Численность дивизии была доведена до 7200 человек. Как и в других соединениях, в дивизии был сформирован отдельный дивизион самоходных артиллерийских установок в количестве 13 СУ-76 под командованием майора Н. М. Соколова.

В период с 27 мая по 11 июня дивизия совершила в составе армии перегруппировку на расстоянии 250 км на Оршанское направление с целью подготовки и участия в грандиозной операции «Багратион». 12 июня она сосредоточилась в районе Гарбово во втором эшелоне 16-го гвардейского стрелкового корпуса, чтобы отсюда начать наступление вместе с другими соединениями по освобождению Белоруссии.

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

Планируя военные действия на 1944 год, советское Верховное Главнокомандование учитывало общее положение на советско-германском фронте, а оно было в пользу Красной Армии. После разгрома немцев на Курской дуге Советские Вооруженные Силы сами, теперь уже по своему усмотрению, назначали, где, когда, какими силами нанести удары по врагу, сами определяли темп и характер борьбы на фронтах. Отныне окончательно и бесповоротно стратегическая инициатива перешла в наши руки. Советский Союз теперь диктовал противнику свои условия и, планируя операции, исходил лишь из главной задачи: нанести врагу как можно больший урон и быстрее изгнать его с оккупированной территории. Слишком затянулась эта история, слишком пострадали советские люди под гитлеровским игмом. Так встал вопрос об освобождении Белоруссии.

К этому времени в результате упорных зимних и весенних боев 1943—1944 годов линия советско-германского фронта здесь приняла своеобразное очертание — образовался огромный выступ, обращенный вершиной на восток (нечто похожее на Курскую дугу, только на-

оборот — там выступ был обращен на запад). Внутри этого выступа, который фашисты называли «белорусским балконом», находилась крупная, до зубов вооруженная группа армий «Центр» в составе трех полевых — 4-й, 9-й, 2-й и 3-й танковой армий. Их поддерживал 6-й воздушный флот. К северу от «балкона» размещалась 16-я полевая армия группы «Север», а южнее — 4-я танковая армия группы «Юг». Всего же в Белоруссии насчитывалось свыше 1 млн 200 тысяч гитлеровских войск.

Поскольку Красная Армия вела успешные операции на юге, немецкое командование, готовясь к летней кампании 1944 года, считало наиболее вероятным, что Советский Союз будет и дальше развивать там наступление. «...Мы предполагали, — говорил впоследствии на Нюрнбергском процессе бывший начальник штаба оперативного руководства Верховного командования Йодль, — что удар со стороны русских последует на южном участке, а именно в направлении румынской нефти, поэтому основное количество танковых дивизий и было сосредоточено нами в районе южных групп армий...»¹.

Такого же мнения придерживался и начальник штаба Верховного командования вооруженных сил Германии Кейтель. На совещании в мае 1944 года он заявил: «На Восточном фронте положение стабилизировалось. Можно быть спокойным, так как русские не скоро могут начать наступление. Исходя из данных о перегруппировке сил противника и общего военного и политического положения, надо считать, что русские, вероятно, свои главные силы сконцентрируют на южном участке фронта. Они теперь не в состоянии одновременно вести бои на нескольких главных направлениях...»².

В свою очередь в немецко-фашистском «Бюллетене оценок положения противника на Восточном фронте» в номере от 13 июня 1944 года утверждалось, что готовящиеся наступательные действия советских войск «...против группы армий... «Центр» имеют цель завести в заблуждение германское командование относительно на-

правления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем...»¹.

Обратите внимание. Немецкая разведка уже знала о подготовке наступления против группы армий «Центр», но просчиталась в оценке, приняв эту подготовку за дезинформацию русских. Впоследствии гитлеровское командование спохватилось, но было поздно. Надо сказать, такая оценка была не случайной — ведь сколько раз Геббельс во всеуслышанье объявлял, что Красная Армия разбита. А тут готовящаяся операция: не может быть, чтобы Красная Армия наступала одновременно — на юге и в центре. В «Волчьем логове» такую мысль приняли за крамолу. Просто русские, считали там, готовят частный, отвлекающий маневр сковывающего характера.

Что ж, как говорят, тем лучше для нас. И советское командование всемерно поддерживало эту версию, намеренно не только оставляя на юге большинство своих танковых соединений, но и пополняя их.

А тем временем Генштаб уже разрабатывал (с апреля 1944 года) операцию «Багратион». «В основу плана, — пишет маршал Василевский, — был положен замысел Верховного Главнокомандования, которым предусматривалось мощными сходящимися ударами по флангам Белорусского выступа — с севера от Витебска через Борисов на Минск и с юга через Бобруйск так же на Минск — разгромить главные силы немецкой группы армий «Центр», находившиеся в середине выступа, восточнее Минска. Предполагалось, что успешное выполнение замысла позволит полностью освободить всю территорию Белоруссии, отбросить все еще нависавший над Москвой вражеский фронт западнее Смоленска, далее выходом на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии рассеять стратегический фронт врага, поставив в опасное положение действующую в Прибалтике группу армий «Север», создать выгодные предпосылки для нанесения последующих ударов по врагу как в Прибалтике, так и в западных районах Украины и для развития новых, решающих операций на наибо-

¹ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1958. Т. 3. С. 285.

² Там же.

¹ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1958. Т. 3. С. 285.

лее уязвимых для немцев Восточно-Прусском и Варшавском направлениях»¹.

Этот грандиозный план должны были осуществить одновременно переходом в наступление войска 4-х фронтов — 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского — на различных направлениях, чтобы разрезать стратегический фронт немцев, окружить и уничтожить группировки противника сначала в районах Витебска и Бобруйска, а затем восточнее Минска.

1-й Белорусский фронт, согласно плану «Багратион», нацеливался на Минск с юго-востока, 2-й должен был наступать в центре, а 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский, в который входила наша 11-я гвардейская армия, с северо-востока.

Ближайшая задача 11-й гвардейской армии — одной дивизией наступать на левом фланге из Заболотья в направлении Барань, Новоселье для содействия соседю — 31-й армии в овладении Оршей. На правом же фланге силами 152-го полевого укрепленного района свертывать боевой порядок противника в направлении Бабиновичей. Это же будет делать и соседняя 5-я армия ударом одной дивизии с севера. *«Основная идея решения в соответствии с указаниями фронта, — пишет командующий 11-й гвардейской армией генерал К. Н. Галицкий, — заключалась в следующем: на главном направлении прорвать первую полосу обороны противника и, наращая удар вдоль автомагистрали² и севернее ее, вводом в сражение 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса и одной стрелковой дивизии — в первый день, трех стрелковых дивизий — во второй день и одной стрелковой дивизии — в третий день наступления разгромить противостоящую группировку, продвинувшись на всю глубину ее подготовленной обороны. Этой же цели должен был служить вспомогательный удар на направлении Остров — Юрьев, Гришаны, Смоляны. Там намечалось, используя лесистый район, быстро выдвинуть часть сил и в глубине охватить ими с севера противника, оборонявшегося вдоль магистрали»³.*

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974. С. 416.

² Москва—Минск. (В. К.).

³ Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний, 1941—1944. М.: «Наука», 1973. С. 466.

На главном направлении наступления 11-й гвардейской армии — на 7,5-километровом участке Осинстрой, Куреево — должна была действовать ударная группировка в составе 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов. Здесь было сосредоточено до 250 орудий и минометов на 1 километр фронта. 16-й гвардейский стрелковый корпус, в который входила наша 11-я гвардейская дивизия, а также 1-я и 31-я гвардейские дивизии, наносил вспомогательный удар. Его задача: прорвать оборону противника на участке озера Зеленское, Езериче силами приданного 152-го полевого укрепленного района, а на участке Остров-Юрьев, Осинстрой частями 31-й гвардейской дивизии разгромить 256-ю пехотную дивизию врага и выйти на рубеж Самостойка, Еленцы, Хутора Брюховские, продвинувшись вперед на 8—10 километров.

Грандиозное наступление 4-х фронтов по осуществлению операции «Багратион» началось 23 июня одновременно, в том числе и в полосе 11-й гвардейской армии. Но случилось так, что левофланговые соединения — 8-го и 36-го гвардейских корпусов, наносившие главный удар, не выполнили своей роли.

Совершенно иначе развивались события на направлении вспомогательного удара, где действовал 16-й гвардейский корпус генерала Воробьева. Противник и здесь оказал упорное сопротивление, но на этом участке более точно и прицельно вела огонь перед началом наступления артиллерия, уничтожившая большинство огневых точек противника. Кроме того, пехота соединений корпуса была поднята еще до окончания артподготовки, шла вслед за огнем в глубину обороны врага, стремительно атаковала передний край, захватила его и, не задерживаясь, устремилась вперед.

Наша 11-я гвардейская дивизия в ночь с 22 на 23 июня скрытно выдвинулась к переднему краю обороны 152-го укрепрайона и заняла исходное положение для прорыва обороны на рубеже Ситно, Рудня. После полуторачасовой артиллерийско-авиационной подготовки, в которой участвовала артиллерия и нашей дивизии, утром 23 июня началось наступление. В первом эшелоне и справа от нас был 152-й укрепрайон, а слева — 31-я гвардейская стрелковая дивизия. В 7.30 вслед за огнем вала действовавшие в 1-м эшелоне части 152-го укрепрайона перешли в атаку, быстро овладели

командир отделения комсомолец Н. Никонов. Оставив на месте своих бойцов, сам зашел в тыл к фашистам и стал поливать их огнем из автомата. Восьмерых убил, а двоих взял в плен. Остальные в панике разбежались, оставив под парами паровоз.

Надо отдать должное командующему 11-й гвардейской армии Галицкому. Видя, что 8-й и 36-й корпуса, наступавшие на главном направлении, топчутся на месте, а 16-й, прорвав оборону врага на вспомогательном направлении, устремился вперед, он принял решение перенести главный удар армии в полосу 16-го корпуса, введя в прорыв 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Ввод в сражение этого корпуса осуществлялся в полосе нашей дивизии утром 26 июня.

В свою очередь командир 11-й гвардейской дивизии Н. Г. Цыганов создал специальный передовой отряд для преследования быстро отступающего противника с целью захватить деревню Обольцы и отрезать ему пути отхода. Командиром этого отряда был назначен майор И. И. Кривой.

«Для стремительного преследования отходящего противника,— вспоминает бывший заместитель командира 27-го полка майор И. И. Кривой,— подвижный отряд был сформирован в составе двух рот автоматчиков, посаженных на автомашины, двух 122-миллиметровых гаубичных батарей на автотягачах и двух самоходных артиллерийских установок СУ-76. Командиром отряда назначили меня. Была поставлена задача: не вступая в бой с мелкими подразделениями и группами противника, стремительно продвигаться в его тыл, овладеть местечком и узлом дорог Обольцы, находившимся от основных наступавших частей дивизии на удалении 60 км, и удерживать его до подхода главных сил. В ходе выполнения задачи следовало через каждые 5 километров развертывать гаубичные батареи, давать 2—3 залпа в сторону противника с целью его деморализации и продолжать преследование.»

В ходе преследования подвижный отряд только два раза разворачивал батареи и давал залпы в сторону отступавшего противника. Дальше к этому не прибегали, так как фашисты, еще издали увидев поднимающуюся от движения отряда дорожную пыль, удирали в ближайший лес и не оказывали сопротивления.

Однако при приближении отряда к Обольцам противник оказал сопротивление, но огнем артиллерии и автоматчиков был разгромлен. Заняв Обольцы, мы организовали круговую оборону, дожидая главные силы дивизии. Когда они подошли, был сформирован другой подвижный отряд, а я вернулся в свой 27-й полк.»

В районе Обольцы части дивизии сделали короткую остановку, покормили личный состав, заправили машины. Командиры частей и подразделений получили уточненные задачи. Далее, преследуя противника в направлении Неклюдово, Ридомля, Петрашки, Волосово, Харлинцы, Хватынка, дивизия вошла в большое село Обчуг. Вскоре сюда подтянулись остальные соединения 16-го гвардейского корпуса—1-я и 31-я гвардейские дивизии. И тут произошло что-то невероятное. Дело в том, что почти одновременно к Обчугу по проселкам подошла колонна противника, отступавшего с Витебского направления в сторону Борисова. Она буквально врзалась в наши боевые порядки, чтобы вырваться на шоссе. Завязался встречный бой, который длился с утра и до самого вечера.

«На рассвете 28 июня мы вошли в большую деревню Обчуг,— вспоминает бывший начальник артиллерии 40-го стрелкового полка майор Р. Валиев.— Я обратил внимание, что слева, из лесу, который был поблизости, вышла какая-то пехота с орудиями. Оттуда же доносился густой шум моторов. «Что за чертовщина?— подумал.— Кого это принесло?» Не успел понять, в чем дело, как две темно-зеленые немецкие автомашины с прицепленными к ним пушками врзались в колонну нашей батареи. Я подал команду к бою. Командир роты автоматчиков капитан А. М. Марченко, поняв, что случилось, быстро развернул гвардейцев и окружил немцев. В это время к деревне приблизились танки. Близко подпустив их, моя батарея открыла по ним огонь. Танки ответили. Немцы напирали и лезли напролом—хотели протаранить нашу колонну и выйти на шоссе. Завязалась такая кутерьма, что невозможно было понять, где свои, а где чужие. Кто стрелял, кто колот. Дошло до рукопашной. Один расшвырявший фашист напал на меня и впился зубами в руку. Не знаю, чем бы дело закончилось, но тут мне на выручку подошел разведчик батареи ефрейтор Михаил Зиненко и быстро расправился с буйным верзилкой. Находчиво дей-

своим отделением Николай Никонов. Зайдя с тыла, гвардейцы стали поливать фашистов свинцом из автоматов, уничтожив из них несколько десятков, а около 20 захватили в плен. Отвагу и смекалку показал пулеметчик Михаил Толмачев. Видя, что немцы все выходят и выходят из леса, он открыл по ним меткий огонь и скошил более 30 солдат и офицеров. Среди немцев поднялась паника: вперед идти нельзя, а сзади нападают свои. Многие сдались в плен, а часть разбежалась по лесу. Только наш 40-й полк подполковника Скрынникова С. А. пленил 200 фашистов.

Богатые трофеи добыли и артиллеристы полка, в том числе исправное самоходное орудие. Когда к нам подъехал после боя командующий артиллерией 16-го гвардейского корпуса полковник С. И. Полецкий, мы эту самоходку подарили ему».

В результате встречного боя в районе деревни Обчуг соединения 16-го гвардейского корпуса, в который входили 1-я, наша 11-я и 31-я гвардейские стрелковые дивизии, разгромили две фашистские дивизии, взяли в плен сотни солдат и офицеров, в том числе командира 78-й штурмовой дивизии генерал-лейтенанта Отто-Фридриха Траута, которого сам Гитлер назначил на эту должность. В ноябре 1941 года он чуть не дошел до Москвы, хотел, но не удалось. Вскоре после пленения он увидел ее, когда в числе других генералов вермахта возглавлял колонну сотен тысяч немцев, преследовавших через Москву.

После разгрома фашистов в Обчуге наша дивизия преследовала противника по маршруту: Люта, Прошица, Докучино, Батуры, Холопеничи, Прудец, Игрище, Старянчино, Кишена, Слобода, Подберезье, Бол. Трастеница, совхоз Веселово и 30 июня вышла к реке Березина. Под непрерывными бомбежками фашистской авиации наш 15-й гвардейский саперный батальон и саперные роты полков построили 6 переправ, и части и подразделения дивизии, быстро перейдя на западный берег Березины, продолжали преследовать противника в направлении Зембин, Ганевичи, Загоры, Бяры, Кошевичи, Поляны, Шиловичи, Ошмянка, Рудники, Олькеники, Подзи, Киртимы, Гечаловка.

В конце июня и начале июля началось преследование отступавшего противника. Чтобы не дать ему воз-

можности оторваться, части дивизии с боями совершали до 30 километров в сутки. Нередко полки расчленились. Расстояние между передовыми и тыловыми подразделениями достигало 30—40 километров. В таких условиях, во избежание потери управления и обеспечения личного состава продовольствием и боеприпасами, была создана специальная служба из 12-го батальона связи майора Кудинова, 17-й автороты капитана П. К. Носова, 9-й разведроты капитана И. А. Фролова, подразделений тыла, возглавляемого подполковником Г. И. Олейником. Без их помощи стрелковые полки и артполк не смогли бы столь успешно решать боевые задачи.

К исходу 12 июля, уничтожая по пути разрозненные отряды противника, а также обходя отдельные, нередко крупные его гарнизоны, дивизия вышла к реке Неман южнее города Алитус. Обширное пространство между крупными водными преградами — Березиной и Неманом — гвардейцы преодолели за две недели.

Первым к реке подошел авангард 40-го полка¹ подполковника А. С. Скрынникова южнее города Алитус. Левее действовал 33-й полк. Стемнело. Кругом было тихо, и разведчики 40-го полка Николай Никонов, Михаил Толмачев, Александр Савватеев, Джубан Сапаев, Иван Туз и Александр Бабич, не найдя ни лодок, ни подходящих подручных средств, пустились вплавь. Ширина Немана здесь была 150—180 метров, а глубина до двух-трех метров, но все гвардейцы хорошо плавали и вскоре достигли берега и вошли в густой лес. Осторожно пробираясь по берегу, разведчики на рассвете подошли к деревне Радзюны.

Обрадованные появлением советских воинов, литовские крестьяне переодели их в свою национальную одежду, дали лодки с проводником и ранним утром, когда первые подразделения 40-го полка подошли к восточному берегу Немана, были там. Здесь уже находились командир полка подполковник Скрынников, его заместитель по политчасти Ф. Ф. Чернышов и начальник артиллерии майор Р. А. Валиев с командиром батареи лейтенантом И. Д. Суворовым. Быстро подготовив из бревен два плота, артиллеристы погрузили на них по орудию с боеприпасами и поплыли к западному

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 53.

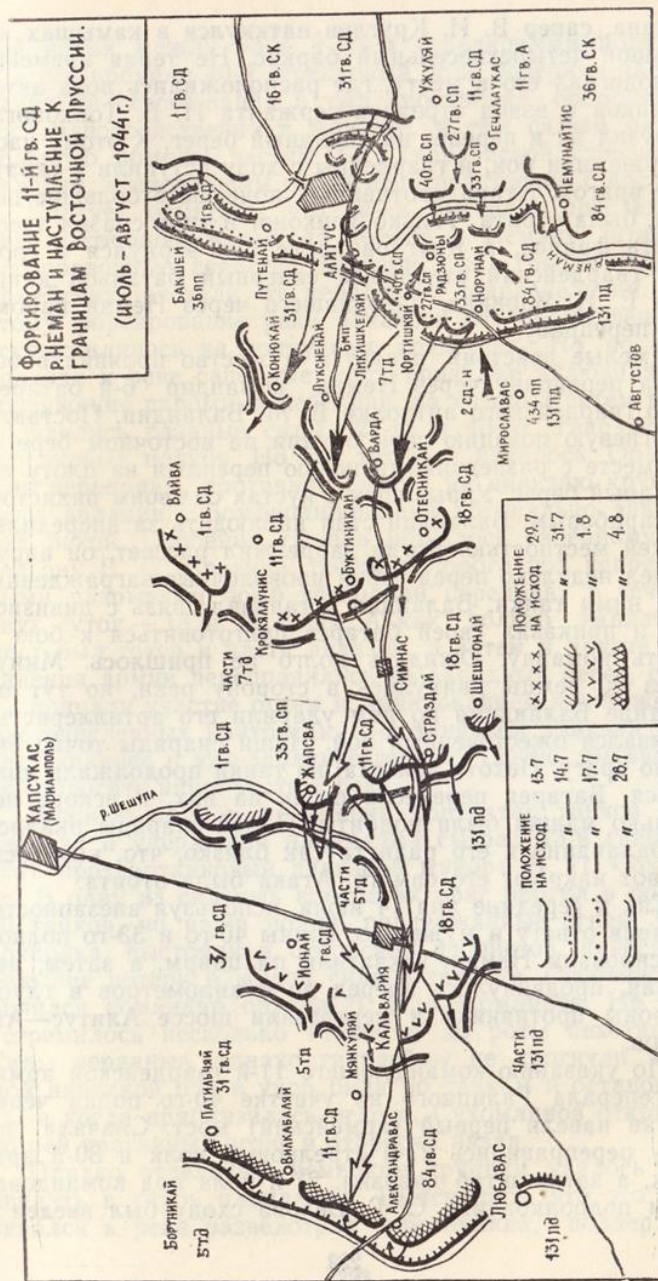

берегу. В это время развернулись бои справа — в районе города Алитус, где действовала 31-я гвардейская дивизия, а слева, несколько ниже по течению Немана, началась переправа 33-го полка. Немцы вскоре обнаружили это и, подтянув артиллерию, открыли огонь по переправляющимся плотам. Несколько снарядов разорвались рядом с плотами Валиева. Разорвавшийся снаряд опрокинул один из них, и пушка пошла на дно, но другой благополучно причалил к берегу, и артиллеристы, вытащив на руках пушку, немедленно привели ее к бою. А вскоре за ними, теперь уже на плотам, сооруженных на лодках, прибыли сюда и остальные подразделения 40-го полка и заняли оборону. Большую помощь по перевозке гвардейцев оказывал проводник-литовец¹. Он, словно челнок, сновал от берега к берегу, доставляя пехотинцев, автоматчиков, пулеметчиков, так что через несколько часов на западном берегу Немана был создан довольно внушительный плацдарм и, когда немцы попытались его ликвидировать, получили сильный отпор. Артиллеристы 40-го полка встретили вражеские танки огнем с прямой наводки, а с пехотой расправились наши пулеметчики.

Успешно форсировали Неман и подразделения 33-го полка. Исключительное мужество и отвагу проявил при этом командир пулеметной роты старший лейтенант К. Г. Смирнов. Преодолев впласть реку, он оставил там сержантов Бахшиева и Шелестова, а сам на обнаруженной в зарослях рыбацкой лодке вернулся назад. Захватив с собой «максим» с расчетом в составе Иванова, Морозова, Соловьева и Егорова, он снова переправился на западный берег. К этому времени немцы стягивали сюда танки и пехоту. Не теряя времени, Смирнов выдвинулся с пулеметом и бойцами на перекресток дорог, закрепился в полукилометре от деревни Немонайдо. И, когда противник попытался приблизиться к Неману, смело вступил в бой. В течение нескольких часов он отбивал атаки, а в это время 33-й полк беспрепятственно переправлялся на западный берег.

Метрах в двухстах от Смирнова, ниже по течению

¹ За мужество и большую помощь комдив Цыганов решил представить его к награждению, но он попросил дать ему корову из стада дивизии и получил ее. К сожалению, никто тогда не записал фамилию этого патриота.

Немана, сапер В. И. Круглов наткнулся в камышах на большой четырехвесельный баркас. Не теряя времени, он подогнал его к месту, где расположились рота автоматчиков и взвод стрелков сержанта И. В. Тонконога, погрузил их и перевез на западный берег. К этому часу тут уже шли бои, и гвардейцы с ходу вступили в схватку с врагом. Атака противника, понесшего большие потери, была отбита. Только Тонконог в упор сразил здесь девять фрицев, а Круглов после боя вернулся в свой 15-й гвардейский отдельный саперный батальон капитана Е. И. Вдовина, наводившего через Неман паромную переправу.

Умелые действия, отвагу и мужество проявил в боях за переправу через Неман командир 6-й батареи 30-го гвардейского артполка В. М. Баландин. Поставив на огневую позицию свои орудия на восточном берегу, он вместе с разведчиками ночью переплыл на плоту на западный берег. Укрывшись в кустах со своим радистом Бессарабовым, Баландин стал наблюдать за впередилежащей местностью. Когда забрезжил рассвет, он вдруг увидел недалеко перед собой проволочные заграждения, а за ними танки. Баландин установил связь с дивизионом и приказал своей батарее подготовиться к бою и ждать команду. Ожидать долго не пришлось. Минут через 20 немцы двинулись в сторону реки, но тут по команде Баландина по ним ударили его артиллеристы. Завязался ожесточенный бой. Наши снаряды точно били по врагу. Пехота залегла, но танки продолжали двигаться. Батарея перенесла огонь на них, и вскоре несколько машин были подбиты. Порой снаряды рвались от Баландина и его радиста так близко, что, казалось, вот-вот накроют его самого. Атака была отбита.

Так к середине дня 14 июля, используя внезапность, проявив отвагу и мужество, воины 40-го и 33-го полков форсировали Неман, захватили плацдарм, а затем, наступая, продвинулись вперед до 6 километров в глубь обороны противника и перерезали шоссе Алитус—Августов.

По указанию командующего 11-й гвардейской армией генерала Галицкого на участке 40-го полка через Неман навели первый (армейский) мост. Сначала по нему переправились 27-й стрелковый полк и 30-й артполк, а затем штаб дивизии. 27-й полк под командованием подполковника С. Г. Белова сходу был введен в

бой встык между 33-м и 40-м стрелковыми полками. С этого времени 40-й стрелковый полк повернул наступление на северо-запад в тыл противника, оборонявшегося непосредственно в Алитусе, и тем самым оказал большую помощь частям 3-й гвардейской стрелковой дивизии, атаковавшим город непосредственно с востока.

Следует отметить, что из-за быстрого преследования противника и выхода полков к Неману, штатные переправочные средства дивизии, не говоря уже об армейских, отстали от передовых подразделений. Поэтому форсирование реки началось без промедления и осуществлялось на подручных средствах. Но по мере подхода к реке саперные части сразу же включились в сооружение паромных переправ, на которых затем переправлялись главные силы 27-го и 40-го гвардейских стрелковых полков. Но вот тут-то и началось. Обнаружив переправы, противник бросил на дивизию крупные силы авиации. Бомбардировщики буквально зависли над рекой. Особенно тяжело пришлось саперному батальону Е. И. Вдовина, бойцы которого под непрерывными разрывами бомб возводили переправу в течение двух суток — 13 и 14 июля. А как только наплавной мост был готов и части дивизии, а затем и другие соединения армии переправились на западный берег, саперы приняли участие огнем и минированием в отражении многочисленных контратак 7-й танковой дивизии немцев западнее и юго-западнее города Алитус, пытавшей-ся отбросить наши части к реке.

Важную роль в отражении контратак танков противника и удержании плацдарма сыграл 13-й гвардейский противотанковый дивизион майора Н. П. Соколова. В одну из сильных контратак враг бросил в бой до 30 танков, но наши полки, поддержанные огнем 30-го артполка, выстояли и отбросили фашистов, нанеся им большие потери в живой силе и технике. Особенно отличился командир орудия В. К. Сухомлинов. На него устремилось несколько танков и до роты пехотинцев. Силы неравные, однако гвардейцы не дрогнули. Прямой наводкой они в упор били по танкам и остановили их, а когда приблизилась пехота, Сухомлинов открыл и по ней ураганный огонь и отбросил назад.

Однако отдельным немецким группам удалось проникнуть в глубь плацдарма. Выяснилось, что это пробивался к реке разведотряд противника, поддержан-

ный самоходками. На их пути оказался штаб нашей дивизии. Завязался бой. Комендантский взвод, связисты, офицеры штаба, все, кто мог, заняли круговую оборону. Вскоре этот отряд немцев был разбит и рассеян.

К исходу 15 июля, значительно расширив и углубив плацдарм, наша дивизия вышла на шоссе и надежно закрепились на занятом рубеже, поскольку предпринятые попытки продвинуться вперед успеха не имели. Для наступления нужна была солидная подготовка.

15 июля по наведенному в полосе 40-го полка мосту перешли на плацдарм другие соединения и части 11-й гвардейской армии. Все попытки противника ликвидировать плацдарм были отбиты.

28 июля с плацдарма на западном берегу реки Неман соединения армии перешли в наступление. Наша 11-я гвардейская дивизия, наносившая главный удар, после сильной авиационной и артиллерийской подготовки, прорвала оборону 7-й танковой дивизии врага и стала стремительно продвигаться вперед в направлении Гиранце, Науена, города Кальвария. Подступы к этому городу обороняла 5-я танковая дивизия, та, с которой мы встречались еще в 1941 году в битве за Москву. Случалось тогда, в октябре—ноябре, она нам не раз приносила неприятности, но и нашу, тогда 18-ю ополченческую дивизию, немцы хорошо запомнили, особенно в конце декабря и в начале января 1942 года, когда они без оглядки бежали под Рузу, бросая технику и оставляя на обочинах дорог сотни убитых вояк, закутанных в женские пуховые платки. И вот старые противники вновь встретились. Трудно сказать, знали ли немцы об этом, но наша, теперь уже 11-я гвардейская дивизия, знала, что «власть переменялась». Мы научились бить врага не только зимой, но и летом. И не только большими силами, но и меньшими, не только числом, но и умением. Об этом свидетельствует такой эпизод. Кальварию дивизия взяла с ходу. Развивая наступление, 40-й полк продвинулся вперед на три километра западнее Кальварии и здесь окопался. На следующее утро немцы предприняли сильную танковую контратаку. Не выдержав натиска, наша пехота отошла назад, ближе к городу. На позициях осталась одна батарея И. Д. Суворова, потерявшая до 10 лошадей. И тут в ложине появились 12 танков и автоматчики противника. Положение создалось, скажем прямо, тяжелое. Отход прак-

тически был невозможен. И тогда Суворов принял единственно правильное решение: он оставил у каждого орудия по два человека, а все остальные артиллеристы заняли оборону впереди, как пехотинцы. Открывать огонь не торопились — пусть подойдут поближе. А когда выпал благоприятный момент, командир орудия Алимов дал по приказу Суворова первый выстрел. Передний танк остановился с подбитой гусеницей, но он сумел развернуться и в ответ выстрелить из пушки. Снаряд угодил в орудие Алимова, разбив одно колесо. Но тут ударили по немецким танкам еще два орудия Суворова и вывели из строя еще два танка. Противник остановился. И тогда вся батарея, а также зелевшие впереди бойцы открыли такой сокрушительный огонь по автоматчикам, что они бросились назад, спасаясь за танками. А к тому времени к Суворову¹ подошла подмога. Атака была отбита.

Между прочим, за этим боем наблюдали многие жители Кальварии. После, узнав, что в батарее Суворова было убито 10 лошадей, они восполнили эту потерю в знак благодарности за защиту города.

27-й полк в это время вел бои за местечко Малая Кальвария. Противник оказал отчаянное сопротивление, несколько раз поселок переходил из рук в руки, но тут подоспели наши «катюши» и помогли сломить противника. После этого полк подошел к широкой заболоченной реке Шешупа, завязались тяжелые бои. Наконец, немцы не выдержали и отступили, а полк, перейдя на западный берег, продолжал развивать наступление в общем направлении на озеро Виштынер-Зее, уничтожая отдельные очаги сопротивления.

После освобождения Кальварии дивизия продвинулась до Александрово, где получила приказ временно закрепиться на занятых позициях.

Так закончилось многодневное наступление 11-й гвардейской дивизии в ходе Белорусской операции «Багратион». За 40 суток она с боями прошла свыше 700 километров, форсировала реки Березину и Неман, освободила много населенных пунктов, в том числе города Холопеничи, Лагойск, Молодечно, Ошмяны, Кальвария. При этом было уничтожено более 4 700 сол-

¹ И. Д. Суворов был награжден за этот бой орденом Отечественной войны I степени.

дат и офицеров противника, 64 танка, 21 бронетранспортер, 2 самолета, 65 орудий и минометов. Было захвачено: 1000 винтовок, 140 автоматов, 9 танков и САУ, бронепоезд, 28 орудий, 59 пулеметов, 114 лошадей. Взято в плен 662 гитлеровца¹.

Интересно привести также общие итоговые данные, начиная с начала войны до августа 1944 года. За это время дивизия уничтожила и захватила свыше 50 тысяч солдат и офицеров врага, 491 танк и САУ, 46 самолетов, 450 орудий и минометов, более 4 тысяч винтовок, около 1000 автоматов, 770 пулеметов, 285 мотоциклов, 1420 автомобилей, 617 лошадей, более миллиона снарядов и мин и свыше пяти миллионов патронов².

Представляют интерес и такие цифры. К концу августа 1944 года было награждено орденами: Ленина — 5 человек, Красного Знамени — 197, Суворова II степени — 1, Отечественной войны — 1300, Александра Невского — 16, Богдана Хмельницкого — 1, Славы II степени — 13, Славы III степени — 578, Красной Звезды — 2408; медалями: «За отвагу» — 6296, «За боевые заслуги» — 1859 человек³.

С 8 августа по 13 октября 1944 года дивизия вела бои местного значения. Прорвав оборону противника на рубеже Ругягли, Потыльче, Саусенки, Крулево-Кшесло, продвинулась вперед на 11—12 километров, форсировала реку Шервинту и захватила на ее западном берегу плацдарм по фронту до 28 километров. Здесь, на ближних подступах к фашистской Германии, она заняла оборону и, пополняясь, стала готовиться к новому наступлению, теперь уже на чужой территории — в самом логове врага. Причем готовила полосу обороны не только для себя, но и как исходный плацдарм для предстоящего наступления всех войск 11-й гвардейской армии.

За успешное выполнение боевых заданий по разгрому немецко-фашистских войск и освобождение Белоруссии дивизия была награждена орденом Суворова II степени. 7 человек за форсирование реки Немана получили звание Героя Советского Союза.

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 79, л. 43.

² Там же, ф. 1070, о. 1, д. 79, л. 45.

³ Там же.

Глава пятая

В ЛОГОВЕ ВРАГА

ВТОРЖЕНИЕ

После участия в операции «Багратион» летом 1944 года 11-я гвардейская стрелковая дивизия закрепилась, как отмечено выше, на занятых позициях — всего в 15—20 км от Восточной Пруссии. Это гораздо ближе, чем немцы подошли осенью 1941 года к Москве. Читатель, возможно, помнит, как командующий группой армий «Центр» фон Бок ездил тогда под Истру на передовую линию одной из своих частей, чтобы посмотреть в бинокль на Москву. Как ни старался он, увидеть ее не сумел — она была далеко. Не увидел он Москву и из-под Баранцево — последнего рубежа обороны нашей дивизии — тоже далеко было.

Между тем наши гвардейцы, забравшись на дерево, прекрасно видели теперь Восточную Пруссию — заводы, дома. Подолгу смотрели на неметчину и у всех вольно или невольно в голове проносились мысли: неужели там живут люди, которые так безжалостно убивали на нашей земле ни в чем не повинных стариков, женщин, бросали детей в колодцы? Думали о тех 3,5 годах, что шли сюда, о том, что пережили, сколько пролили крови, сколько погибло, домов потеряно и все из-за этих, что там, на западе, в двадцати километрах.

И тут надо сказать доброе слово о большой работе партийных организаций, всех коммунистов, агитаторов и пропагандистов с бойцами и командирами. Видя их огромный интерес к тому, что там, в Пруссии, и зная, что у многих были расстреляны родные и знакомые, сожжены дома, угнаны в неволю братья или сестры, эти люди буквально не вылезали из окопов и блиндажей,

целыми днями проводили беседы, рассказывали, отвечали на вопросы.

Да, наконец-то советские воины подошли к самой границе этой Пруссии. Шли 3,5 года. Советские войска очистили от оккупантов Украину, освободили Белоруссию, свыше 3/4 территории Литвы. Были разгромлены две из ударных групп противника — «Центр» и «Северная Украина». Советские вооруженные силы пересекли границу с Польшей и Румынией. Подошли к логову фашистской Германии — Восточной Пруссии. Именно она столетиями служила немцам трамплином для нападения на Польшу, Прибалтику и Россию. Отсюда в 1939 году фашистами началась колонизация Польши. Отсюда 22 июня 1941 года гитлеровские орды устремились на Советский Союз, чтобы навечно, как они рассчитывали, осесть на наших землях. Три с половиной года они топтали ее, бесчинствовали и грабили наши богатства, сеяли смерть и разрушения, сжигали города и села.

И вот Красная Армия, которую Геббельс не раз хоронил, уверяя, что ее больше не существует, подошла к воротам пруссаков. Надо сказать, что большинство немцев все еще не допускали и мысли, что сюда придут русские: настолько Гитлер заморочил им голову. Они поверили фюреру, что большевики никогда не пересекут границу рейха, что крепости, форты и доты Пруссии неприступны. Да и как придут сюда русские, если в Пруссии находится «Волчьё логово» — ставка Гитлера. Забегая вперед, скажу, что, когда подразделения нашей дивизии внезапно ворвались на танках Тацинского корпуса в пригород Гумбиннена, там шли богослужения, работали рестораны и кафе, в парках как ни в чем не бывало гуляли бюргеры. Они и в самом деле считали, что границы фатерланда — это неприступный вал и поэтому можно спать спокойно. Ведь еще в середине века Пруссия была превращена в крепость, а потом столетиями укреплялась, строилась и совершенствовалась.

Сказать правду, эта уверенность пруссаков имела под собой почву. По существу вся территория Восточной Пруссии была военным лагерем. Дома деревень и хуторов выглядели как маленькие опорные пункты с мощными стенами из красного кирпича, а особняки помещиков как настоящие крепости. «Псы-рыцари», как называл прусских помещиков К. Маркс, веками были

оплотом германского тевтонского рыцарского ордена. Одной рукой они крестили, а другой убивали. Убивали и грабили, чтобы жить лучше всех. Ведь они — по их убеждению — самые лучшие, особые, с голубыми глазами. Одним словом, самые избранные и исключительные.

Но говорят же, что не так страшен черт, как его малюют. Ведь били оккупантов под Москвой, на Курской дуге, без оглядки драпали они из Белоруссии и Литвы. Да били не только мы, но и наши предки. Вот мы будем наступать на город Велау, говорили агитаторы, а недалеко от этого города есть деревенька Гросс Егерсдорф. В 1757 году русские наголову разгромили там пруссаков, затем взяли Кенигсберг, а ключи от города отправили в Санкт-Петербург. Тогда-то Восточная Пруссия и вошла в состав русского государства, а отец великого полководца Суворова был назначен ее губернатором. В так называемой семилетней войне русские войска, разгромив пруссаков, овладели Берлином и поставили государство Фридриха II на грань катастрофы. Его спас лишь Петр III, став русским царем. Будучи агентом Фридриха на российском троне, он вывел русские армии из Германии. А спустя полвека, в 1813 году, русские снова побывали в Пруссии. Полки армии Кутузова, разгромив войска Наполеона, овладели Кенигсбергом.

— Ну а после? Что с ней стало, с этой Пруссией, после? — спрашивали бойцы.

В первой мировой войне 1914—1918 гг. Восточная Пруссия уцелела, оставшись в своей роли питомника генералитета германской армии. Кстати сказать, фельдмаршал фон Бок, тот самый Бок, войска которого громила наша дивизия под Москвой, родом из Пруссии. В Кенигсберг свозили из всей Германии мощи немецких генералов и хоронили в специальных нишах — так воспитывался прусский армейский дух. Здесь, в этом городе-крепости, после первой мировой войны, на церемонии похорон фельдмаршала Гинденбурга — главы германского государства — присутствовал Гитлер, ставший по желанию усопшего его наследником — канцлером третьего рейха.

В Восточной Пруссии переплелись не только разбойничьи захватнические идеи тевтонов Фридриха II и фашистов-чернорубашечников Адольфа Гитлера, но слились в клубок, перемешались замки и доты, дворцы и

крепости, поместья и дзоты, средневековые форты и современные военные укрепления. Все это готовилось и ранее и позднее для «дранг нах остен». Тогда и позже — для нападения на Россию, а 22 июня 1941 года — для вероломного вторжения в СССР.

Но бывает же и расплата. И вот теперь Красная Армия у осинового гнезда германского милитаризма и империализма, откуда начинался не один поход. Пришла не для того, чтобы наказать, хотя и имела право. Пришла не мстить немецкому народу-труженику за злодеяния гитлеровцев на советской земле, а сокрушить человеконенавистническую идеологию фашизма, чтобы больше никогда отсюда не было угрозы ни Польше, ни Советскому Союзу, ни какой другой стране. Мы изгнали фашистскую нечисть со своей земли. Теперь наш благодарный долг освободить от нее порабощенные народы.

Вот обо всем этом с бойцами говорили и беседовали коммунисты-агитаторы, люди высокого гуманизма, накануне нового наступления, новых боев, но теперь уже на чужой земле. На прусской, на той, откуда пришел в наш дом враг.

Одновременно с беседами проходили собрания и митинги. Заседали партийные и комсомольские бюро. За время белорусских походов накопилось столько заявлений бойцов и командиров о приеме в партию и комсомол, что люди не считались со временем. Вступающие в партию заверяли, что они не посрамят чести и славы гвардии, а если погибнут, то просят считать их коммунистами.

Не осталась в стороне и редакция дивизионной газеты «За Родину». Наряду с очерками и статьями о героях прошедших сражений, их мужестве и возросшем боевом мастерстве она печатала перед наступлением экспресс-листовки размером 1/8 обычной газетной полосы двух вариантов: «Сегодня отличились в бою» и «Письмо-летучка». Печатала впрямь, чтобы агитаторы и пропагандисты имели оперативные пресс-листовки. Вверху восьмушек первого варианта крупными буквами было напечатано типографским способом: «Сегодня отличились в бою». А внизу несколько меньшим шрифтом: «Слава вам, чудо-богатырям! Родина гордится вашими подвигами!». Слева, вдоль листка, призыв: «Прочти и передай по цепи!» Вся остальная площадь первой странички-восьмушки и на обороте — чистая. Второй

вариант, под заголовком «Письмо-летучка», предназначался для описания подвига и отваги одного человека. Здесь, под заголовком, напечатаны слова «о героическом подвиге» и далее — две строки многоточия, а ниже, под многоточием текст: «указать звание, фамилию, имя и отчество отличившегося». Внизу крупными буквами: «Слава отважному воину, преданному нашей великой Родине». Слева, как и в первом варианте, обращение к читателю: «Прочитай, передай товарищу!» Остальная часть площади-восьмушки чистая.

Эти пока еще не заполненные листовки перед наступлением раздали заместителям командиров по политчасти, парторгам подразделений, агитаторам, комсоргам. В их задачу входило, в первом случае, перечислить наиболее отличившихся воинов в ходе операции, во втором, описать подробно: кто, когда и при каких обстоятельствах совершил подвиг, чтобы о нем знали не только в своем подразделении, в батаре, но в батальоне, дивизионе, полку — во всей дивизии. Забегая вперед, надо сказать, что такая форма распространения информации сыграла большую роль: личный состав дивизии уже к концу первого дня наступления знал своих героев, гордился ими. Они служили примером подражания для других. Листовки-летучки служили также документом для награждения особо отличившихся, а в случае гибели воина они прилагались к извещениям и письмам для родных и близких.

Но вот наступил, наконец, долгожданный день. День наступления на логово врага. Без преувеличения можно сказать, что после серьезной массово-политической работы да и самого факта, что наконец-то мы добрались до немчуры, принесшей нашему народу столь много слез, что их и до сих пор не могут осушить, моральный дух личного состава никогда не был так высок. Каждый подсознательно связывал предстоящее наступление с мыслью: скоро сломим хребет заклятым фашистам. Скоро кончится кошмар войны.

Подготовка войск армии и всех ее соединений к операции по вторжению в Восточную Пруссию была закончена к 15 октября 1944 года. 11-й армии ставилась задача: прорвать оборонительную полосу противника на участке Кемец-1 (4 км юго-западнее Вилкавишкис), Крулево Кшесло и во взаимодействии с 5-й и 31-й армиями нанести поражение Кибартайско-Шталлупинен-

ской группировке противника. Ближайшая задача сводилась к тому, чтобы разгромить противостоящие его соединения и части, преодолеть систему его обороны и выйти на рубеж Шталлупинен, местечко Виштынец. В дальнейшем, развивая стремительное наступление в направлении Платен, Вальтеркемен, Даркемен, к исходу пятого дня операции выйти на рубеж Гумбиннен, Эжергаллен, Гольдап. Операция планировалась на глубину до 50—60 км¹. В полосе наступления 11-й армии оборонялись частью сил 541, 561 и 547-я немецкие пехотные дивизии, сформированные преимущественно из пруссаков, а также 103-я танковая бригада, артиллерийские и минометные части общей численностью 30—35 тысяч человек².

Для осуществления прорыва обороны противника 11-я гвардейская армия имела три гвардейских стрелковых корпуса: 8, 16 и 36-й, в последний временно входила 11-я гвардейская дивизия. Задача 36-го корпуса: обороняться частями 11-й гвардейской дивизии на 11-километровом участке, силами 84-й гвардейской дивизии прорваться в общем направлении на Кунигишки.

Как уже подчеркивалось, находясь в сентябре в непосредственном соприкосновении с противником, наша дивизия готовила исходное положение для наступления всей 11-й гвардейской армии. В наступательной операции она имела задачу: обеспечить переход в наступление главных сил армии и, используя успех 84-й гвардейской стрелковой дивизии, наступать в направлении Крулево—Кшесло, озера Виштынец, свертывая немецкую оборону к югу, а также быть готовой отразить возможные контратаки противника по левому флангу армии.

В период подготовки операции была произведена перегруппировка войск армии. Передав участки севернее Вилкавишкис 5-й и южнее Вертай частям 31-й армий, 11-я гвардейская армия оставила для обороны на переднем крае 30-километрового фронта 84-ю и 11-ю гвардейские стрелковые дивизии, а главные силы (семь дивизий) были выведены с переднего края и сосредоточены западнее Мариамполя³. Они пополнялись и довооружались.

¹ Сквозь огненные вихри. М.: Воениздат, 1987. С. 205.

² Там же.

³ Там же. С. 207—208.

Гумбинненская операция началась в 11.00 16 октября после мощной артиллерийской подготовки. Затем 600 самолетов подвергли позиции противника бомбовому удару. И началось вторжение в Восточную Пруссию. К концу дня, преодолевая упорное сопротивление врага, соединения первого эшелона армии прорвали его оборону на 10-километровом фронте и продвинулись вперед на 8—10 км. С утра 17 октября, подтянув резервы, немцы усилили сопротивление, однако наши войска продолжали расширять прорыв и углубились на запад от 13 до 18 км.

Отбив несколько отчаянных контратак врага, утром 18 октября все войска армии возобновили наступление. После ожесточенных боев, продолжавшихся весь день, мощная оборона противника была прорвана на всем фронте до 35 км.

Взаимодействуя с 84-й гвардейской стрелковой дивизией, наша дивизия перешла в наступление на своем правом фланге южнее Крулево—Кшесло. К исходу 16 октября она прорвала оборону противника на глубину 4—5 км к югу и 17 октября, развивая наступление, части дивизии обходным маневром овладели пунктом Гражишки и завершили прорыв обороны неприятеля на глубину 12—15 км, разгромив части 547-й пехотной дивизии. К исходу 18 октября совместно с частями 18-й гвардейской стрелковой дивизии наши полки овладели крупным населенным пунктом Виштынец¹.

Итак, свершилось. 18 октября 1944 года война перекинулась на территорию врага. И одной из первых на землю Восточной Пруссии вступила 11-я гвардейская дивизия—бывшая 18-я дивизия народного ополчения Ленинградского района Москвы.

После завершения прорыва вражеской обороны и осуществления вторжения наша дивизия была возвращена в состав 16-го гвардейского стрелкового корпуса и 19 октября перегруппирована с левого фланга армии во второй эшелон этого корпуса на направлении главного удара 11-й гвардейской армии в район Киквиден, Бугден, Десден (ныне это район юго-восточнее Ясной Поляны на западном берегу реки Писса).

19 октября войска 11-й гвардейской армии, развивая наступление по всему фронту, форсировали реку

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 55.

Писсу и, не останавливаясь, продолжали продвигаться вперед, в глубь немецкой территории.

Утром 20 октября в прорыв был введен 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус с задачей овладеть совместно с нашей дивизией городом Гумбиннен. Вслед за этим корпусом в этот же день она была введена в бой на стыке между 1-й и 31-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Части нашей дивизии, используя успех танкистов, отбросили подошедшие резервные соединения противника — 103-ю танковую бригаду и 1-ю парашютно-танковую дивизию и устремились в направлении Вальтеркемен. Наступая, подвижная группа, включавшая 2-й гвардейский корпус и 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а также 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию, вскоре вышла в районе Вальтеркемена к реке Роминте и, захватив переправу, двинулась вдоль берега в северо-западном направлении на Гумбиннен. Левее к реке Роминте вышла 31-я гвардейская стрелковая дивизия, которая совместно с 25-й танковой бригадой развивала наступление на Даркемен, чтобы овладеть его укрепленным районом. К исходу 21 октября части нашей дивизии совместно с 26-й танковой бригадой и 4-й мотострелковой бригадой 2-го гвардейского танкового корпуса вышли на подступы к Гумбиннену в 2—3 км к юго-востоку от города. При этом главные силы дивизии во главе с командиром дивизии Н. Г. Цыгановым были на западном берегу реки Роминте, а 27-й гвардейский стрелковый полк и штаб дивизии находились еще на восточном берегу.

Угроза Гумбиннену — городу и важному узлу шоссейных и железных дорог — со стороны 2-го гвардейского корпуса и 11-й гвардейской стрелковой дивизии вызвала серьезную тревогу немецкого командования. Взятие Гумбиннена и Даркеменского укрепленного района давало 11-й гвардейской армии оперативное преимущество, так как этим достигалось расчленение главных сил группы армий «Центр», а также открывался прямой путь к городу-крепости Кенигсбергу. Это хорошо понимали фашистские генералы. Поэтому они бросили в район Гумбиннена крупные силы: парашютно-танковый корпус «Герман Геринг», включавший 102-ю танковую бригаду, насчитывавшую 60 танков, в том числе новые танки «тигр» и «пантера», 2-ю парашютно-моторизованную дивизию «Герман Геринг», 5-ю тан-

ковую дивизию. Для удара с юга в Гавайтен была срочно переброшена бригада «Фюрер», сформированная из частей танковой дивизии «Великая Германия». Перед нашим соседом справа — 16-й гвардейской стрелковой дивизией действовала 1-я парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг». Одни названия говорят, насколько грозными были эти элитные, до зубов вооруженные и хорошо подготовленные соединения. Ведь их патронажами являлись сам Гитлер и его заместитель Геринг.

Этими прославленными силами противник и нанес утром 22 октября мощные фланговые контрудары по подвижной группе 11-й гвардейской армии, в которую входили 2-й гвардейский танковый корпус и 11-я гвардейская стрелковая дивизия. Удар с севера пришелся по нашим полкам, которые вместе с 26-й танковой бригадой были в авангарде наступления. Сосредоточив мощный кулак, немцы бросили на правый фланг нашей дивизии — 40—50 танков, 12 бронетранспортеров и до полка пехоты 5-й танковой дивизии. Пользуясь густым туманом, они незаметно подошли с северо-востока к Лугштупену (ныне Калининское) и атаковали 27-й полк подполковника Н. Д. Жесткова (он заменил с 1943 года Н. В. Харченко, который был назначен заместителем командира дивизии). Гвардейцы этого полка, поддерживаемые артиллеристами 30-го гвардейского артполка, оказали противнику упорное сопротивление. Они уничтожили до 10 его танков и самоходок и много пехоты, однако силы были неравными, и полк был вынужден отойти на запад к реке Роминте, тем самым оголив правый фланг дивизии. К этому следует добавить, что разрыв между нашей дивизией и соседней справа достигал 3—4 км, что давало преимущество контрударной группировке врага. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, немцы устремились во фланг и в тыл нашей дивизии. Но на их пути стояла 2-я батарея 30-го артполка. Старшина Сабонин и наводчик Агафонов в упор расстреляли один танк и 2 бронетранспортера. Мужество и стойкость проявили в этом же бою артиллеристы батареи 2-го дивизиона под командованием находившегося здесь начальника штаба 30-го артполка капитана А. Г. Сандрикова. Увидев, что некоторые бойцы растерялись, он взял командование на себя. В завязавшей отчаянной схватке

батарея уничтожила два танка, штурмовое орудие «Фердинанд» и два бронетранспортера. Но враг не считался с потерями. Он лез напролом. Несмотря на упорство, нашим подразделениям не удалось задержать многократно превосходящих сил противника, который двинулся на юг к Вальтеркемену (теперь Ольховотка), чтобы захватить переправу через реку Роминте и завершить окружение наших войск южнее Гумбиннена. Однако этого ему сделать не удалось.

В ходе контрудара группа до двух батальонов мотопехоты противника с 20 танками атаковала штаб и тылы нашей 11-й гвардейской стрелковой дивизии и 2-го танкового корпуса в районе Жургупхена и Шмулькена. На защиту встали все подразделения: комендантская рота, разведчики, саперы, офицеры, а также штабные танки 2-го танкового корпуса. Возглавил сборный отряд начальник штаба подполковник П. Г. Яновский. Пер-

Начальник штаба 11-й гвардейской стрелковой дивизии
Петр Григорьевич Яновский
за планированием очередного наступления

выми вступили в схватку с немецкими танками два наших Т-34, которые подбили несколько «тигров», но и сами были подбиты. Фашисты замешкались и остановились. Это позволило Яновскому быстро и без потерь эвакуировать штаб дивизии в безопасное место.

В критическом положении оказался затем дивизионный медсанбат, которым командовал майор медицинской службы С. Ф. Войцехович. В палаточный городок просочились вражеские автоматчики. Заняв круговую оборону, врачи, медсестры, санитары встретили их дружным огнем и отбросили назад, а сами эвакуировались из опасной зоны. И тут не могу не рассказать, хотя бы вкратце, о поистине великом благородном подвиге людей в белых халатах — врачей, медсестер, санитаров, которые всегда были вместе с воинами, делили с ними хлеб-соль, рисковали жизнью, вынося с поля боя раненых, оперировали, не отходя от стола иногда целыми сутками и нередко под бомбами. Только один В. И. Заусаев, хирург, ветеран дивизии, произвел, согласно записям в журнале, несколько тысяч операций. Да и другие хирурги: А. В. Ягмуров, И. С. Михайлов, В. Озеров трудились не менее напряженно, отдавая все силы спасению людей. Всегда квалифицированно им ассистировали медсестры М. В. Остапенко, Е. И. Вдовина, В. Киселева, З. Хабарова, Л. Н. Мельникова, К. Колоскова и другие.

А сколько раненых вынесли с поля боя санинструкторы! Лишь за один день фельдшер Ф. Ф. Мартынов, следуя за наступающими подразделениями в районе Сухиничи, вынес и доставил в санчасть 25 раненых с их оружием, за что был награжден орденом Красной Звезды¹. Через руки фельдшера П. И. Салового, самого дважды раненного, прошло более 5 тысяч человек.

Огромную роль сыграл медсанбат по возвращении в строй вылеченных раненых и больных — до 75% из числа поступивших. Успешно решали медики дивизии задачу по недопущению возникновения и распространения инфекционных заболеваний.

А нередко люди в белых халатах брались и за оружие, как говорилось выше. Поистине героический поступок совершила лейтенант медицинской службы Нина Федоровна Митова. Произошло это во время битвы

¹ «За Родину». 1942. 10 марта.

на Орловском выступе летом 1943 г. Будучи командиром взвода медицинской службы 3-го батальона 40-го гвардейского стрелкового полка, она находилась на санитарном пункте в долине недалеко от города Карачев. Рядом проходила дорога, и Нина перевязывала доставленных сюда раненых, ожидая прибытия машины из медсанбата. И вдруг до нее донеслись громкие крики и шум мотора. Она выбежала на дорогу и ахнула: одно из наших подразделений отходило в тыл, на них напирала немецкая автоматика с пушкой. Не раздумывая, она бросилась к старшине и приказала остановиться. Старшина хотел что-то возразить. Тогда Нина выхватила из кобуры пистолет, толкнула в бок старшину и крикнула: «Братцы, стойте! Там раненые!», и, закричав «Ура!», устремилась вперед. Бойцы, воодушевленные отвагой девчонки, ринулись за ней и в заварившейся рукопашной схватке отбросили врага. За мужество и находчивость Н. Ф. Митова была награждена орденом Красного Знамени.

Можно привести десятки и сотни других примеров самоотверженного труда людей в белых халатах, служивших солдатами на войне. Но вернемся к боям в районе города Гумбиннен. Стремясь остановить гвардейцев, противник продолжал наносить со стороны города мощные контратаки. Крупными силами немцы обрушились на 33-й гвардейский стрелковый полк подполковника Д. Н. Лукьянченко, который во взаимодействии с 26-й гвардейской танковой бригадой непосредственно наступал на Гумбиннен с юга и находился наиболее близко от города. Однако гвардейцы не только выстояли, но, отбив атаки, сами несколько продвинулись вперед к южной окраине Гумбиннена.

40-й гвардейский стрелковый полк подполковника Скрынникова находился во втором эшелоне и готовился к вводу в бой непосредственно за овладение Гумбинненом. Однако тяжелая обстановка, сложившаяся для дивизии, вынудила командира Н. Г. Цыганова использовать его с другой боевой задачей. Цыганов, разгадав маневр противника, срочно перегруппировал силы и направил этот полк, усиленный двумя артдивизионами и 13-м дивизионом самоходной артиллерии подполковника Соколова, на помощь 27-му гвардейскому стрелковому полку, чтобы прикрыть оголенный правый фланг дивизии и всей подвижной группы 11-й гвардейской ар-

мии. Подполковник С. А. Скрынников справился с поставленной задачей, его полк надежно прикрыл переправу через реку Роминте, а когда вражеские танки попытались пробиться к реке, то были встречены уничтожающим огнем орудий 30-го артополка. Несколько танков было уничтожено, и пехота отступила. В течение дня 22 октября немецкие танки и мотопехота предпринимали неоднократные попытки форсировать реку Роминте на запад и выйти в тыл 11-й гвардейской стрелковой дивизии и 2-му гвардейскому танковому корпусу, но успеха не имели. Решительные действия полка создали устойчивое положение для частей дивизии и 2-го гвардейского танкового корпуса.

Зрелое и высокое воинское мастерство командования дивизии достойно оценил командующий 11-й гвардейской армии генерал Галицкий. В своей книге «В боях за Восточную Пруссию» он пишет: «*Все это было характерно для 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Ее личный состав отличался высокой выучкой, части и подразделения — хорошей сплоченностью. Сформирована она была в Москве в тяжелом 1941 году из ополченцев Ленинградского района. Мужество ее воинов закалилось в тяжелых оборонительных и наступательных боях. Когда перед нами встал вопрос о выделении соединения для усиления 2-го гвардейского танкового корпуса при вводе его в прорыв, мы остановили выбор именно на этой дивизии. Она имела все данные, чтобы выполнить поставленные перед ней боевые задачи*¹».

Отражая контрудар немцев на своих флангах, 11-я армия одновременно частью сил 11-й гвардейской дивизии и главными силами 2-го танкового корпуса возобновила наступление на Гумбиннен и захватила его пригороды: Куллингкемен и Вилькошен. На утро 23 октября намечалось возобновить наступление на Гумбиннен, но вечером 22 октября поступил приказ из штаба фронта: перейти к обороне по рубежу реки Роминте. Генерал Галицкий критически отнесся к этому приказу. Как он считал, к тому времени противник был сильно обескровлен и надо было наступать. Но приказ есть приказ. 11-я гвардейская армия отводилась из-под Гумбиннена за реку Роминте. Она сосредоточилась в

¹ Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. М.: Наука, 1970. С. 155.

роминтенковском лесу западнее знакомого нам озера Виштитис.

Так закончилась Гумбинненская операция. Хотя город не был взят, однако противнику не удалось расчленив 11-ю гвардейскую армию и окружить ее главную группировку под Гумбинненом. За героизм и мужество, умелые действия наша 11-я гвардейская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина. Пополнился и дивизионный «комплект» Героев Советского Союза дивизии. Этого звания был удостоен командир 40-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка подполковник С. А. Скрытников.

После столь напряженных, кровопролитных боев на подступах к Восточной Пруссии, а затем при вторжении на ее землю 11-й гвардейской армии, всем ее соединениям, как говорится, сам бог повелел встать на «капремонт», пополниться, привести себя в порядок, довооружиться — ведь впереди был Кенигсберг.

В конце октября 1944 года войска 3-го Белорусского фронта перешли к обороне на достигнутых рубежах, а 11-я гвардейская армия была выведена во второй эшелон. Все знали и понимали, что это временное явление, что предстоят новые бои. Враг еще сопротивлялся. Значит, надо готовиться к новым сражениям. Впереди был Кенигсберг.

Гумбинненская операция продолжалась восемь дней — с 16 по 24 октября. Она вошла в историю Великой Отечественной войны как поучительный пример прорыва сильно укрепленной полосы глубоко эшелонированной обороны противника. На собственной территории врага был создан плацдарм для дальнейшего наступления в глубь Восточной Пруссии. И в этом ее другое важное значение. Советские войска, помимо того, что уничтожили огромное количество боевой техники и живой силы немцев, приобрели ценный опыт боевых действий в преодолении сильно укрепленных позиций. Нельзя не учитывать и того важнейшего политического фактора, что война теперь запылала на собственной территории фашистской Германии.

ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА

Как отмечалось выше, в результате Гумбинненской операции были созданы предпосылки для последующего наступления в глубь Восточной Пруссии, на Кенигсберг.

Это понимало и немецкое командование. В Восточную Пруссию были стянуты крупные силы, воссозданные после разгрома в Белоруссии из группы армий «Центр» и «Север». К середине января 1945 г. здесь сосредоточились 43 дивизии (35 пехотных, 4 танковые, 4 моторизованные) и 1 бригада общей численностью в 580 тысяч солдат и офицеров и 200 тысяч фольксштурмовцев. Они имели 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 самолетов 6-го воздушного флота. Возглавляли группу армий «Центр» сначала генерал-полковник Рендулич, а затем генерал-полковник Вейсх¹.

Заправила вермахта придавали большое значение удержанию Восточной Пруссии, так как она прикрывала подступы к центральным районам Германии. На ее территории в прилегающих к ней районах северной части Польши была создана мощная оборона глубиной 150—200 км. Опираясь на укрепления, немецкое командование стремилось во что бы то ни стало остановить продвижение наших войск.

В этих условиях советским войскам надо было пополниться, довооружиться, создать перевес с тем, чтобы начать новое теперь уже крупное наступление. В ночь на 28 октября 11-я гвардейская армия частью сил заняла рубеж обороны Маттишкемен — Вальдкемен — река Роминте — Гольдап, а главные силы были оставлены во втором эшелоне (до середины января 1945 г.).

Восточнопрусская операция, составившая важную страницу завершающего этапа войны в Европе, началась 13 января 1945 г. наступлением войск 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Замысел операции заключался в том, чтобы отсечь армии группы «Центр» от остальных фашистских войск, прижать их к Балтийскому морю, расчленив и уничтожить по частям. Операция началась успешно. Несмотря на отчаянное сопротивление,

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Госполитиздат, 1970, с. 176.

враг вынужден был отступать от рубежа к рубежу, неся большие потери.

11-я гвардейская армия, в которую неизменно входила 11-я гвардейская дивизия, была введена в бой из второго эшелона фронта в ночь на 20 января с рубежа реки Инстер на правом крыле 3-го Белорусского фронта на стыке 39-й и 5-й армий. Совершив оперативную перегруппировку из роминтеновских лесов на север, она в ночь на 20 января повела наступление в обход Инстенбургской группировки противника с севера и за двое суток продвинулась вперед на 45—50 км. 11-я гвардейская стрелковая дивизия, входившая в состав 16-го гвардейского Краснознаменного стрелкового корпуса, была введена в бой в 14.00 21 января в районе севернее Бершкаллен из-за левого фланга 31-й гвардейской стрелковой дивизии. После упорных схваток она прорвала главную полосу обороны противника и к исходу 21 января вышла к реке Прегель в районе Плибишкен (теперь Глушково) северо-восточнее Велау. 22 января войсками соседних слева соединений был взят Инстенбург — важный узел дорог и крупный город. А в это время 16-й гвардейский корпус силами 1-й и нашей 11-й гвардейских стрелковых дивизий форсировал реку Прегель и к исходу 23 января захватил населенные пункты Клейн-Нур и Гросс-Егесдорф, о котором мы уже упоминали. Именно это местечко русские войска брали еще в 1757 году.

После взятия города Инстенбурга рухнула система обороны противника на дальних подступах к Кенигсбергу. Враг стал с боями отходить на запад, в то время как 11-я гвардейская армия продолжала успешно развивать наступление вдоль левого берега Прегеля. 27 января она обошла Кенигсберг с юго-востока и юга, а к исходу 29-го передовые ее части вышли к заливу Фришес-Хафф. Тем самым были перерезаны основные сухопутные пути из Кенигсберга на юг и юго-запад, так как у противника оставалась лишь приморская шоссейная дорога. Но главное состояло в том, что была надвое расчленена Восточнопрусская группировка противника — на Кенигсбергскую и Хайлигенбальскую, чем окончательно была предрешена ее судьба.

В этих тяжелых боях вновь отличилась наша 11-я гвардейская дивизия. В ходе преследования противника части дивизии действовали вдоль речки Фришинг, при-

крывая левый фланг 11-й гвардейской армии. В районе Удерванген (теперь Чехов) немцы предприняли крупную контратаку 1-й пехотной и 2-й моторизованной дивизиями, однако она была успешно отбита, а 27 января наши полки сходу прорвали сильно укрепленные позиции противника «Фришинг» и продолжали продвигаться вперед.

Упорное сопротивление немцы оказали под Виттенбергом. Предприняв отчаянную контратаку, они потеснили наши части и создали угрозу правому флангу дивизии. Положение удалось восстановить лишь введя в бой находившийся во втором эшелоне 27-й полк, которым командовал подполковник Ф. И. Бурлаков. Стремительной атакой он прорвал оборону противника южнее Виттенберга и вышел ему в тыл, к железной дороге, что в двух километрах севернее Тарау.

Командарм 11-й гвардейской армии генерал Галицкий, описывая бои тех дней, дал высокую оценку действиям дивизии в той сложной обстановке. *«Умело маневрируя 40-м и 27-м полками, — пишет он в своей книге «В боях за Восточную Пруссию», — командир дивизии генерал Н. Г. Цыганов преодолел сопротивление немцев и к 19 часам вышел на шоссе Голлау — Мансфельд (теперь Яблоневка), а затем продолжил наступление на Лихтенхаген. На подступах к нему завязался упорный встречный бой. Немцы яростно контратаковали гвардейцев, бросив в бой до полка пехоты с 12 танками, 6 штурмовыми орудиями и 7 бронетранспортерами. Соотношение сил сложилось не в нашу пользу. Но снова на высоте оказался командир дивизии генерал Н. Г. Цыганов, умевший быстро и правильно ориентироваться в сложной обстановке. Он оставил против Мансфельда один батальон, а остальные силы 40-го полка бросил на помощь подразделениям, отражавшим контратаки у Лихтенхагена. В результате упорного боя противник был разобщен на отдельные группы и окончательно разгромлен»¹.*

После Лихтенхагена ночью был взят и Мансфельд, а за ним и Бергау. От Бергау (ныне Голубево) до залива

¹ Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. М.: Наука, 1970. С. 304—305.

Фришес-Хафф оставалось лишь шесть-семь километров. Между передним краем и заливом пролегла автомагистраль Кенигсберг — Данциг. Ее захват и выход к заливу означал полную изоляцию Кенигсбергской группировки. Вот почему уже разобщенные вражеские части и соединения так яростно и упорно добивались восстановления положения.

Перед фронтом дивизии находились сильно укрепленные пункты противника — помещичьи имения: Вундлакен, Гординен, Вартен, Маулен. Они оказались на пути 27-го полка. С утра шел снег. Под прикрытием его завесы 3-я рота Липаевского вплотную подошла к господскому двору. Находившиеся в нем до 400 фашистов открыли из окопов огонь из пулеметов и автоматов. Рота залегла. Узнав об этом, Бурлаков приказал командиру дивизиона 30-го артполка вывести батареи на прямую наводку. Артналет был столь сокрушительным, что гитлеровцы через несколько минут выкинули белые флаги. Командир роты Липаевский и командир взвода Ворона вышли вперед, но фашисты встретили их предательскими выстрелами и оба наши офицеры погибли. Тогда артдивизион вторично обрушил на гитлеровцев уничтожающий огонь, и снова появился белый флаг. Пленных отправили в тыл, а рота 27-го полка, сопровождаемая артиллеристами, двинулась на северо-восточную окраину Вундлакена. Завязался жаркий бой. К вечеру противник подтянул сюда пехоту и танки. На его стороне были значительно превосходящие силы. Враг предпринял несколько контратак с целью выбить из Вундлакена 27-й полк, но гвардейцы все их отбили, а ночью пошли в наступление в северо-западном направлении на Гординен. Противник попытался совершить обходный маневр, чтобы выйти в тыл полку, но это ему не удалось. На помощь 27-му полку пришли другие подразделения дивизии, и Гординен был взят.

В ночь на 1 февраля немцы внезапно прорвались в наш тыл и атаковали Вундлакен, где в одном из особняков, похожем на средневековый замок, находился штаб 40-го полка. Его командир подполковник С. А. Скрынников приказал начальнику артиллерии майору Т. П. Гуляеву и адъютанту старшему лейтенанту П. Е. Платонову организовать круговую оборону, а личный состав штаба перешел в подвал. Туда же пере-

несли и боевое знамя полка¹. В обороне приняли участие все, кто был под рукой: личный состав штаба, разведчики, связисты, санитары, писаря. Фашисты атаковали, не считаясь с потерями. Они все ближе и ближе подходили к особняку. Их расстреливали в упор, однако некоторым удавалось подбираться к стенам и бросать в окна дымовые шашки. Но гвардейцы стояли насмерть, а вскоре подоспела помощь. Боевые знамена были спасены.

На подступах к особняку полегло немало фашистов, но и у нас были потери. Ранило организатора круговой обороны майора Гуляева. Из разведчиков отличились Филин, Оржешевский, Пантелеев и лейтенант Бойко, который лично уничтожил более десятка гитлеровцев, но и сам погиб смертью храбрых.

Второго февраля тяжелая доля выпала на 33-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал подполковник Я. И. Тележенко. Ему было приказано занять Вартен, через который проходила автомагистраль Кенигсберг — Берлин. Выполнение задачи возложили на 3-й батальон. В полдень под прикрытием артогня 9-я рота, чтобы привлечь к себе внимание, пошла на Вартен прямо в лоб, а две другие, используя лошину, нанесли удар с фланга. Достигнув окраины села, роты разделились на группы: они должны захватить большой каменный дом, из которого можно было контролировать движение по автомагистрали. Уничтожив два бронетранспортера, а затем, выбив из подвала дома автоматчиков, наши гвардейцы захватили Вартен. Взабешенные тем, что их провели, гитлеровцы, ввязавшиеся в бой с 9-й ротой, бросили на наших бойцов, захвативших Вартен, несколько танков и бронетранспортеров. Но не тут-то было. Сначала расчет орудия старшины Грибанова вывел из строя два фашистских бронетранспортера, а затем расчет сержанта Деменчука подбил и сжег танк и бронетранспортер. Но фашисты продолжали насаждать. Погиб Грибанов, ранены бойцы расчета Деменчука. Оказав им помощь, на место заряжающего встала санинструктор батареи Галина Осташева. Снова заработало орудие Деменчука. В этот момент оказался

¹ В особняк, где размещался 40-й полк, вскоре перенесли боевое знамя и 33-го гвардейского стрелкового полка, который также подвергся нападению фашистов.

ранен заместитель командира артдивизиона капитан Борисюк. Осташева оказала ему помощь, и он снова продолжал руководить боем, однако сама Галина, возвращаясь к орудию Деменчука, попала под пулеметный огонь и погибла. Мужественно сражались артиллеристы лейтенант Шипенко и Степанов. Оба они пали смертью храбрых. Однако контратака противника была отбита, и Вартен (к этому населенному пункту мы еще вернемся) остался в наших руках.

Не менее ожесточенным оказался бой и за другой важный опорный пункт — Маулен, находившийся в трех километрах южнее Вартена. Операцию по его захвату выполнил 40-й гвардейский стрелковый полк. Маулен располагался совершенно на открытой местности. Поэтому операция была проведена ночью. Ее осуществил сводный отряд, сформированный из саперов и связистов, под командованием старшего лейтенанта Литовкина. Поддержанные пятью танками и четырьмя самоходными орудиями, гвардейцы решительно атаковали противника, и Маулен был взят.

Следует подчеркнуть, что борьба за овладение автомагистралью Кенигсберг — Данциг и за выход на берег залива Фришес-Хафф продолжалась с переменным успехом несколько дней. Наконец, авангардные части 31-й и нашей 11-й гвардейских дивизий во взаимодействии с 43-й танковой бригадой вновь перерезали автомагистраль и 2 февраля вышли к заливу. Первым вырвался на берег заснеженного залива 1-й батальон 33-го стрелкового полка капитана Н. П. Капустина. По этому поводу агитаторы полка выпустили листовку-молнию (мы уже писали об этих заготовках-листовках). В них говорилось: *«Сегодня гвардейцы первого батальона нашего полка с боями вышли к морю. Кенигсберг отрезан. Путь отступления немцам закрыт! Слава гвардейцам, первым прорвавшимся к морю! Вперед на окончательный разгром врага!»*

Между тем схватки за автомагистраль и берег залива продолжались. Немцы, стянув к Вартену части 69-й пехотной дивизии и до полусотни танков 5-й танковой дивизии, перешли в наступление. Вышедший к заливу батальон Капустина оказался окруженным. Погиб заместитель командира батальона по политической части майор Майоров. Его заменил капитан Д. Ж. Хасаншин. Он умело организовал круговую оборону, а за-

тем гвардейцы сами перешли в решительную атаку и прорвались к своим, уничтожив пять танков и два бронетранспортера врага.

А 5 февраля, перед рассветом, немцы снова атаковали Вартен. В завязавшей ожесточенной схватке за несколько часов было уничтожено 15 вражеских танков. Особенно отличилась 1-я батарея капитана Бурдина и лично командиры орудий старший сержант Аликин, Кошкарев, наводчик Мальцев. Все они погибли смертью храбрых. Фашистам удалось окружить Вартен. Командир дивизиона 30-го артполка майор Михаил Полевничий, возглавивший группу поддержки, собрал оставшихся артиллеристов, разведчиков — всего до 50 человек и решил продолжать борьбу до последнего.

«Героические события тех дней, — вспоминает бывший начальник штаба дивизии гвардии подполковник П. Г. Яновский, — никогда не изгладятся из моей памяти. Несмотря на упорное сопротивление подразделений 33-го гвардейского стрелкового полка и 1-го дивизиона 30-го гвардейского артполка, немцам все же удалось опять занять часть Вартена. Примерно в 21.30 5 февраля командир корпуса генерал-майор С. С. Гурьев приказал мне лично отправиться на место описанного выше эпизода и во что бы то ни стало выбить немцев из Вартена. Помню, в темноте, взявшись за телефонный кабель, проложенный от штаба дивизии, находившегося в подвале господского дома Вундлакен, я на ощупь пошел в 33-й стрелковый полк. К моему прибытию на НП командира полка подготовка ночной атаки там уже заканчивалась и я лишь заслушал доклад о деталях боя и сделал несколько пожеланий и замечаний.

Ночная атака на позиции противника началась после залпа «катюш», была стремительной и через час Вартен вновь был полностью очищен от немецких войск. Тут же мы организовали оборону и подготовились к возможной новой контратаке. Я приказал дивизионному инженеру капитану Белюшину заминировать подступы к Вартену, а командиру полка организовать огонь артиллерии, стрелков и саперов. Затем доложил командиру корпуса Гурьеву о том, что его приказание выполнено и Вартен полностью очищен от противника. Он поблагодарил за службу и приказал возвратиться в

штаб дивизии. К сожалению, наша радость была недолгой. На рассвете 6 февраля немцы, собрав силы, предприняли очередную атаку и, воспользовавшись малочисленностью 33-го гвардейского стрелкового полка, снова заняли Вартен. В этот день в неравном бою погиб начальник штаба полка майор Ерпилев. Схватка с противником перешла с улиц в подвалы домов. После трех-четырёхкратного перехода Вартена из рук в руки, нам пришлось оставить его, так как силы дивизии были полностью истощены».

О захватывающих подробностях, связанных с кровопролитными боями за Вартен, рассказал автору этой книги бывший начальник штаба 30-го гвардейского арtpолка капитан А. Г. Сандриков.

«Вартен несколько раз переходил из рук в руки,— вспоминает он.— В ходе одного из боев попали в окружение управление 33-го гвардейского стрелкового полка, первый его батальон и управление 1-го дивизиона нашего полка, находившиеся на наблюдательном пункте в подвале одного из домов. Немцы окружили наблюдательный пункт и потребовали сдачи в плен, но получили категорический отказ. Тогда они стали стрелять в окна подвала и бросать туда дымовые гранаты. На беду у командира 1-го дивизиона майора М. А. Полевниченко вышла из строя радиостанция, и связь с командиром полка и штабом прекратилась. Однако вскоре опытные радисты исправили радиостанцию, и связь была восстановлена. Я до сих пор помню, как майор Полевниченко доложил, что он с личным составом окружен и просит открыть огонь по дому, где находится его наблюдательный пункт. Я попросил еще раз уточнить квадрат: ведь просит огонь на себя. Стали советоваться, что делать. Между тем Полевниченко просит не мешкать. Тогда мы решились, уверенные в том, что свои не пострадают, а немцам, обложившим дом, не поздоровится. Мы тщательно подготовились и двумя дивизионами полка открыли беглый огонь по квадрату. Потеряв много автоматчиков, фашисты в панике разбежались со двора. Воспользовавшись этим, наши артиллеристы вышли из 10-часового окружения. В этом бою особо отличились командир 3-й батареи старший лейтенант Е. И. Сыроватский, рядовой А. Панченко. Мно-

го спасла жизнью санструктор В. В. Бурцева, которая оказала первую помощь 25 воинам»¹.

Не менее ожесточенными, чем в Вартене, шли бои за автомагистраль Кенигсберг—Данциг. Оседланная гвардейцами 27-го полка, она удерживалась от атак немцев в течение нескольких дней. И здесь образцы мужества показали артиллеристы. Отличился огневой взвод старшего лейтенанта Петрова, командиры оружейных расчетов коммунисты Давыдов и Бондарь. Парторг батареи Беляев собрал всех артиллеристов и провел беседу, разъяснив значение того, что они делают: держат под пристрелом кровяную артерию врага; сторожат дорогу, по которой немцы стремятся пробиться на запад. Однажды батарея Беляева решила устроить фашистам ловушку. Артиллеристы соорудили из разбитых повозок ложную позицию, а орудия откатали подальше и пристреляли их. И вот показалась немецкая самоходка. Увидев странное заграждение, она открыла по ней огонь, но, когда развернулась, то попала под меткие выстрелы наших артиллеристов. Вскоре появилась вторая самоходка, но и она была подбита. Потом подошла пятерка бронетранспортеров с пехотой. Завязалась жаркая схватка. Ранило наводчика Трухина. Его заменил заряжающий комсомолец Петров. Он и расправился с пятой машиной.

Но вражеская пехота все ближе подбиралась к нашим артиллеристам, у которых кончились снаряды. Гитлеровцы поднялись во весь рост. Коммунисты Карасев и Врусенцов открыли по ним огонь из трофейного миномета, а наводчик Фролов застрочил из пулемета, тоже трофейного. Фашисты дрогнули и повернули назад, оставив на поле боя с полсотни трупов.

Отвагу и смекалку показали в этом бою разведчики 27-го стрелкового полка коммунисты Шапошников и Цимбалисти. Они отбили у немцев пушку и открыли из нее огонь по скопившемуся противнику. Рядовой этого же полка Касым Фазылов гранатами уничтожил бронетранспортер.

Еще несколько дней гремели упорные бои по всему побережью залива. Неоднократные попытки наших передовых подразделений закрепиться на берегу успеха не имели, и линия фронта стабилизировалась вдоль

¹ ЦАМО СССР, ф. 793, о. 204030, д. 11, л. 93.

автострады в 1,5—2 км от залива. Здесь следует подчеркнуть, что, как и всегда в подобных случаях, при отражении контратак противника и закреплении занятых рубежей и опорных пунктов особо туго доставалось личному составу 13-го самоходно-артиллерийского дивизиона Соколова и 15-го гвардейского саперного батальона Вдовина. Дело в том, что их нечем было заменять и они все время находились на переднем крае наших частей, а частенько и перед ними. Вот пример: в начале февраля в одной из схваток с противником Вдовин был тяжело ранен. Его заменил начальник штаба батальона капитан П. Момсенко, но и он вскоре был ранен, однако остался в строю.

Исчерпав свои наступательные возможности, дивизия 10 февраля перешла к обороне. К тому времени в ней осталось менее трех тысяч штыков (в стрелковых ротах насчитывалось всего по 20—25 человек). Не лучшее положение было и у наших соседей — 1-й, 26-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий. Однако и у немцев ситуация сложилась критическая. Почти полностью оказался отрезанным Кенигсберг с его гарнизоном. В распоряжении противника для маневра осталась лишь узкая прибрежная полоса.

Наступило затишье.

А впереди предстоял штурм Кенигсберга — многовекового города-крепости, которую немцы считали неприступной. И это была правда. Вот что рассказывает о крепости участник ее штурма бывший начальник штаба 30-го гвардейского артполка 11-й гвардейской стрелковой дивизии капитан А. Г. Сандриков, ныне генерал-лейтенант в запасе.

«Перейдя к обороне,—вспоминает он,—дивизия пополнялась личным составом, вооружением, техникой, усиленно готовясь к штурму цитадели немецкого милитаризма — города и крепости Кенигсберг. Ведь за всю войну не встречались еще такие укрепления, какие были созданы здесь. Оборона Кенигсберга состояла из трех оборонительных позиций, промежуточных рубежей, отсечных позиций и укреплений города, железобетонных долговременных сооружений, внешних и внутренних фортов, многочисленных убежищ, дополненных развитыми полевыми укреплениями.

Первая позиция состояла из 2—3, а местами из 6—7 траншей, связанных между собой большим коли-

чеством ходов сообщения, 12 основных и 3 промежуточных старых фортов и до 390 различных прочных убежищ. Первую позицию прикрывали противотанковый ров шириной 6—8 м и глубиной 3 м, эскаран и противотанковые надолбы, проволочные заграждения и минные поля. Позиция проходила в 6—8 км от центра города.

Вторая позиция — по окраинам пригородов Кенигсберга. Основу обороны составляли опорные пункты, созданные в каменных зданиях, соединенные ходами сообщений. На позиции было 38 дотов, 25 дзотов и 214 убежищ. Третья позиция была в самом городе (в 1,5—2 км от центра) по старой городской черте. Тут были 9 старых фортов и цитадель, в которой можно было разместить до нескольких сот человек. Всего в гарнизоне насчитывалось около 130 тысяч солдат и офицеров, до 4-х тысяч орудий и минометов, 108 танков и штурмовых орудий. Кроме того, в Кенигсберге было установлено до 35 тысяч противотанковых и свыше 105 тысяч противопехотных мин. Многие дома были заминированы, а на перекрестках улиц установлены фугасы. В городе оставалось также около 100 тысяч жителей.

Много было уделено внимания подготовке подразделений для действия в составе штурмовых отрядов и групп. В отряд в составе батальона выделялась из полка батарея, а в группу — огневой взвод. В состав штурмовых отрядов входили также минометные подразделения, танки, самоходно-артиллерийские установки, станковые пулеметы, саперы и огнеметчики. При проведении занятий и тренировок каждому подразделению ставилась задача, подобная той, которую оно будет решать уже при штурме города. Например, кто будет вести огонь по верхним этажам, а кто по другим и кто по окнам первых этажей. Тренировки проводились и отработывались до автоматизма.

Наша дивизия находилась во втором эшелоне, но 30-й артполк, как всегда, участвовал в артиллерийском наступлении при прорыве обороны. На этот раз полк составлял контрминометную группу 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Помню, что, прибыв в штаб артиллерии 16-го гвардейского стрелкового корпуса под вечер, на коне, так как на машине ехать было невозможно из-за непролазной грязи, получил задачу: унич-

тожить три минометные батареи немцев. На каждый дивизион — по одной батарее. Отработка документов и расчет режима огня по каждой цели заняли всю ночь. С рассветом, уезжая из штаба артиллерии корпуса, наблюдал необычную картину: все поле, на сколько войт глаз, без единого дерева или кустика, было занято артиллерией. Вначале колесо в колесо шли позиционные районы более крупных калибров, а затем более малые. И так почти до самого переднего края обороны немцев.

И вот началась битва за Кенигсберг.

11-я гвардейская армия получила приказ: ударом с юга совместно с 43-й и 50-й армиями уничтожить гарнизон крепости и овладеть городом. Главный удар в трехкилометровой полосе наносили соединения 16-го гвардейского корпуса. Наша дивизия составляла второй эшелон и предназначалась для развития наступления корпуса. 6 апреля 1945 года в 9.00 вслед за сигнальной ракетой началась мощная артиллерийская подготовка, длившаяся 3 часа. Погода в этот день была нелетная и авиация не смогла активно поддержать войска. После артподготовки пехота и танки пошли в атаку. Надо сказать, что продвижение дивизий первого эшелона шло медленно. Да это и понятно: речь шла о прорыве сильнейших долговременных укреплений. Каждая траншея, каждый дом брался с боем. Только на второй день штурма были прорваны две оборонительные позиции и занят Понартюжный район Кенигсберга. Однако трехкратные попытки 1-й и 31-й гвардейских дивизий прорвать третью позицию, проходившую по реке Беск, успеха не имели. Тогда командир корпуса решил ввести в сражение нашу 11-ю гвардейскую дивизию с задачей прорвать эту позицию, овладеть районом товарной станции и выйти к реке Прегель, протекавшей в центре города.

Находившаяся в Понарте, наша дивизия развернулась и с ходу, из-за левого фланга 31-го гвардейского стрелкового полка, после короткого огневого налета, в 17 часов 30 минут 7 апреля начала атаку. В первом эшелоне наступали 27-й и 40-й полки. После упорнейших боев они к вечеру овладели двумя кварталами в районе товарной станции, однако выйти к реке в первый день не удалось.

Приближаясь к станции, штурмовая группа 40-го

стрелкового полка с ходу ворвалась в крайний дом. На 3-м этаже произошла горячая схватка с фашистами. Дом этот имел сквозную пробоину от крыши до самого низа от бомб нашей авиации. Юный разведчик 40-го полка Саша Савватеев, израсходовав патроны и гранаты, вступил в рукопашную схватку. Сильный и ловкий, он одного за другим сбросил троих гитлеровцев в эту пробоину, но в борьбе с четвертым сам сорвался вниз и разбил голову. Героя отправили в госпиталь, и, к сожалению, его судьба осталась неизвестной.

Воины 27-го полка, захватывая дом за домом, пробились на одну из улиц, выходящую к железнодорожной линии. В схватке с немцами участвовали командир полка Ф. И. Бурлаков и его заместитель Д. И. Диков, который погиб, а Бурлаков получил четыре ранения. В командование вступил начальник штаба полка подполковник Гликін.

Наступила ночь, а бои не прекращались. Гвардейцы продолжали штурмовать третью позицию — микрорайон Нассер Гартен. Чтобы прекратить кровопролитие, по инициативе командира 2-го батальона 27-го стрелкового полка Бакуна и комсорга полка Сафонова боец Разовский, знавший немецкий язык, обратился по радио к противнику с призывом прекратить бесполезное сопротивление и сложить оружие. Поначалу казалось, что его никто не услышал из-за орудийного грохота. Но прошло несколько минут, и из стана врага прибежали два солдата и унтер-офицер Леона Гюнтер. На смерть перепуганные, они сообщили, что в доме находится 200 солдат из 360-го охранного батальона и свыше 1000 человек гражданского населения¹. Заместитель командира полка по политчасти майор А. С. Влужев послал их обратно, чтобы они немедленно прекратили огонь, а если не примут ультиматум, то дом будет уничтожен через 20 минут. Это подействовало. Сопротивление прекратилось.

Ночью третья позиция обороны немцев Нассер Гартен была прорвана, затем взята товарная станция, и дивизия вышла на берег реки Прегель. Занималось утро 8 апреля. В 5.00 2-й и 3-й батальоны 27-го гвардейского стрелкового полка и 2-й батальон 40-го гвардейского стрелкового полка первыми вышли к реке Пре-

¹ ЦАМО СССР, ф. 1070, о. 1, д. 1, л. 217.

егль в район железнодорожного моста, который был взорван, а обрушившиеся его фермы находились в воде. Гвардейцы положили на концы этих ферм доски и по ним, а также, используя наведенные ночью легкие паромы, под сильным огнем противника начали форсировать реку, так что к 11.00 на северном берегу Прегеля были уже уже подразделения 27-го и 40-го гвардейских стрелковых полков. К тому времени сюда же, на небольшой плацдарм, переправился и 33-й гвардейский стрелковый полк, находившийся во втором эшелоне дивизии. Немцы атаковали наши части, и в течение всего дня шли ожесточенные бои. Преодолевая упорное сопротивление 69-й пехотной дивизии, гвардейцы штурмом овладевали каждым домом, кварталом, улицей, неуклонно продвигаясь вперед, к центру города. В ночь на 9 апреля на северный берег Прегеля по паромам, наведенным саперами 15-го гвардейского саперного батальона, переправился 30-й гвардейский артполк и танки 2-го батальона 23-й гвардейской танковой бригады. По мере переправы орудия и танки сразу же вливались в боевые порядки штурмовых групп и отрядов.

К середине 9 апреля части дивизии достигли улицы Коперникштрассе и Буттенбергштрассе (теперь это район улиц Вагнера и Барнаульской). 1-й батальон 33-го гвардейского стрелкового полка капитана Капустина разгромил крупный гарнизон, оборонявшийся в здании военно-хозяйственного снабжения немецкой армии. Успешно продвигались к центру города 9 апреля и другие части и подразделения дивизии. В руках противника оставалась лишь северо-западная часть Кенигсберга (нынешний Ленинградский район Калининграда) — с северным вокзалом, королевским замком, центральным телеграфом и почтой. Кольцо окружения сжималось с каждым часом и к 18 часам в нем оставалось около 40 тысяч немцев. Вся территория этого кольца простреливалась артиллерийским и минометным огнем наших войск. Бои по-прежнему носили ожесточенный характер. Особенно за резиденцию прусских королей — огромный замок, где засело до 700 гитлеровцев. Бои продолжались и в других районах города. Комендант Кенигсберга генерал пехоты В. Ляш размещался со своим штабом в подzemелье на парадной площади около памятника королю Фридриху-Вильгельму III.

Надо отметить, что быстрому продвижению частей

дивизии способствовало то, что с самого утра 9 апреля вся артиллерия по мере переправы через Прегель была поставлена на прямую наводку, в результате достигался наибольший эффект. Умело действовала 9-я батарея 30-го гвардейского артполка под командованием старшего лейтенанта Каретникова¹. Находясь на прямой наводке, она открыла огонь осколочно-фугасными 122-миллиметровыми снарядами по бункеру, оказавшемуся на пути 27-го стрелкового полка. Снаряды рикошетировали и не давали результата. Тогда командир батареи перешел на обстрел бетонобойными снарядами, и после 2—3 выстрелов в окне бункера немцы вывели белый флаг. Огонь был прекращен. Из бункера вышли два немецких офицера: полковник Генрих Гефкер и подполковник Кервин. В дальнейшем эти офицеры сыграли определенную роль в создании условий для переговоров о капитуляции гарнизона Кенигсберга».

А вот что рассказывает бывший начальник штаба 11-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник П. Г. Яновский, ныне генерал-майор в запасе. «В 17 часов 30 минут 9 апреля на участке 27-го гвардейского стрелкового полка нашей дивизии перешел линию фронта командующий артиллерии группы «Микош» полковник Г. Гефкер с просьбой от коменданта Кенигсберга генерала от инфантерии О. Ляша о высылке к нему парламентариев от советского командования для переговоров о прекращении военных действий. Гефкер был немедленно доставлен в штаб дивизии, о чем было доложено командующему 11-й гвардейской армии генералу Галицкому. По указанию маршала А. М. Василевского эта задача была возложена на меня. Мне было приказано совместно с офицерами капитаном А. Е. Федорко и капитаном В. М. Шпитальником пойти в штаб Ляша, чтобы передать требование советского командования о безоговорочной капитуляции немецких войск в Кенигсберге, а также разрешить практические вопросы, связанные с капитуляцией, и взять в плен генерала Ляша и его штаб.

В 19.00 мы отправились в путь в сопровождении немецкого переводчика. К линии фронта подошли, когда

¹ Командир батареи Каретников был представлен к званию Героя Советского Союза, а Президиум Верховного Совета СССР наградила его орденом Ленина.

уже совсем стемнело. Но поскольку оказалось, что переводчик не знал дальнейшей дороги в немецкий штаб, то нам пришлось потратить 20—30 минут у линии фронта, чтобы найти офицера, знавшего место расположения Ляша. Таким оказался подполковник Кервин. Он-то и сопроводил нас в штаб Ляша.

Мы долго шли по улицам и переулкам пылающего города. По дороге попадались навстречу вооруженные патрули. Трижды они пытались применить к нам оружие, но вмешивался Кервин, эти эпизоды заканчивались благополучно, и мы продолжали путь дальше.

Обстановка в городе была сложной. Офицерский и генеральский состав, особенно эсэсовцы и партийные функционеры, настаивали на ведении боя до последнего солдата, в то же время многие солдаты насытились войной и готовы были прекратить сопротивление. Подтверждением последнего может служить такой эпизод. Когда мы уже подходили к площади Фридриха-Вильгельма, произошла любопытная история. К нашей группе привязались два немецких солдата из фольксштурма. Один — старик, другой совсем мальчишка. Узнав, что мы русские парламентарии, они заявили, что тоже пойдут к Ляшу. Мы ответили, что идти с нами вооруженным солдатам нельзя. Тогда старик со злобой бросил свою винтовку на уличный завал. Большого труда стоило немецкому офицеру Кервину заставить фольксштурмовцев взять винтовку и уйти в свое подразделение. Ясно было, что моральный дух немецких войск быстро падал. Этому способствовала тяжелая боевая обстановка. У немецких войск были большие потери, не хватало боеприпасов, нарушена связь и управление, отсутствовали возможности для маневра частями и соединениями в кольце окружения. К тому же ни на минуту не прекращались удары нашей артиллерии и авиации. Улицы города были заминированы и загромождены множеством мощных баррикад, разбитой и сожженной военной техникой. Повсюду валялись трупы людей, лошадей.

Наконец, с большим трудом мы добрались до штаба Ляша, находившегося в подземном глубоком железобетонном бункере из 22-х комнат. По прибытии вручили текст ультиматума Маршала Советского Союза Василевского, руководившего штурмом Кенигсберга, сначала начальнику штаба полковнику фон Зускинду, а затем и

самому Ляшу, который примерно в 21.00 дал согласие на прекращение сопротивления.

Для того чтобы капитуляция немцев прошла организованно, по нашему требованию Ляш, нехотя, отдал войскам письменный приказ о прекращении боевых действий. Этот приказ был в ту же ночь разослан нарочными войскам крепости. Для контроля за рассылкой приказа был оставлен офицер — начальник оперативного отдела немецкого штаба.

Во время наших переговоров в комнату Ляша вошел его адъютант и доложил, что наверху, к входу в бункер, пришли нацисты и заявили, что они расстреляют Ляша и парламентариев. По нашему требованию Ляш приказал никого в бункер не впускать и усилить его охрану¹.

Примерно в 23.00—24.00 мы взяли с собой в качестве военнопленных: коменданта крепости и начальника гарнизона войск, оборонявшихся в Кенигсберге, генерала от инфантерии О. Ляша, начальника его штаба полковника генерального штаба фон Зускинда и других руководящих членов штаба и в первом часу ночи 10 апреля возвратились опять-таки через 27-й гвардейский стрелковый полк в штаб нашей 11-й гвардейской стрелковой дивизии.

Разведгруппа из состава 9-й разведроты штаба дивизии в количестве шести вооруженных разведчиков во главе с начальником разведки майором А. Я. Кругловым, посланная командиром дивизии для выяснения обстановки и розыска моей группы, поскольку мы задерживались по времени и о нас командование не имело никаких данных, прибыла в бункер часа через два после нас, когда мы уже были на обратном пути в наш штаб с пленными Ляшем и Зускиндом. Майор Круглов взял в плен генерал-лейтенанта Микоша и еще нескольких офицеров, подошедших к бункеру уже после нашего ухода. Группа Круглова возвратилась с пленными в штаб дивизии перед рассветом 10 апреля. К сожалению, один разведчик из этой группы — сержант А. С. Климов — был в бункере ранен.

В течение ночи с 9 на 10 апреля и особенно днем

¹ Как стало известно из послевоенных мемуаров Ляша, это была группа эсэсовцев под командованием подполковника Фидлера, которая хотела с применением оружия сорвать переговоры и заставить Ляша продолжать сопротивление до последнего солдата (П. Г. Яновский).

ние хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию».

В 24.00 9 апреля столица нашей Родины Москва салютовала доблестным советским войскам, штурмовавшим Кенигсберг, 24 залпами из 324 орудий. Радостно было сознавать, что посильный вклад в эту победу внесли и воины нашей 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Ее командиру Н. Г. Цыганову было присвоено звание Героя Советского Союза. Засверкали ордена Суворова и Кутузова соответственно на боевых знаменах 27-го и 33-го гвардейских полков, а на знамени 40-го полка к ордену Красного Знамени прибавился другой — орден Кутузова III степени.

В последующие дни после капитуляции гарнизона Кенигсберга дивизия провела несколько напряженных боев на подступах к немецкой военно-морской базе — городу и крепости Пиллау (ныне Балтийск) и на морской косе Фриш-Нерунг. В ночь на 1 мая 1945 года нашу дивизию сменили части 194-й стрелковой дивизии 48-й армии на морской косе у деревни Брандхамер, после чего она была выведена на отдых в район Таррау (ныне Владимирово), что в 20 км южнее Кенигсберга. С осени 1945 года части дивизии постоянно дислоцировались в городах Гранц (теперь Зеленоградск), Нойкурен (Пионерск) и Палмникен (Янтарный). Штаб дивизии находился в Нойкурене.

Как бы подводя итог четырехлетней войне, сводный взвод прославленной 11-й гвардейской Городокской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова стрелковой дивизии во главе с ее командиром генерал-майором Героем Советского Союза Н. Г. Цыгановым принял участие в Параде Победы, состоявшемся 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади.

В Калининграде в память о героических делах дивизии при штурме Кенигсберга благодарные жители установили мемориальную стелу на Гвардейском проспекте, а на братской могиле мемориала 11-й гвардейской армии — надгробие с именами павших воинов дивизии¹.

В связи с переходом страны на мирное положение и с сокращением Вооруженных Сил дивизия была в ию-

¹ Одна из улиц Кенигсберга (ныне г. Калининград) названа именем П. Г. Яновского.

Калининград. Гвардейцы дивизии у памятника погибшим однополчанам

ле — августе 1946 года расформирована. Боевые гвардейские знамена 11-й гвардейской стрелковой дивизии, прошедшей путь от Москвы до Кенигсберга и воспитавшей 13 Героев Советского Союза, ныне хранятся как святыни в Центральном музее Вооруженных Сил СССР в Москве. Эти реликвии напоминают нам всем о героических днях и делах воинов дивизии в годы Великой Отечественной войны, а молодому поколению напоминают об их священном долге верно и преданно служить нашей Родине.

Глава шестая

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

Неумолимо бегут годы, приближается 50-летие Победы Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. С тех пор выросло новое поколение, но не изгладится в народной памяти подвиг людей, защитивших страну, ее свободу и независимость. Пока светит солнце и серебрятся звезды, пока на земле существует человек, эта священная память будет оставаться золотой страницей в жизни нашего Отечества.

Нас остается все меньше и меньше, с каждой новой встречей мы кого-то не досчитываемся. Такова судьба. Но есть еще порох в пороховницах. И пока мы есть, мы не забываем о прошлом. По мере сил своих делаем все возможное, чтобы увековечить содеянное однополчанами. Для нас война продолжается, она закончится только тогда, когда мы узнаем имена всех пропавших без вести. Для нас лозунг: «Никто не забыт, ничто не забыто» — не просто слова, а принцип, обязанность.

В 1958 году был создан Совет ветеранов дивизии, который ныне возглавляет генерал-лейтенант в запасе А. Г. Сандриков — участник многих боев и штурма цитадели германского милитаризма города Кенигсберга. Основные усилия в своей работе Совет направляет на военно-патриотическое воспитание молодежи Ленинградского и Фрунзенского районов Москвы, а также Истринского, Солнечногорского, Рузского и Волоколамского районов Московской области, где проходил боевой путь дивизии. Большое внимание уделяют ветераны увековечению памяти погибших воинов, как на земле Подмосковья, так и в других районах и областях, где сражались воины дивизии. Живущие в Москве и сто-

Торжественный вечер-встреча ветеранов дивизии
с воинами Московского военного округа
в Доме Советской Армии. 1991 год

личной области регулярно проводят в школах и клубах «уроки мужества», в юбилейные даты, такие, как день Победы, годовщина Великого Октября, Советской Армии, разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, устраивают встречи «4-х поколений» с участием воинов гражданской, Великой Отечественной, воинов-интернационалистов, а также призывников Ленинградского и Фрунзенского районов Москвы, проходящих службу в частях Подмосковья.

Стало традицией проводить в школах викторины по истории Советских Вооруженных Сил и боевого пути дивизии, совершать поездки по местам боев Подмосковья, Белоруссии, Орловщины, Калужской области, а также в Калининград (бывший Кенигсберг), где дивизия завершила войну. В таких случаях ветераны посещают могилы боевых товарищей, возлагают венки, встречаются с молодежью соседних деревень и сел. В одну из таких поездок в город Карачев Брянской области ветераны отыскали могилу Героя Советского Союза младшего лейтенанта Ионесяна, погибшего в боях за освобождение города во время Курской битвы. С местными

Ветераны дивизии в школе № 70
Ленинградского района Москвы
в день открытия Музея воинской славы

властями ветераны договорились о перенесении его останков в центр города.

Ветераны помнят и никогда не забывают слова великого русского полководца А. Н. Суворова, который говорил, что войну нельзя считать оконченной, пока не захоронен последний солдат. В результате кропотливой работы в архивах А. Д. Карташова с группой «Понск» Румянцевской средней школы Истринского района Московской области было установлено девять фамилий из 36-ти героев, погибших 26 ноября 1941 года в боях у деревни Ефимоново (об этом эпизоде рассказывается в главе «Ни шагу назад»). Сейчас известны имена всех.

На месте этого героического боя у деревни Ефимоново, что в 5-ти км севернее города Истры, по инициативе ветеранов ныне воздвигнут Памятный знак. В его сооружении участвовала молодежь совхоза «Истринский». На открытии здесь собрались сотни людей. Приехал по приглашению Совета из Воронежской области брат погибшего заместителя политрука химвзвода Филимонова. На митинге он сказал: «46 лет я ничего не знал о своем брате, считал его без вести пропавшим. Теперь я знаю, что он погиб как герой. Я увожу с со-

бой землю с этого священного подмосковного клочка, политого кровью моего брата и его боевых товарищей».

Благодаря инициативе Совета установлен Памятный знак в деревне Никулино, что в 2-х километрах севернее Истры. Здесь совершил свой героический подвиг сапер 365-го стрелкового полка Тимофей Лаврищев 14 декабря 1941 года. Во время переправы через реку Истру при 30-градусном морозе он бросился в разбушевавшуюся после подрыва Истринского водохранилища реку, поддал трос стоявшим на плоту воинам. Сам погиб, но обеспечил переправу полка. (Об этом эпизоде рассказывается в главе «Ни шагу назад».)

По инициативе ветеранов на средства комсомольцев Фрунзенского района Москвы «Зеленоградстрой» и воины столичного гарнизона воздвигли недалеко от деревни Баранцево, что на Пятницком шоссе, огромный курган с пушкой наверху. Именно здесь проходил последний рубеж обороны дивизии. Дальше враг не прошел. Много труда и энергии вложили в его сооружение ветераны дивизии С. Юдкевич и Р. Валиев, которые здесь буквально дневали и ночевали. Ныне мемориал

В Москве ходят троллейбусы с надписью:
«Маршрут им. 18-й дивизии народного ополчения».
Ветераны на станции «Сокол»

стал широко известен, и многие, кто проезжает здесь, отдают поклон героям Подмосквонной битвы.

С помощью руководства Рузского района Московской области по инициативе ветеранов сооружен Памятный знак под деревней Скирманово. Именно здесь дивизия осуществила свою первую победную операцию над фашистами в октябре 1941 года (об этом в книге есть отдельная глава «Скирманово»).

Построен мемориал на перекрестке Минского шоссе и поворота на город Гагарин (Гжатск). Здесь 365-й полк дивизии в ожесточенной схватке задержал врага, наступавшего на Москву, и тем самым обеспечил выход из окружения штаба 16-й армии Рокоссовского.

В ознаменование подвига личного состава дивизии по освобождению города Истры одна из его улиц теперь называется «Имени 18-й дивизии народного ополчения», а в городе Городок есть улица Имени 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Решением Истринского горсовета воинам-ополченцам Т. И. Крутоверцеву и П. Д. Кулакову, Н. В. Харченко за боевые заслуги присвоено звание «Почетный гражданин Румянцево», а В. И. Буланову и А. С. Куцу — «Почетный гражданин Ядремино».

Многое делается Советом ветеранов по уходу за

Ветераны дважды орденоносного
40-го гвардейского стрелкового полка (снимок 1991 г.)

братскими могилами, где похоронены воины дивизии, по выявлению имен без вести пропавших. В деревне Никулино Истринского района есть братская могила 70-ти человек, а кто поименно в ней захоронен, неизвестно. Местные жители рассказывают, что они были захвачены в плен и немцы в большой мороз вели их по деревне в одном белье и босыми, а затем за околицей расстреляли. Жители похоронили их. Пока никто не знает, из какой они части. Скорее всего это бойцы одного из наших полков, которые в районе Никулино пытались, отступая, переправиться через Истру. Или другой пример. На территории нынешнего санатория «Энергия», что на Пятницком шоссе Солнечногорского района, находятся 19 братских могил, но до сих пор неизвестны имена похороненных. Совет ветеранов, группы «Поиск» Бужаровской школы Истринского района, средней школы города Электростали и Юрловской 8-летней школы Солнечногорского района ведут сейчас поиск, чтобы узнать тайну этих могил. Есть подобные «белые пятна» и в других местах, где сражалась дивизия. Например, в населенном пункте Митино было захоронено 536 воинов. Кто они? Совету ветеранов уже удалось установить фамилии 350 человек.

Много славных боевых дел за плечами ныне здравствующих ветеранов дивизии: Н. В. Харченко, Т. С. Балашева, А. Ф. Бурькина, Л. А. Стременцева, М. С. Поз-

Нас становится все меньше.
Встреча в честь 50-летия разгрома
немецко-фашистских захватчиков под Москвой

днина, А. Г. Сандрикова, В. И. Карпова, С. С. Фетисова, Р. А. Валиева, Т. И. Крутоверцева, И. К. Щербини, В. Г. Птицына, Н. А. Ушакова, М. А. Полевничего, Б. А. Шеколдина, М. А. Носевича, Г. М. Гонтарь, П. Г. Яновского, Л. Н. Калининченка, В. Г. Щемелева, П. К. Носкова, Б. А. Тихого, В. Жигунова, И. И. Кривоного, А. Д. Карташова, Т. Н. Захарян, М. Н. Кашкарова, С. Д. Юдкевича, И. Г. Медведева, В. П. Семенко, Е. И. Сыроватского, А. К. Марченко, Н. Н. Подлинева и других. Сейчас они активно работают по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Их остается все меньше, но они не забывают друг друга. Ежегодно в Москве в парке культуры и отдыха им. Горького собираются в ажурной беседке в День Победы и вспоминают былые дни — трудные, трагические, но и славные.

Активно работает в Совете ветеранов дивизии учительница русского языка 180-й школы г. Москвы Лариса Федоровна Чечекина (Королева). Она устраивает встречи ребят с ветеранами, совершает с ними поездки по местам боевой славы дивизии, хорошо знает историю дивизии. Недавно она написала стихотворение о подвигах ее воинов. Вот оно.

1992 год, Москва

*Л. Ф. Чечекина (Королева),
учитель средней школы № 180*

* * *

Заветных слов посвящено немало
Вам, воины прославленных годин.
Сама Россия вас благословляла,
Героев гимнов, песен и былин.

От летописцев из былых преданий
Мы зрим на Русь сквозь эры и года,
Когда в годину грозных испытаний
Гуляла по Руси врагов орда.

На битву поднималось ополченье.
Рубились от зари и до зари,
В сраженьях проходили обучение
Российские сыны — богатыри.

И вновь гроза Россию обжигает!
И снова супостаты у ворот!

И мать-Россия сына провожает
В тревожный, грозный сорок первый год.

Историю страница за страницей
Листаем мы с волнением сейчас...
— Взять высоту! И не сдавать позиций!
Держать рубеж! — солдату дан приказ.

Опять эфир ловил тире и точки.
Рассвет осенний устилал туман.
Скирманово... Здесь в огневые точки
Стояли превращенные дома.

Не высота! Сплошные доты, дзоты,
Где танки врыты — дулами глядят.

Но покоряли воины высоты,
Не успевая получить награды.

Лез напролом фашист остервенело,
Снарядом пашни разрывал в клочки.
От слез сиротских гладь озер блестела,
И умывались ими палачи.

Румянцево... Не дрогнет ополченье,
ОПОЛЧЕНИЕ!

Здесь каждый свято выполнит свой долг.
Пять дней не выходил из окруженья
В сраженьях за Москву стрелковый полк.

Враг лютовал. Ломил напором быстрым
Смять оборону, завладеть Москвой.
В бою у Ефимоново, у Истры,
В неравной схватке продолжался бой.

А битве той, казалось, не погаснуть!
Двадцатый танк споткнулся — подожгли.
Здесь тридцать шесть бойцов стояли насмерть,
И танки повернули. Не прошли!

Как память больно жжет! Сквозь годы ищет...
На переправе, взорванной в огне,
Нес через Истру Тимофей Лаврищев
Тяжелый трос по ледяной волне.

Коптил огонь невиданных пожаров
Разорванного неба синеву,
И помнит рядовых и генералов
Рубеж последний в битвах за Москву.

И снова марш. Теперь уже на Запад.
Назад ни шагу! Долог будет путь...
Через бой, с этапа до этапа,
Лишь в лазаретах чтоб передохнуть.

И как набат со всех фронтов ударных
Победная гудела, пела весть...
Не перечеть погибших смертью храбрых
За РОДИНУ, СВОБОДУ, ПРАВДУ,
ЧЕСТЬ!

Да! Поражений гвардия не знала.
Крещеньем боевым была война.
Вам девять раз Москва салютовала,
Прославив ополченцев имена!

Сапер Круглов. Сержант Ахмалетдинов.
Ионесян, Омельченко, Смирнов...
Семья сынов — гвардейцев, побратимов,
Почетных граждан сел и городов.

Народы Белорусской и Литовской
Встречали вас поклоном до земли.
Дивизией гвардейской, Городокской
Отважных ополченцев нарекли.

И новый штурм дивизии стрелковой
Врага в смятенье новое поверг.
Стал эпосей штурма, вехой новой
Жестокий бой за крепость Кенигсберг.

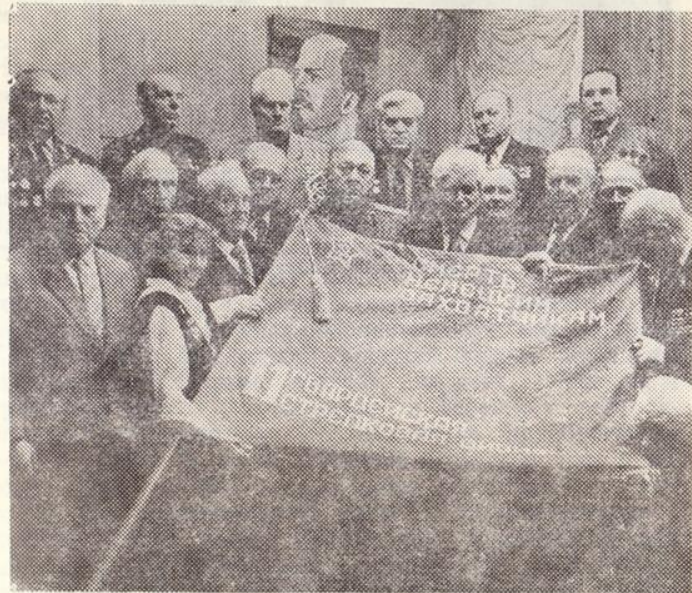
Последний бой у крепости Пиллау...
Под градом пуль песчаная коса...
Вела солдата и его державу
К победе огневая полоса.

А звезды ночью синеву сжигали
И вам дарили свой волшебный блеск...
Уж дома с фронта поезда встречали,
Был чуток сон заждавшихся невест.

Все помните. Все дорого и близко.
И тех друзей, что с вами нынче нет,
Застывших в позолоте обелисков
В честь доблестных сражений и побед.

Пусть время ваше сердце не остудит!
И доброта украсит ваши дни.
О вас вовек Россия не забудет,
Ведь вы былинным витязям сродни!

Отрадно отметить, что Совет пополняется молодыми силами за счет воинов-интернационалистов, проживающих в Ленинградском и Фрунзенском районах Москвы. В этом ветераны 11-й гвардейской стрелковой дивизии видят залог того, что память о тех, кто сражался за

Члены президиума Совета ветеранов дивизии у знамени

Родину и отстоял ее свободу и честь в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков в 1941—1945 годах, никогда не померкнет.

Москва, 1992 г.

Встреча ветеранов 33-го гвардейского стрелкового полка в 1990 г. у обелиска близ деревни Баранцево Солнечногорского района Московской области. Здесь осенью 1941 года дивизия остановила врага, а затем пошла в наступление

Заключение

Вот мы и закончили, уважаемый читатель, наше повествование о боевом пути 11-й гвардейской трижды орденоносной стрелковой дивизии. Нелегкая судьба выпала на долю ее воинов, дорогой ценой доставалась победа. Случались и трагические дни в ее истории — взять хотя бы окружение в районе Вязьмы. Как говорят, все было — и успехи, и неудачи. И это естественно. Это касается и проявления героизма и мужества людей. Но одно несомненно: эти человеческие качества применительно к воину зависят не в последнюю очередь от уровня его боевого мастерства, выучки и опыта, а когда дело касается отдельных подразделений и частей, то на первый план выступают взаимодействие, слаженность всех звеньев, как внутри, так и с соседями. Наконец, огромное значение имеет уровень управления войсками. Все эти слагаемые в их совокупности и приносят успех в бою и на войне в целом.

18-я дивизия народного ополчения, как видно из самого ее названия, не была кадровой дивизией, готовившейся к войне еще в мирное время. Она формировалась в самый трудный период начала Великой Отечественной войны — в июле 1941 года, не имея ни обученных кадров, ни штатного оружия, ни средств связи, ни тем более выучки и боевой слаженности личного состава. Вот почему в первых оборонительных боях на полях Смоленской и Московской областей боевые задачи ею выполнялись главным образом за счет стойкости и храбрости солдат и командиров и нередко с неоправданными их потерями. Но постепенно приобретались опыт и умение, а затем и военное искусство. Уже в ноябре — декабре 1941 года оборона строилась не в цепочку, как практиковалось ранее, а эшелонированно в глубину. Стала более эффективно организовываться система огня и инженерных заграждений, уменьшилась танкобязность людей. И это сразу почувствовали немцы. Если летом 1941 года они частенько бравировали храб-

ростью и шли в наступление во весь рост, с засученными рукавами, то в октябре — ноябре начали пригибаться, прятаться, а потом и ползать.

А все оттого, что наша оборона стала более искусной, устойчивой, возросло взаимодействие и управление частями и подразделениями. И враг все замедлял свой шаг, все притормаживал, а в конце ноября и вовсе остановился. Немцы были обескровлены.

Наступил перелом. Советские войска, в том числе наша дивизия, в начале декабря 1941 года перешли в общее наступление под Москвой. Не имея опыта наступать, полки на первых порах действовали неумело, боевые порядки были неглубокие, без необходимых резервов. Атаки проводились в одну-две цепи без непрерывного огневого сопровождения. Маневр на поле боя применялся редко и нерешительно. В последующие годы, особенно в Орловской операции летом 1943 года и в Белорусской в 1944 году, части дивизии постепенно овладевали искусством наступательного боя. Прорыв вражеской обороны осуществлялся не по всему фронту, а на узких участках при значительном превосходстве в силах и средствах над противником на направлении главного удара. Широко стало применяться артиллерийское и авиационное наступление. Как правило, накануне общего наступления проводилась разведка боем передовыми батальонами с целью обнаружения огневых средств противника.

Случилось так, что на пути дивизии оказались три крупных водных преграды — реки Березина, Неман, Прегель. И тут были осуществлены успешные операции. Мы форсировали эти реки с ходу, быстро захватили плацдармы, умело закреплялись на них и непременно отбивали многочисленные атаки противника. Поэтому неслучайно дивизия за успешное наступление в Белоруссии, где ей пришлось преодолеть водные препятствия, летом 1944 года была награждена орденом Суворова, ибо гвардейцы воевали по-суворовски: не числом, а умением.

В Городской операции 23 декабря 1943 года наша дивизия приобрела боевой опыт по овладению крупным населенным пунктом — городом Городок — и ведению наступления в условиях лесисто-озерной местности, бездорожья и распутицы. Этот опыт нам пригодился потом в боях за освобождение Белоруссии и Литвы, во время

штурма Кенигсберга, когда пришлось прорывать уже не полевую, а глубокоэшелонированную долговременную оборону с наличием системы бетонных сооружений и укреплений.

При вторжении в Восточную Пруссию дивизия получила опыт действий в составе крупной подвижной группы армии, в которую входили 2-й гвардейский танковый корпус и наша дивизия, в условиях открытых флангов, что также весьма пригодилось в штурме крепости Кенигсберг. В этих же боях дивизия впервые в своей истории умело подготовила и применила на практике действия штурмовых отрядов и групп. По существу, вся артиллерия дивизии, в том числе и самоходная, действовала в боевых порядках этих отрядов и групп и вела огонь прямой наводкой. Наш успех в овладении Кенигсбергом обусловил тот факт, что именно представителю 11-й гвардейской стрелковой дивизии начальнику штаба подполковнику П. Г. Яновскому была поручена важная задача: предъявить ультиматум командующего 3-м Белорусским фронтом маршала А. М. Василевского немецкому командованию о капитуляции войск в Кенигсберге и принять эту капитуляцию. И это поручение было с честью выполнено.

Само собой разумеется, что мастерство и военное искусство личного состава частей и подразделений дивизии обреталось и совершенствовалось не самотеком, стихийно. Это было результатом планомерной учебы, постоянной кропотливой работы и огромных усилий командования, штабов, политорганов, без чего боевые успехи дивизии были бы немислимы. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что она первой из ополченческих дивизий страны получила звание гвардейской, заняв почетное 11-е место в списке всех 117 гвардейских стрелковых дивизий Советской Армии.

**ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
воины 2-й гвардейской
Городокской стрелковой
Краснознаменной
ордена Ленина
и орденов Суворова дивизии**

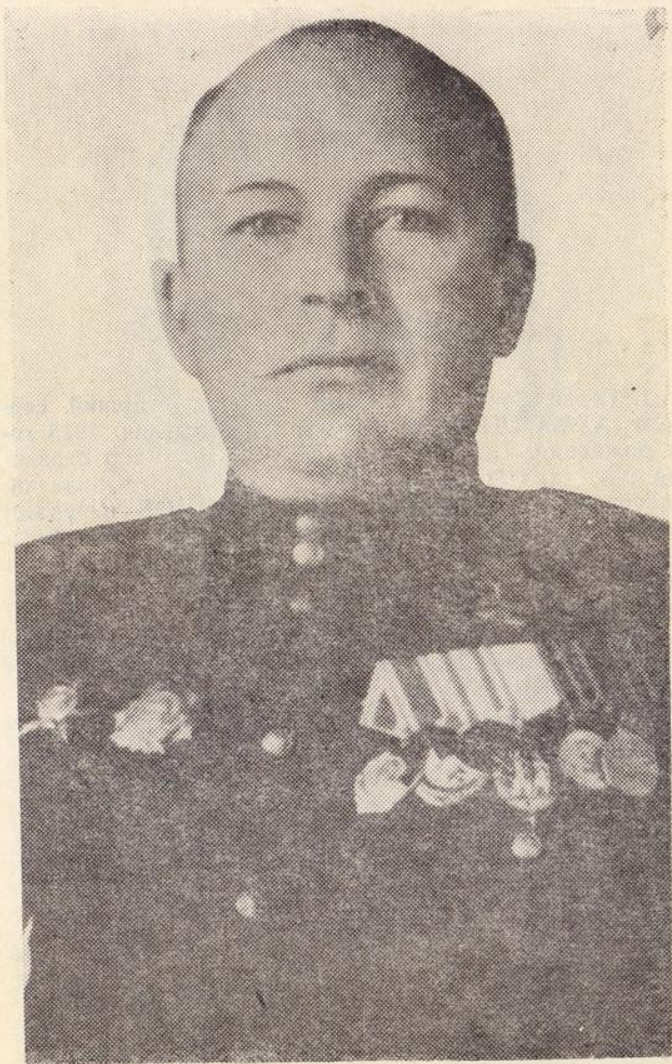

Ахмалдинов Ф. Ф.

1. Герой Советского Союза гвардии старший сержант АХМАЛДИНОВ Фазульян Фазлыевич, 1918 года рождения. Татарин. Член КПСС. Командир отделения 9-й гвардейской разведывательной роты дивизии. Получив боевое задание, АХМАЛДИНОВ переплыл на плащ-палатке суровый Неман, выследил вражескую группу в 22 человека и напал на нее. 8 фашистов он уничтожил гранатами, 9 убил из автомата, одного заколол ножом. Трое убежали, одного взял в плен. Выйдя на берег реки, он подал сигнал к переправе стрелковому отделению. На боевом счету АХМАЛДИНОВА много славных дел.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
24.3. 1945 года.

Баландин В. М.

2. Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант БАЛАНДИН Василий Максимович, 1920 года рождения. Русский. Член КПСС. Командир батареи 30-го гвардейского артиллерийского полка. Участник форсирования реки Неман и жестоких боев на плацдарме. Ночью БАЛАНДИН с рацией в сопровождении разведки переправился на западный берег реки и продолжительное время руководил огнем, обрушивая сокрушительные удары трех батарей на вражескую технику и живую силу. Благодаря неиссякаемой энергии опытного артиллериста плацдарм выдержал бешеный натиск, и разбитый враг бежал.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
24.3. 1945 года.

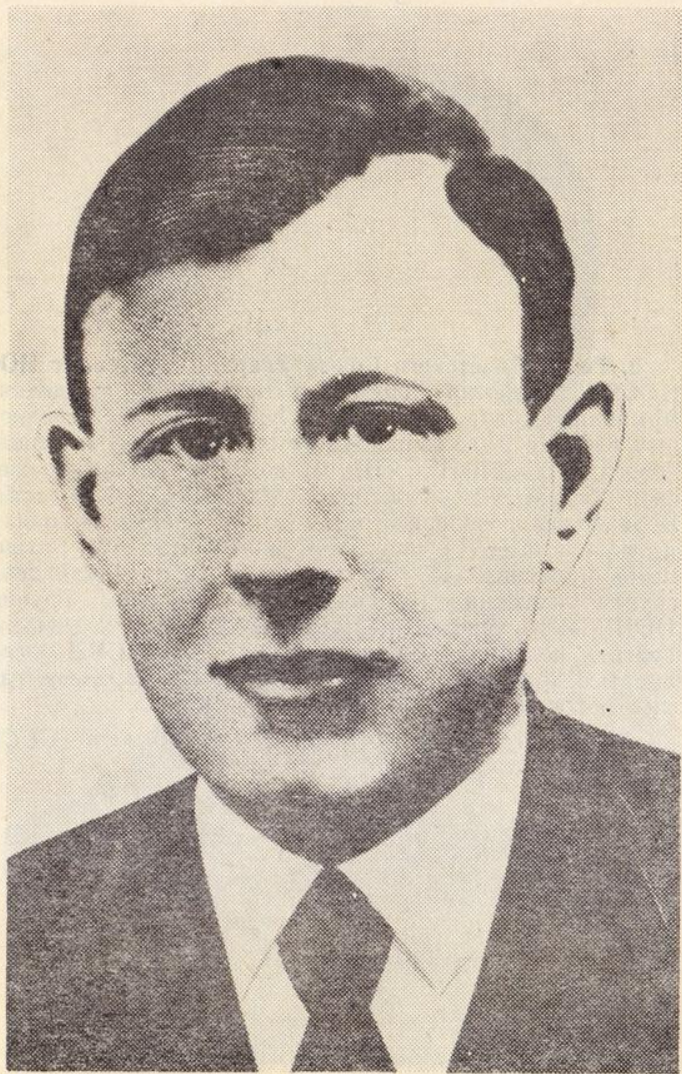

Ионесян В. А.

3. Герой Советского Союза гвардии лейтенант **ИОНЕСЯН** Владимир Абрамович, 1905 года рождения. Армянин. Кандидат в члены КПСС. Командуя стрелковым взводом 27-го гвардейского ордена Суворова стрелкового полка, ИОНЕСЯН участвовал в прорыве вражеской обороны у деревни Тростянка Калужской области. Ворвавшись в траншею, он лично расстрелял 38 солдат и офицера, а его группа уничтожила 63 солдата, 5 офицеров и пленила 18 оккупантов. На следующий день группа уничтожила 73 солдата и офицера. Группа ИОНЕСЯНА успешно действовала в тылу отходившего врага и подорвала много техники. ИОНЕСЯН погиб смертью храбрых на подступах к городу Карачеву, где он и похоронен.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
27.8.1943 года.*

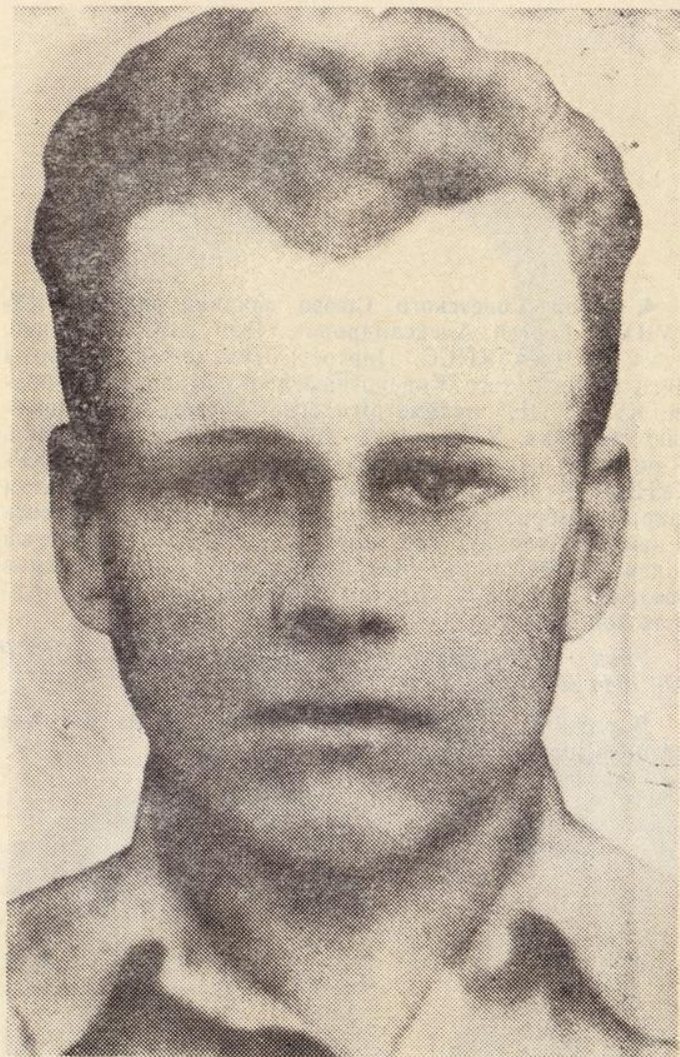
Кукунин С. А.

4. Герой Советского Союза гвардии рядовой КУКУНИН Сергей Александрович, 1899 года рождения. Русский. Член КПСС. Парторг. Пулеметчик 9-й роты 40-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка. КУКУНИН пулеметным огнем помогал продвижению стрелков. Уже отбиты две жестокие контратаки. У деревни ожил вражеский дзот, и рота залегла. КУКУНИН с гранатой направился к нему и своим телом закрыл амбразуру. Пулемет заглох. Бойцы поднялись и заняли Старицу. Так парторг повторил бессмертный подвиг Александра Матросова. Героя похоронили в братской могиле в Старице Ульяновского района Калужской области.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
4.6. 1944 года.*

В родном его городе Новомосковске одна из улиц названа именем КУКУНИНА.

Круглов В. И.

5. Герой Советского Союза, гвардии ефрейтор КРУГЛОВ Василий Иванович, 1902 года рождения. Русский. Член КПСС. Сапер 15-го гвардейского отдельного саперного батальона дивизии. Активный участник форсирования Немана. Первые часы на рыбацкой лодке переправлял гвардейцев на тот берег. Затем на пароме под бомбежкой перевез боеприпасы, артиллерию, обозы 33-го стрелкового полка. Мужество и героизм коммунист КРУГЛОВ проявлял неоднократно. В районе Рудни на Смоленщине под огнем противника в проволочном заграждении и минных полях он проложил проходы для наступления пехоты. Через навешенный им мост на Березине быстро была переброшена артиллерия. КРУГЛОВ погиб в разведке под Кенигсбергом 3 февраля 1945 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
24.3. 1945 года.

Никонов Н. П.

6. Герой Советского Союза гвардии младший сержант **НИКОНОВ** Николай Павлович, 1925 года рождения. Русский. Член ВЛКСМ. **НИКОНОВ** командовал стрелковым отделением 40-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка. Летом 1944 года он участвовал в освобождении Белоруссии и Литвы, показав себя смелым и мужественным воином. С группой добровольцев-разведчиков он переплыл Неман и захватил плацдарм, где затем развернулись горячие оборонительные бои. 17 июля в жестокой схватке **НИКОНОВ** погиб.

Его похоронили в литовском городе Алитусе.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
24.3. 1945 года.*

Поярковская школа, где учился герой, ныне носит имя **НИКОНОВА**.

Омелечко Н. Ф.

7. Герой Советского Союза гвардии лейтенант **ОМЕЛЕЧКО** Николай Федорович, 1922 года рождения. Украинец. Член КПСС. Командир стрелковой роты 40-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка. Боевой подвиг совершил в феврале 1943 года. Он дважды увлекал бойцов на штурм укрепленных противником деревень Дмитриевка и Полики Калужской области. Лично он уничтожил танк, 28 солдат и офицеров. Смелый, бесстрашный воин, участник битвы за Москву, он неоднократно отличался на полях сражений.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
19.6. 1943 года.*

ОМЕЛЕЧКО Николай Федорович трагически погиб 14 июня 1953 года.

Его именем названа Ново-Никоновская восьмилетняя школа.

Сисейкин Ф. Д.

8. Герой Советского Союза гвардии сержант **СИ-СЕЙКИН** Федор Дмитриевич, 1914 года рождения. Русский. Перед прорывом укрепленной линии Дмитриевка—Полики пулеметный расчет 40-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка под командованием **СИСЕЙКИНА** отправился в тыл врага. Пулеметчиков обстреляли, двое погибли. **СИСЕЙКИН** добрался с пулеметом к дороге. Когда захватчики отходили, он открыл шквальный огонь, уничтожив 68 фашистов, но сам был тяжело контужен. Несколько дней назад он один занял вражеский дзот, а когда гитлеровцы пытались его отбить, расстрелял 25 фашистов.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР.
19.6. 1943 года.*

Скрынников С. А.

9. Герой Советского Союза гвардии подполковник **СКРЫННИКОВ** Степан Андреевич, 1906 года рождения. Русский. Член КПСС. Командир 40-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка. Участник форсирования реки Неман и боев в Восточной Пруссии. Важную роль сыграл полк под командованием СКРЫННИКОВА в сложных условиях боя в октябре 1944 года под Гумбинненом. По отзыву командующего 11-й гвардейской армией К. Н. Галицкого 40-й полк создал устойчивое положение для частей дивизии и 2-го гвардейского танкового корпуса, наступавших на Гумбиннен. Личная заслуга СКРЫННИКОВА в этом деле высокая.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
24.3. 1945 года.*

Смирнов К. Г.

10. Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант СМИРНОВ Константин Григорьевич, 1922 года рождения. Русский. Член КПСС. Командир пулеметной роты 33-го гвардейского ордена Кутузова стрелкового полка. СМИРНОВ первым на своем участке переплыл Неман, разведка местность. Обнаружив рыбацкие лодки, организовал переправу пулеметчиков и занял стойкую оборону, прикрывая ночную переправу основных сил полка. За мужественный подвиг СМИРНОВ удостоен звания Героя Советского Союза.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
24.3. 1945 года.*

Толмачев М. И.

11. Герой Советского Союза гвардии старший сержант **ТОЛМАЧЕВ** Михаил Иванович, 1909 года рождения. Русский. Командир пулеметного расчета 40-го гвардейского Краснознаменного стрелкового полка. В болотах Белоруссии **ТОЛМАЧЕВ** подобрался к противнику и огнем пулемета уничтожил 60 солдат и офицеров. Вместе с **НИКОНОВЫМ** он переплыл Неман и, захватив плацдарм, отбивал контратаки. **ТОЛМАЧЕВ** один из первых перешел границу Восточной Пруссии и истреблял фашистов в их логове. Осколок разорвавшегося снаряда оборвал его жизнь. Заслуженного гвардейца похоронили в литовском городе Капсукасе.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
24.3. 1945 года.*

В Ивантеевке именем **ТОЛМАЧЕВА** названа улица, где он жил. В городском парке открыта аллея Героя Советского Союза.

Тонконог И. В.

12. Герой Советского Союза гвардии старший сержант **ТОНКОНОГ** Иван Власович, 1913 года рождения. Украинец. Командир стрелкового взвода 33-го гвардейского ордена Кутузова стрелкового полка. **ТОНКОНОГ** со своим взводом на рыбацких лодках переправился на противоположный берег Немана и закрепился на захваченном плацдарме. Несмотря на жестокие контратаки противника, взвод выдержал натиск и истребил до полусотни гитлеровцев. **ТОНКОНОГ** лично уничтожил девять фашистов. 18 июля Иван Власович погиб в боях за Родину. Похоронили его в городе Алитусе на братском кладбище рядом с **НИКОНОВЫМ**.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
24.3. 1945 года.*

Горсовет Слюдянки назвал улицу именем **ТОНКОНОГА**.

Цыганов Н. Г.

13. Герой Советского Союза гвардии генерал-майор **ЦЫГАНОВ Николай Георгиевич**, 1909 года рождения. Русский. Член КПСС. Командир 11-й гвардейской Городокской стрелковой ордена Ленина Краснознаменной и ордена Суворова дивизии. Командование дивизией Николай Георгиевич ЦЫГАНОВ принял в феврале 1944 года. Под его руководством дивизия участвовала в освобождении Белоруссии и Литвы, в форсировании Березины и Немана и в боях в Восточной Пруссии. Штурмуя неприступный Кенигсберг, дивизия взяла в плен коменданта крепости генерала Ляша с его штабом. Н. Г. ЦЫГАНОВ заслуженный командир славной Советской Армии.

*Указ Президиума Верховного Совета СССР
19.4. 1945 года.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Вместо предисловия	7
Глава первая. РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ	18
По зову сердца	18
Зачислена в кадры	25
На дальних подступах к Москве	36
Боевое крещение	45
Глава вторая. НА ВОЛОКОЛАМСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	56
Сквозь вражеское кольцо	56
Бои за Скирманово	70
Ни шагу назад!	86
Усмирение «Тайфуна»	112
Глава третья. ПОД ГВАРДЕЙСКИМ ЗНАМЕНЕМ	137
Экзамен на зрелость	137
Ожесточенные бои под Жиздрой	155
Глава четвертая. ВПЕРЕД НА ЗАПАД	177
На Орловском выступе	177
Гвардейская Городокская	200
Операция «Багратион»	209
Глава пятая. В ЛОГОВЕ ВРАГА	227
Вторжение	227
Штурм Кенигсберга	241
Глава шестая. ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛ- ЧАНЕ?	262
З а к л ю ч е н и е	274
Герои Советского Союза — воины 2-й гвардейской Городок-	
ской стрелковой Краснознаменной ордена Ленина и орденов	
Суворова дивизии	277

На первой странице обложки: фото 76-миллиметровой пушки времен Великой Отечественной войны. Она установлена на искусственном холме — последнем рубеже обороны дивизии осенью 1941 г. в 35-ти километрах от Москвы. Это — мемориал в честь воинов 11-й гвардейской Городокской Краснознаменной ордена Ленина, орденов Суворова стрелковой дивизии (бывшей 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района города Москвы). Он установлен возле деревни Баранцево Солнечногорского района Московской области — последнем рубеже обороны дивизии. Дальше враг не прошел.

Подписано в печать 11.01.93 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага писчая. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 15 000. Заказ 4839. 1993 г.
РИО Упрполиграфиздата. Омск-24, ул. Ленина, 20.
ИПК «Омич», Омск-56, просп. Маркса, 39.